

Джон
БЕНЬЯН
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПИЛИГРИМА
В НЕБЕСНУЮ СТРАНУ

Свыше ста иллюстраций
Ф. Барнарда, Дж. Линтона,
У. Смолла

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Джон Беньян
(1628–1688)

Джон Беньян

ПУТЕШЕСТВИЕ ПИЛИГРИМА В НЕБЕСНУЮ СТРАНУ

Перевод с английского
Ю. Д. Засецкой

Иллюстрации
Ф. Барнарда, Дж. Линтона, У. Смолла

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор».*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.111
ББК 84(0)5
Б46

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирувания
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Б46 **Беньян Дж.** Путешествие Пилигрима в Небесную страну. — СПб.: СЗКЭО, 2023, — 288 с., ил.

Роман классика английской религиозной литературы проповедника Джона Беньяна (1628–1688), большая аллегория о поиске человеком Бога, публикуется в переводе Ю. Д. З. — Юлии Денисовны Засецкой (1835–1882), известной русской протестантки, дочери героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Текст украшает 101 рисунок художников Фредерика Барнарда (1846–1896), сэра Джеймса Дромгоула Линтона (1840–1916), Уильяма Смолла (1843–1931) и др.; гравировка по дереву лондонской фирмы «Братья Далзил».

ISBN 978-5-9603-0828-1 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0829-8 (Кожанный переплет)

© СЗКЭО, 2023

Bunyan's Pilgrim's Progress

Александр Пушкин

Странник¹

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Внезапно был объят я скорбью великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

¹ Стихотворное изложение первой главы текста используется в изданиях «Путешествия Пилигрима» на русском языке начиная с XIX в. (здесь и далее — *примеч. ред.*).

Иллюстрации воспроизводятся по изданию:

The Pilgrim's Progress by John Bunyan. — Philadelphia : Henry Altemus, 1890.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! —
Сказал я, — ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь все плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Все плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились,
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как раб, замысливший отчаянный побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.

Он тихо поднял взор — и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
Я вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».

«Коль жребий твой таков, —

Он возразил, — и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?» —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.
Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети, и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

Часть I. Христианин

Вертеп и сновидец

Когда я странствовал по дикой пустыне этого мира, я наткнулся на одно место, где находился вертеп. Там я лег отдохнуть и вскоре заснул. И вот приснился мне сон:

Вижу человека, одетого в грязные рубища, который стоял неподвижно на дороге, спиной к своему жилищу. В руках его была книга, а на спине тяжелое бремя. Гляжу, он открывает книгу и читает, но почему-то вдруг залился слезами и задрожал (Ис. 64:6; Лук. 14:33)¹. Потом, как бы не в силах превозмочь тревожного чувства, он воскликнул отчаянным голосом: «Что мне делать?»

В этом грустном расположении духа он вернулся к себе домой и, насколько мог, преодолевал себя, чтобы жена его и дети не заметили его скорби. Не долго удалось ему скрывать перед ними душевное страдание, так как оно постоянно усиливалось. Наконец, решился он высказаться семейству и обратился к нему со словами: «О, милая моя жена и возлюбленные дети, я, друг ваш, вне себя от горя, от тяжелого бремени, которое сильно меня гнетет. Притом я узнал достоверно, что наш город будет сожжен небесным огнем, и мы все погибнем неминуемо, если не найдем пути, которого я пока еще не знаю, но по которому только и возможно спастись от ужасной смерти».

При этих словах все его близкие сильно опечалились и изумились, не потому, чтобы доверились его речам, но потому, что сочли их доказательством умопомешательства, и так как приближалась ночная пора, они решили, что несколько часов отдыха успокоют его мозговое волнение, и убедили его лечь в постель. Однако ночь прошла также без сна, и беспокойство не уменьшилось.

¹ Здесь и далее список сокращений названий книг Библии см. на с. 286.

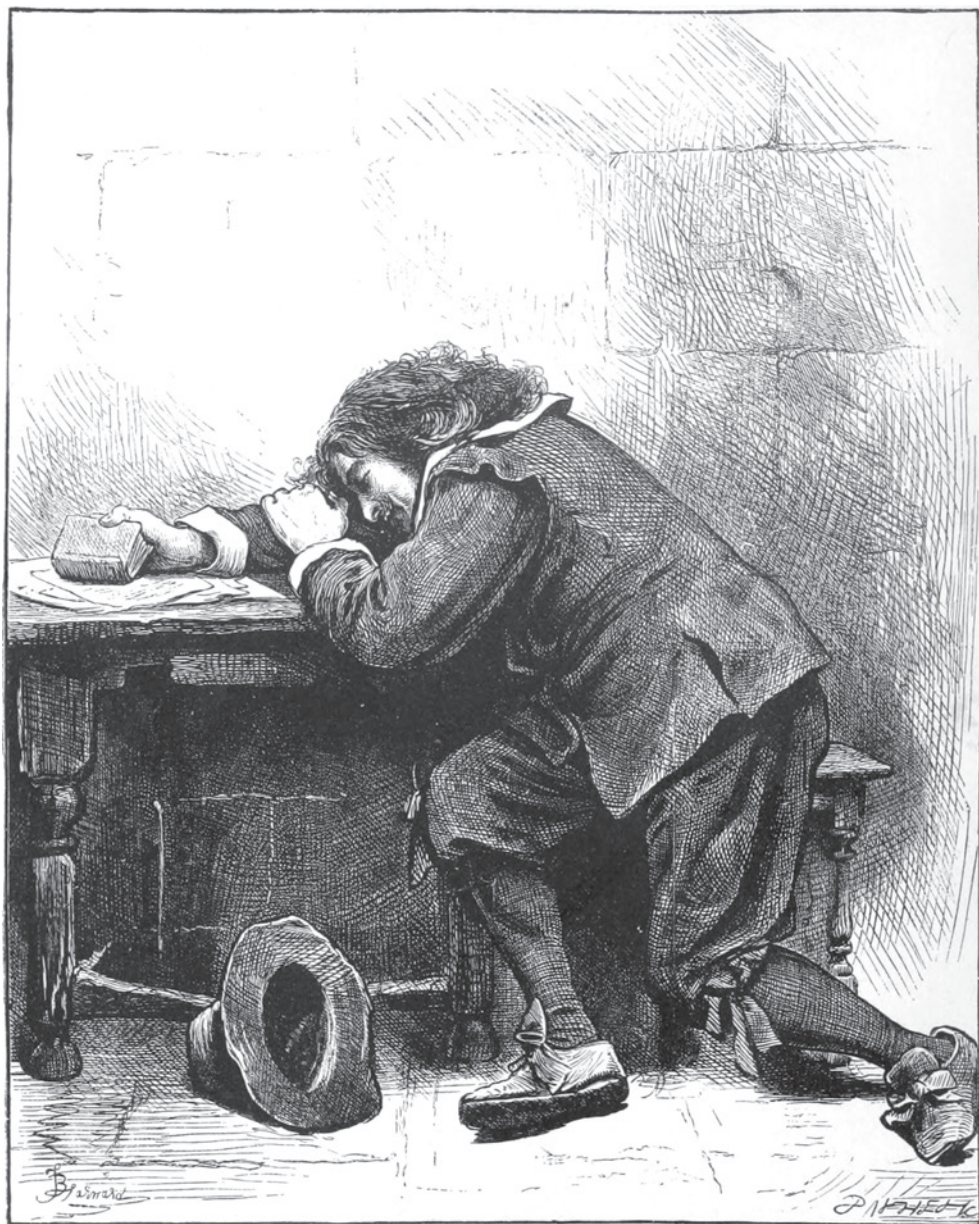
До самого утра он плакал и вздыхал. На другой день жена его и дети пришли осведомиться о его здоровье. Ответ был, что ему все хуже и хуже, и тут он снова заговорил с ними о смущающей его мысли. Это привело их в раздражение. Сперва они пытались заглушить его расстроенное воображение разными жесткими упреками, потом старались рассеять пустой болтовней; там опять принимались его бранить и, наконец, стали избегать всякого с ним общения. Он стал также уединяться, молился за них, жалел, что они ему не хотят верить, и оплакивал свое собственное горькое положение. Иногда ходил он прогуливаться в одиночестве по широкому полю, читая и молясь, и таким образом провел он несколько дней.

Вот вижу я его однажды скитающимся по полю и по своему обыкновению занятым чтением книги, и мне показалось, что он стал еще мрачнее. И вдруг он снова громко воскликнул: «Что мне делать, чтобы спастись?» (Деян. 16: 30–31).

Я видел, как он нерешительно и боязливо озирался во все стороны, как будто отыскивая путь, по которому следует ему бежать. Между тем он не трогался

Он стал также уединяться, молился за них, жалел, что они ему не хотят верить, и оплакивал свое собственное горькое положение.

Там я лег отдохнуть и вскоре заснул.

с места, не зная, который из многих ему избрать. Но вот, вижу, подходит к нему человек по имени Евангелист и спрашивает: «О чем ты плачешь?» (Иов. 33:23).

Он отвечал: «Эта книга, которую теперь читаю, убеждает меня, что я осужден на смерть и после должен предстать на судилище, а я сознаюсь, что ужасаюсь первого и не в силах выдержать другое» (Евр. 9:27; Иез. 22:14).

Тогда сказал ему Евангелист: «Но почему же ты ужасаешься смерти, когда жизнь исполнена столькох зол?» Он отвечал: «Я боюсь, как бы это тяжелое бремя на спине не потянуло меня ниже самой могилы, и я тогда провалюсь в место сожжения. А если не гожусь для тюрьмы, то, без сомнения, меня еще более страшат судилище и казнь (Ис. 30:33). И все эти мысли вызвали у меня слезы отчаяния».

На это возразил Евангелист: «Ежели твое положение таково, почему же ты не трогаешься с места?» — «Потому, — отвечал он, — что не знаю, куда мне идти». Тут Евангелист вручил ему сверток из пергамента, на котором было написано: «Беги от наступающего гнева!» (Мат. 3:7). Прочитав эти слова, бедный человек внимательно взглянул на Евангелиста и спросил: «Но куда же мне бежать?» Указав пальцем в даль по широкому полю, Евангелист сказал: «Видишь ли ты там, вдали, Тесные Врата?» (Мат. 7:13–14). — «Нет», — ответил человек.

«Ну так, — продолжал Евангелист, — видишь ли вдалеке блестящий свет?»

«Кажется, я вижу вдали свет».

«Старайся же, чтобы этот свет всегда был перед твоим взором, — сказал Евангелист, — и ступай по направлению к нему. Ты тогда дойдешь до Тесных Врат, постучись, и тебе скажут, как поступать далее».

Виджу я, что человек моего сновидения опрометью пустился бежать в указанную сторону. Не успел он еще очень удалиться от своего дома, как жена его и дети, увидев его бегущим от них, подняли громкий вопль, умоляя его вернуться. Но он заткнул себе уши пальцами и побежал еще скорее, восклицая: «Жизнь, жизнь, вечная жизнь!» Он даже не обернулся, чтобы взглянуть на них, но пустился бегом к середине поля (Лук. 14:26; Быт. 19:27).

Все его соседи по дому вышли также посмотреть на него. Некоторые надсмехались над ним, другие порицали его, а иные со слезами звали его назад. Из числа последних двое решились вернуть его во что бы то ни стало.

Одного из них называли Упрямым, а другого Сговорчивым. В это время бежавший был уже далеко, но они все-таки решились догнать его и пустились за ним в погоню. В самом деле, они вскоре настигли своего друга.

Тогда он спросил их: «Соседи, зачем это вы сюда прибежали?» — «Затем, — отвечали они, — чтобы убедить тебя с нами вернуться домой».

Но он возразил: «Это я не сделаю ни за что! Вы живете в городе Разрушение (место, где я родился и жил до сих пор), но теперь я узнал, что это за место. И когда вы умрете, рано или поздно, вы провалитесь ниже самой

Вижу человека, одетого в грязные рубища...

Упрямый

могилы, в глубину, где вечно пылают огонь и сера. Успокойтесь, добрые соседи, и пойдемте лучше вместе со мной».

Упрямый: «Как? покинуть друзей, дом, спокойную жизнь?»

Христианин (так назывался человек моего сновидения): «Да, потому что все, что ты бросишь, не может сравниться с малейшей частицей того, чего я добиваюсь. И если ты согласен идти со мной для той же цели, то получишь также свою долю, потому что, куда я иду, там много добра, на всех хватит, даже с избытком (Лук. 5:17). Пойдемте, и вы испытаете, что слова мои верны».

Упр.: «Что же ты такое можешь искать там, когда все на свете я оставил за собой?» (1 Пет. 1:4–6; 2 Кор. 9:6–10).

Хр.: «Я ищу и добиваюсь наследства нетленного, непорочного, которое никогда не увядает. А мне сказано, что оно на Небе, в безопасном месте, и будет разделено в назначенное время между теми, которые прилежно будут стараться получить его. Прочитай это, если хочешь, в моей книге».

Упр.: «Полно! Пошел ты со своей книгой... Хочешь ли вернуться с нами или нет?»

Хр.: «Конечно, нет. Моя рука взялась за плуг...»

*Не долго удалось ему скрывать перед ними душевное страдание,
так как оно постоянно усиливалось.*

Сговорчивый

Упр.: «Ну так уйдем от него, сосед Сговорчивый, вернемся домой без него. Есть целое общество подобных безумцев, и как только они что возьмут себе в голову, то воображают себя умнее семи здравомыслящих людей, способных дельно рассуждать».

Сговорчивый: «Зачем так порочить людей. Если добрый Христианин говорит истину, так то, что он старается получить, гораздо заманчивее того, что мы имеем теперь. И меня очень тянет идти с моим соседом».

Упр.: «Как? Еще одним дураком больше! Послушайся меня, пойдем назад. Кто знает, куда такой безмозглый болван завлечет тебя! Назад, пойдем назад, докажи, что ты рассудителен».

Хр.: «Нет, сосед, а скорее ты последуй примеру Сговорчивого».

«В самом деле, мы там получим то, о чем я сейчас говорил, и, сверх того, великую славу. Если ты мне не веришь, прочти в этой книге, а за истину всего того, что там написано, отвечает сам Тот, Кто запечатлел ее Своею кровью» (1 Кор. 9:17–20).

Сгов.: «Слушай, сосед Упрямый, я думаю решиться. Пойду я с этим добрым человеком и соединю мою судьбу с его... Но, добрый товарищ, уверен ли ты, что знаешь путь к желанному месту?»

Евангелист сказал: «Видишь ли ты там, вдали, Тесные Врата?»»

Хр.: «Я получил наставление от человека по имени Евангелист. Он указал мне на путь к Тесным вратам, которые вдали от нас, где мы получим все нужные указания к продолжению нашего пути».

Сгов.: «Ну, так идем, добрый сосед, идем быстрее!» И оба вместе отправились далее.

Упр.: «А я вернусь на старое место. Я не желаю быть товарищем таких безумных фантазеров».

Топь уныния

И вот вижу, что Упрямый повернул к себе домой, а Сговорчивый с Христианином продолжали путь, разговаривая друг с другом так:

Хр.: «Ну, сосед, как я тебе рад! Ты хорошо сделал, что решился идти со мной! Если б Упрямый перечувствовал, как я, всю власть и ужас того, что теперь пока невидимо, он бы не так легко решился вернуться домой».

Сгов.: «Послушай, сосед, так как мы теперь с тобой одни, скажи мне подробнее, что мы идем искать, как мы там будем счастливы и куда мы с тобой отправляемся?»

Хр.: «Я сильнее чувствую все это душой, чем могу передать словами. Но если ты желаешь узнать о том достоверно, я могу тебе прочесть на этот счет из моей книги».

Сгов.: «И ты думаешь, что все, что там написано, истинно?»

Хр.: «Без сомнения, потому что эта книга дана Тем, Кто лгать не может» (Тит. 1:2–9).

Сгов.: «Ответ твой хорош; так что же мы с тобой получим?»

Хр.: «Мы будем жить в царстве, которое не имеет конца, и получим жизнь вечную» (2 Тим. 4:8; Откр. 3:4).

Сгов.: «Хорошо... ну, а еще что?»

Хр.: «Мы получим венец славы и одежды, которые будут сиять, как солнце на синем небе».

Сгов.: «Все это очень мило... ну, а что же еще?»

Хр.: «Там не будет более стенаний и печали, потому что Властелин этого места сотрет всякую слезу с наших очей» (Откр. 7:17; Ис. 25:8).

Сгов.: «А какое у нас общество там будет?»

Хр.: «Мы там будем с херувимами и серафимами, вид которых ослепил бы нас здесь. Еще встретим мы там тысячи тысяч из таких, которые пришли туда до нас (Откр. 5:11). Никто из них зла не делает, они добры и святы и ходят пред Господом и приняты в Его присутствие вовек: там будут старцы с золотыми венцами, святые девы, играющие на золотых арфах (Откр. 4:4). Мы увидим людей, которых на земле резали на куски, сожигали на кострах, давали на съедение зверям, топили в морях ради их любви к Господу и этого

места. Все там будут здоровы и невредимы и облечены в одежду бессмертия» (2 Кор. 5:2).

Сгов.: «Когда слушаешь один рассказ об этом, приходишь в восхищение, но в самом ли деле мы всем этим будем наслаждаться? Как мы сделаемся участниками таких радостей?»

Хр.: «Господь, властелин этой страны, объявил в этой книге, что тем, кто пожелает получить обещанное в ней. Он дарует все безвозмездно» (Ис. 55:1–5; Иоан. 6:37; 7:37; Откр. 21:6; 22:17).

Сгов.: «Хорошо, добрый товарищ, меня радуют подобные вести. Прибавим же шаг и пойдем побыстрее».

Хр.: «Не могу ходить так, как я бы желал, потому что у меня на спине тяжелое бремя».

Во время этого разговора они незаметно приблизились к грязной топи, находившейся в середине поляны, и по беззаботности своей оба вдруг провалились в тину. Эта топь носила название Топь Уныния.

Они в ней барахтались некоторое время и ужасно забрызгались грязью. Христианин от тяжелого бремени на спине стал даже утопать в тине.

«Ах, сосед Христианин, — воскликнул тогда Сговорчивый, — что с тобой делается?»

«Право, — отвечал Христианин, — сам не знаю, что». Этот ответ оскорбил Сговорчивого, и он с раздражением возразил товарищу: «Так вот оно блаженство, о котором ты только что мне говорил с увлечением? Если с нами случилась такая неудача в самом начале нашего путешествия, чего нам еще ожидать до его окончания! Только бы мне выкарабкаться отсюда живому, и ты, пожалуй, завладей прекрасной страной для себя одного». И с этими словами он собрал все свои силы и вылез из топи на тот берег, который был ближе к его дому. Так он и ушел домой, и Христианин никогда с ним более не свиделся. Христианин, оставшись один, долго старался выйти из Топи Уныния, но он направлял все свои движения на берег, который ближе к Тесным Вратам, что ему отчасти удалось, хотя он никак не мог совсем вылезть на берег из-за бремени на спине. Но вот вижу: подходит человек по имени Помощь и спрашивает: «Что ты здесь делаешь?»

Хр.: «Мне сказал некто, по имени Евангелист, идти прямо к Тесным Вратам, если хочу избежать будущего гнева Божия. Я был на пути туда и вдруг здесь провалился».

Помощь: «Почему же ты не обратил внимание на ступени?»

Хр.: «Меня обьял такой страх, что я кинулся в другую сторону и стал тонуть в тине».

Помощь: «Вот тебе моя рука: ухватись за нее». И своей мощной рукой он вытащил Христианина из топи, поставил его на твердую почву и велел идти далее (Пс. 17:3).

Я решил подойти к тому, кто его вытащил, и спросил его: «Скажите мне, почему на этом пути, который ведет из города Разрушение в Тесные Врата,

это место не исправлено, ведь другого пути нет, а бедные путешественники всегда здесь подвержены опасности?»

Он отвечал мне: «Эту грязную топь исправить нельзя. Это провал, куда стекают нечистоты с пеной, иначе сказать, в духовном смысле — понимание и сознание греховности; поэтому место называется Топь Уныния. Когда грешник пробуждается от отуманившего его греха и познает истину, после некоторого времени им вдруг овладевают страх, сомнения и недоверие, и эти тяжелые чувства все собрались в одно место и испортили почву земли, по которой идет путь. Не думайте, однако, чтобы это доставляло удовольствие Владыке страны вовлекать путешественников в такую опасность. Вот уже более 19-ти веков, как слуги Его Величества трудятся исправить это место, наполняя его различными противодействиями. Миллионы верных наставлений и удостоверений были присланы сюда Его добрыми слугами в разные века, и все знают, как хорош был этот материал, но все было напрасно, и, насколько я знаю, здесь тысячами погибали путешественники с нагруженными обозами добрых намерений и самонадеянности. И теперь стоит на пути Топь Уныния и, вероятно, будет еще долго служить погибелью для многих. Правда, по приказанию Законодателя проведены через всю топь ступени, и очень надежные, но из-за большого количества пены и грязи, которые извергает топь в это время года, они не всегда заметны. Впрочем, даже если бы они видны были, люди, проходящие здесь, чувствуют такое головокружение, что непременно ногой наступают возле ступеней и выходят оттуда совершенно покрытые грязью, если не погибают окончательно. На той стороне, к Тесным Вратам, почва твердая и безопасная».

После того я увидел в моем сновидении, что Сговорчивый вскоре вернулся домой. Все соседи собрались около него. Некоторые хвалили его, называли рассудительным человеком, оттого что образумился. Другие называли дураком, потому что вздумал идти с Христианином в дальний и трудный путь. Третьи насмехались над ним, называя его трусом, прибавляя: «Уж если б я раз решился идти, я бы не имел подлости испугаться первых затруднений на пути и вернуться из страха столкнуться с большими».

И Сговорчивый сидел между ними, пристыженный. Мало-помалу он ободрился и вместе с другими стал всячески осмеивать Христианина.

С этой минуты никогда более не видал я Сговорчивого в моем сновидении.

Христианин, оставшись один, долго старался выйти из Топи Уныния, но он направлял все свои движения на берег, который ближе к Тесным Вратам...

Мирской Мудрец

Христианин, оставшись один, заметил вдали человека, идущего к нему навстречу через поле, и вскоре они столкнулись на одном пункте дороги. Имя этого господина было Мирской Мудрец. Он жил в большом городе Плотская Политика, в близком соседстве от города Разрушение. Этот господин был немного знаком с Христианином (так как слух о его внезапном бегстве из города наделал много шума во всех окрестных селениях). Мирской Мудрец, видя его решимость продолжать путь и слыша его вздохи и стоны, тотчас догадался, что он встретился с осмеянным всеми Христианином, и вступил с ним в разговор.

Мирск. Мудр.: «Эй, молодец, куда это ты стремишься в таком нагруженном виде?»

Хр.: «И в самом деле я в нагруженном виде, бедное я создание! Ты спрашиваешь, куда я иду? К этим Тесным Вратам, что вдали от нас. Мне сказали, что там мне укажут, как избавиться от этого бремени».

Мирск. Мудр.: «Ты семейный человек? Есть жена и дети?»

Хр.: «Да, всё есть. Но я так утомлен моей ношей, что не могу быть с ними счастлив. Мне иногда даже кажется, что никого у меня нет, так как у меня теперь сердце не лежит к ним» (1 Кор. 7:29).

Мирск. Мудр.: «Будешь ли ты меня слушать, если я дам тебе добрый совет?»

Хр.: «Если совет хорош — очень рад его слушать. Мне нужен добрый совет».

Мирск. Мудр.: «Я бы тебе посоветовал как можно скорее избавиться от твоей тяжелой ноши. Ты никогда не будешь спокоен душой и не сможешь наслаждаться благодатью, изливаемой на тебя Господом Богом, пока это время будет томить тебя».

Хр.: «Этого-то я и добиваюсь и ищу, как бы избавиться от гнета. Но сам этого сделать не могу, и нет ни единого человека во всей стране, кто бы это мог. Вот почему иду по этому пути, как я уже тебе сказал, и надеюсь, что избавлюсь от такой тягости».

Мирск. Мудр.: «Кто тебя научил идти по этому пути, чтоб избавиться от ноши?»

Хр.: «Человек, который мне показался весьма почтенною личностью. Имя его, мне помнится, Евангелист».

Мирск. Мудр.: «Будь он проклят за свой совет! Нет на свете опаснее и труднее пути, чем тот, на который он тебе указал, и в этом ты скоро убедишься, если меня выслушаешь. С тобою уже что-то приключилось, как я вижу. Вот грязь из Топи Уныния на твоей одежде. Но эта топь только начало тех скорбей, которые ожидают идущих по этому пути. Послушайся меня, ведь я старше тебя годами. Ты несомненно столкнешься, если пойдешь далее по той же дороге,

Мирской Мудрец

с утомлением, болезнями, голодом, опасностью, наготой, мечом, львами, драконами, тьмой — словом, со смертью. Эти слова мои верны, они были доказаны многими свидетельствами. И зачем человеку погибать только потому, что поверил безумным речам неизвестного человека?»

Хр.: «Все это так, но, признаюсь, что это тяжелое бремя на моей спине ужаснее всего того, что ты сейчас называл. Скажу более: мне кажется, я совершенно равнодушен ко всем могущим встретиться мне бедствиям, лишь бы мне как-нибудь освободиться от этой тяжелой ноши».

Мирск. Мудр.: «Скажи, как дожил ты до такого бремени?»

Хр.: «Читая книгу, которая у меня в руках».

Мирск. Мудр.: «Я так и думал. И с тобой случилось то, что случается со многими малодушными людьми, которые занимаются вопросами выше их разума. Они вдруг впадают, как и ты, в тупое смущение, и от этого не только ослабевают у них умственные силы (как это случилось с тобой), но они еще безумно кидаются в необдуманные действия, ища сами не зная чего».

Хр.: «Но я-то знаю, чего ищу: избавления от тяжелой ноши».

Мирск. Мудр.: «Так, но к чему же тебе искать это средство именно по этому пути, когда тебя здесь ожидают столько опасностей? Особенно же (выслушай

меня с терпением), когда я могу указать тебе на верное средство к достижению твоей цели, которое совершенно безопасно. Скажу более: мое средство у тебя под рукой, и вместо угрожающих тебе на дороге опасностей ты обретишь спокойствие духа, дружбу людей и полное довольство».

Хр.: «Прошу тебя, друг, открой мне эту тайну».

Мирск. Мудр.: «Неподалеку отсюда, в селе, называемом Благодравие, живет некий господин по имени Законность, человек с весьма строгими правилами и с прекрасной репутацией. Я сам знаю, сколько он пользы оказал в этом отношении. Вдобавок у него особый талант излечивать от умопомешательства именно тех, которые до некоторой степени рехнулись под давлением своего бремени. К нему-то, я тебе советую, отправься сейчас, и он тотчас тебе поможет. Дом его отсюда на расстоянии версты полторы. Если ты его не заставишь дома, ты увидишь там его сына, премилого молодого человека по имени Угодливость, который может точно так же тебе помочь, как и его старик-отец. Там, могу тебя уверить, ты скоро избавишься от своей ноши и, если ты решительно не желаешь вернуться в свой родной город (чего я тебе и не советую), тебе будет легко выписать к себе жену и детей и поселиться в этом селе, наняв удобный домик; там есть много пустых домов. Квартиры недорогие, провизия также, притом хорошая. Но что еще удвоит твое счастье, это, я уверен, мысль, что ты имеешь одних честных соседей, будешь пользоваться всеобщим почетом и вращаться в хорошем обществе».

Тут Христианин совершенно растерялся. Подумав немного, он решил, что если этот господин говорит правду, то, конечно, лучше ему избрать это направление, и потому обратился к нему с вопросом.

Хр.: «Где же путь, который ведет к этому почтенному человеку?»

Мирск. Мудр.: «Видишь ли отсюда эту высокую гору?»

Хр.: «Да, вижу отлично».

Мирск. Мудр.: «Так ты должен пройти около этой горы, и первый встретившийся тебе дом — и есть тот, где живет г-н Законность».

Христианин сошел с своего пути и повернул в указанное ему направление, чтобы получить там обещанную помощь. Но как только он подошел к подножию горы, она ему показалась такой вышины и даже с сильным наклоном на его сторону, что он боялся тронуться с места от страха, как бы она на него не упала и не раздавила. Долго стоял он недвижим, все придумывая, что ему делать. Бремя же стало еще тяжелее его давить, чем когда он ходил по первому пути. Из горы вылетали огненные шары с треском и громом, и Христианин стал бояться, как бы ему здесь не сгореть. Пот каплями выступил на его челе и ужас совсем ошеломил его (Исх. 19:16–18; Евр. 12:21). Глубоко стал он сожалеть, что послушался совета Мирского Мудреца, как вдруг видит он подходящего к нему первого своего знакомого Евангелиста. При виде его он покраснел от стыда.

Но Евангелист подходил все ближе. Когда он дошел до него, то обратил на него строгий взор и начал так:

«Что ты здесь делаешь. Христианин?» — Но ответа не было, так сильно было смущение Христианина. — «Ты ли тот самый человек, — продолжал Евангелист, — которого я когда-то встретил вне стен Разрушения плачущим и тоскующим?»

Хр.: «Увы, дорогой наставник, я тот самый».

Ев.: «Разве я не указывал прямого пути к Тесным Вратам?»

Хр.: «Ах да, вы указали и объяснили».

Ев.: «Каким же образом ты так скоро совратился с пути? Ведь теперь ты далеко ушел от той дороги, по которой шел».

Хр.: «Я встретил одного человека, лишь только я вышел из Топи Уныния, который уверял меня, что в селе, здесь поблизости, я найду кого-то, кто избавит меня от ноши».

Ев.: «Какого он был вида?»

Хр.: «Он мне показался образованным человеком, много говорил со мной и убедил наконец послушаться его совета. Я и пришел сюда, но, как увидел эту гору с таким наклоном на мою сторону, я тут же и остановился, боясь, что она на меня упадет».

Ев.: «Что тебе говорил этот господин?»

Хр.: «Он спрашивал меня, куда я иду и зачем».

Ев.: «А еще что?»

Хр.: «Спросил меня, семейный ли я. Я отвечал утвердительно, но прибавил, что с семьей не нахожу счастья, как прежде, с тех пор, как у меня бремя на плечах».

Ев.: «Что же он тебе на это сказал?»

Христианин передал весь свой разговор с Мирским Мудрецом. «Увы, — прибавил он, — я ему поверил, так сильно мое желание бросить свое бремя. А теперь, право, не знаю, что мне делать».

Ев.: «Стой смирно и выслушай слова Господни, которые я тебе сейчас прочту. „Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего. Если те, не послушавши глаголавшего на земле, не избежали наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от Глаголющего с небес“ (Евр. 12:25). Еще Он сказал: „Праведный верою жив будет, а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя“ (Евр. 10:38). Ты, — продолжал Евангелист, обращаясь к Христианину, — ты человек, стремящийся к своей гибели. Ты начал с того, что отверг слова Всевышнего, ты стези свои направил с пути мира на путь лжи, гордости и чуть было не дошел до своей гибели».

При этих словах Христианин как мертвый повалился к ногам Евангелиста, восклицая: «Горе мне, ибо я погиб!»

Но Евангелист взял его за правую руку, помог встать на ноги и ободрил его, сказав: «Всякий грех и хула против Христа простятся человеку, только не будь неверующим, но веруй». Христианин вздохнул свободнее и стоял перед Евангелистом, дрожа всем телом.

Ев.: «Теперь выслушай со вниманием, что я тебе скажу, и я тебе объясню, что тебя смутило и кто был тот, к которому ты был послан. Встретившийся тебе человек есть некий Мирской Мудрец, и надо сознаться, что его имя соответствует его характеру, отчасти потому, что он с увлечением следует одному мирскому учению, удаляющему от Креста. Мирское учение ему кажется лучшим, потому что оно поддерживает в нем чувство гордости и самодовольства; он думает, что оправдан будет собственными делами. Он рассуждает по влечению плоти, а не по возрожденному Богом духу, и потому старается перетолковать мои слова (1 Иоан. 4:5). Вот три пункта в его советах, которые ты должен избегать: 1) Совращение с пути евангельского учения. 2) Отдаление от креста. 3) Избрание пути, ведущего к верной гибели.

Покинув истинный путь, ты по собственной воле покинул и отверг наставление Бога и принял наставления Мирского Мудреца. Господь говорит: „Подвизайтесь войти сквозь тесные врата (которые я тебе указывал), потому что тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят их“ (Мат. 7:13–14).

Потом ты должен помнить, что Крест Христов и поношение Христово должны быть для тебя бóльшим богатством, нежели египетские сокровища. Притом Царь Славы (Евр. 11:26) сказал тебе: „Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, братьев и сестер, и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником“. (Лук. 14:26; Иоан. 12:25).

Наконец, ты должен возненавидеть всякий иной путь, кроме евангельского, потому что всякий иной путь ведет к вечной смерти. При этом рассмотри, к какому человеку он тебя посылал. Тот, который по словам Мирского Мудреца должен был избавить тебя от бремени — Законность, сын рабы, которая ныне в рабстве со своими чадами и изображает собою „гору Синай“, угрожающую упасть на тебя и задавить (Гал. 4:22–24). Если же мать „в рабстве со своими детьми“, каким образом могут они тебя спасти? Закон не может сделать тебя свободным от судилища. Никто еще не мог через него сделаться свободным. „Не можете вы быть оправданы делами закона“. Из всего этого ты должен заключить, что Мирской Мудрец чужд евангельскому учению. Законность — обманщик, а сын последнего — Угодливость, несмотря на свою улыбающуюся физиономию, ни что иное, как лицемер. Словом, все, что ты от них слышал, имело целью удалить от тебя всякую возможность спасения и совратить тебя с того пути, на который я тебе указал».

После этого Евангелист громко воззвал к небу для свидетельства слов своих, и из горы раздался голос и показалось пламя, так что у Христианина волосы на голове стали дыбом. Вот слова, прогремевшие над головою Христианина: «Все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвой».

Бедный Христианин был вне себя. Он проклинал минуту встречи своей с Мирским Мудрецом и горько плакал. С умоляющим голосом он обратился к Евангелисту и спросил: «Скажите мне, есть ли еще надежда для меня?»

Я искренно оплакиваю свое заблуждение. Дозволено ли мне снова идти к Тесным Вратам? Ужели я отвержен теперь навеки?»

Ев.: «Грех твой велик, однако Отворяющий дверь примет тебя, потому что у Него к человекам благоволение. Но остерегайся совратиться еще раз с пути, чтобы не погибнуть тебе безвозвратно» (Пс. 2:12).

Тогда Христианин объявил, что он желает тотчас отправиться. Евангелист дал ему лобзание мира, улыбнулся и пожелал ему: «Счастливого пути, с Богом».

Тесные врата

Христианин поспешно удалился, не стал разговаривать ни с одним встречным и не давал даже никому ответа. Он не чувствовал себя вне опасности до тех пор, пока не дошел до места, на котором свернул с пути из-за Мирского Мудреца.

Через несколько времени Христианин наконец добрался и до Тесных Врат. Над дверью была надпись: «Стучите, и будет вам отворено».

Он стал стучать и несколько раз стучал, говоря: «Могу ли войти сюда? Тот, кто впускает, примет ли меня, кающегося, какой бы ни был я грешник? О! Тогда не перестану петь хвалу Всевышнему и во веки веков!»

Наконец, на стук его откликнулась почтенная личность по имени Благоволение с вопросами: «Кто там? Откуда? Что угодно?»

Хр.: «Я бедный, обремененный грешник. Пришел я из града Разрушение, иду на гору Сион, чтобы спастись от будущего гнева. Я желал бы, чтобы вы меня впустили, так как следует пройти через эти Тесные Врата, чтобы дойти туда, куда иду».

Благов.: «Я душевно рад исполнить твое желание».

С этими словами он отворил дверь.

Когда Христианин переступил порог, он почувствовал, будто привратник дал ему толчок в спину (Зах. 3:2). Он спросил: зачем это? И привратник рассказал ему, что недалеко от двери стоит высокий, крепкий замок, где начальником Веельзевул. Оттуда он и его сподвижники пускают стрелы на тех, которые стоят у двери, пытаясь убить их прежде их перехода через порог двери.

Хр.: «Радуюсь, но и ужасаюсь слышать это».

Привратник спросил его, кто его сюда послал.

Хр.: «Я пришел по наставлению Евангелиста, который уверил меня, что от вас я узнаю, как мне поступать далее».

Благов.: «Дверь отворена перед тобой, и никакой человек затворить ее не может».

Хр.: «Я начинаю теперь только пользоваться плодами моей решимости».

Благов.: «Неужели ты оттуда пришел совершенно один?»

*Когда Христианин переступил порог, он почувствовал,
будто привратник дал ему толчок в спину.*

Тогда Христианин рассказал ему чистосердечно все свои приключения, не скрывая ни своих ошибок, ни заблуждений, обвиняя во всем самого себя и воздавая славу милосердию Божию. Он также передал ему свой разговор с Упрямым, Сговорчивым и Мирским Мудрецом, сожалел, что мог ему довериться и обратиться за помощью к Законности и, наконец, кончил словами: «Я бы несомненно погиб, если б Евангелист не выручил меня. Ну, а теперь я пришел сюда как был, выпачканный от падения моего в тину, усталый, обремененный, заслуживающий скорее осуждения на вечную смерть, нежели обетования вечной жизни перед лицом Господа моего. О! Как благ Господь, что даже меня принимает!»

Благов.: «Гора эта была причиной гибели для многих и, вероятно, так и будет для других в будущем. Хорошо, что ты успел удалиться. Мы никому не препятствуем входить сюда, что бы они ни совершили дурного в прошлом. Приходящий не будет отвержен, а теперь, добрый Христианин, иди со мной, и я тебе укажу на путь, по которому тебе идти. Видишь ли ты этот узкий путь? Он был выложен патриархами, пророками, Христом, Его апостолами и так прям, как протянутая нить. По этому пути тебе и надо идти».

Оттуда он и его сподвижники пускают стрелы...

Хр.: «Ужели я не встречу никаких оборотов, ни извилин, по которым можно заблудиться?»

Благов.: «Да, ты вскоре заметишь немало извилин, и они широки и пространны, но прямыми не бывают. Поэтому тебе будет легко отличить истинный путь от ложного, так как истинный путь всегда лежит прямо».

Перед уходом Христианин спросил его, когда и где он будет избавлен от своей ноши; на это привратник ответил, что ему следует нести свое бремя грехов до одного места, называемого Избавление, а что до той поры никто не в силах снять с него тяжелую ношу, но там она сама собой спадет с него.

Тогда Христианин пустился в путь, опоясавшись и получив последнее наставление от привратника, что вот вскоре он дойдет до дома, где живет Истолкователь, который ему покажет и объяснит много занимательного. Христианин простился с привратником, который пожелал ему с Богом доброго пути.

Дом Истолкователя

Наконец добрался он и до жилища Истолкователя, где он долго стучался в двери. Спустя несколько времени кто-то подошел к двери и спросил: «Кто там?»

Хр.: «Я путешественник, присланный сюда привратником Тесных Врат. Я бы желал переговорить с самим хозяином дома».

Вскоре живущий в доме Истолкователь сам вышел к Христианину и спросил его, что ему угодно.

Хр.: «Я иду к горе Сиону, но мне сказали остановиться здесь, потому что вы мне покажете многое, что для меня полезно».

Истолк.: «Войди. Я тебе покажу то, что для тебя будет в самом деле полезно».

Он приказал слуге своему зажечь свечу и пригласил Христианина идти за ним, потом повел его в комнату и велел слуге своему отворить дверь. Тогда Христианин увидел картину, висящую на стене. На ней представлен был человек почтенных лет. Глаза его были подняты к небу. Евангелие в руках, закон истины написан на устах, мир был позади его; он стоял, как будто уговаривая людей, слушающих его, и золотой венец над его головой.

Хр.: «Что это обозначает?»

Истолков.: «Этот человек один из тысячи. Это тип настоящего пастыря Церкви и служителя Христова. Он рождает детей во Христе Иисусе благовествованием (1 Кор. 4:15). Он в муках рождения, доколе не изобразится в них Христос (Гал. 4:19). Видишь, глаза его взирают на небо, в руках книга, на устах закон правды. Его назначение: открывать и объяснять истину грешным, и вот он как будто уговаривает их уверовать в благую весть. Он презирает временные плотские наслаждения, поэтому мир у него позади. Он все покинул, от всего мирского отрекся из любви к своему Господу, и потому венец славы ожидает его на небе. Когда ты такого встретишь, знай, что он избран Господом для славы Его и для наставления людей. Не следуй и не внимай без разбору всякому учителю и помни слова Господа: „Замечайте, что слышите“». (Мар. 4:21).

После того Истолкователь повел Христианина в большую комнату, в которой было много пыли. Вскоре он позвал человека и велел ему вымести комнату. Тут поднялась такая густая пыль, что Христианин чуть было не задохнулся. Тогда он позвал девицу и велел ей принести воды и оросить ею всю комнату, и комната стала совершенно чиста.

Хр.: «Что это обозначает?»

Истолков.: «Эта комната представляет сердце человека, которое еще не было освещено благодатью Евангелия. Пыль — греховное состояние и внутренняя испорченность, которыми осквернен человек. Первый, кто начал мести комнату, представляет собою закон. Та, которая оросила комнату водой, изображает Евангелие. Ты видел, как сперва пыль усилилась, когда начали

ее выметать. Пойми, что закон не убивает грех, не очищает от него сердце, но раскрывает, поднимает и выводит наружу те грехи, которые были, может быть, незаметны или давно забыты, так же, как им они оживляются и получают силу в сердце человека (Рим 7:5). Но когда сердце принимает Евангелие (благую весть), то Слово Божие, как вода, истребляет всякую пыль и оmyвает прежнее и настоящее зло, как бы крепко ни засело оно в вас. Таким образом, грех покорен, побежден и уничтожен, душа чиста чрез веру в Слово Божие и годна для обители Царю Славы».

Потом Истокователь взял Христианина за руку и ввел его в небольшую комнатку, где на стульях сидели двое маленьких детей. Имя старшего было Страсть, младший назывался Терпением. Страсть казался беспокойного и недовольного нрава, а Терпение сидел тихо. Христианин спросил причину недовольствия Страсти. Истокователь ответил, что их Учитель решил, что лучшие одежды они получают только в начале будущего года, а ему хочется получить их сейчас, тогда как Терпение соглашается ждать. Вдруг вижу, что кто-то вошел в комнату и вручил Страсти мешок с дорогими вещами, которые посыпались к его ногам. Страсть тотчас с радостью кинулся их подбирать, злобно надсмехаясь и поддразнивая Терпение. Но в скором времени он все успел истратить и все исчезло, и остались одни грязные тряпки.

Хр.: «Растолкуйте мне яснее, что это обозначает?»

Исток.: «Эти два мальчика — типы. Страсть хочет все получить в нынешнем году, то есть в этом мире: таковы люди земные. Они желают все получить хорошее во время жизни на земле и не могут ждать до будущего года, то есть до будущей жизни. Пословица: „одна птичка в руках более двух в кустах“ — служит для них наставлением более верным и практичным, чем все Божии свидетельства о будущих благах. Но, как ты видел, он все скоро истратил, и остались при нем одни дрянные лохмотья, — таков будет конец всех подобных ему людей, когда настанет конец мира».

Хр.: «Я вижу, что Терпение избрал лучшую долю. Во-первых, он получил лучшие блага, а во-вторых, он будет в славе, а другой останется в одних рубищах».

Исток.: «Ты можешь к этому прибавить, что слава будущей жизни нескончаема, но земная слава держится недолго. Напрасно Страсть насмехается над Терпением, что он первый получит сокровища. Зато Терпение может над ним смеяться, когда он последний их получит. Первые должны будут уступить последним, потому что пробьет час и для последних. Но последние не уступят никому, так как никто после них не будет. Тот, который получил блага первый, будет иметь и время истратить их. Но кто последний получит блага, тот сохранит их навеки. Поэтому и сказано в притче о богаче: «Вспомни, что ты получил уже доброе в жизни своей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь».

Хр.: «Я теперь вижу, что лучше не желать в здешней жизни счастья и земных благ, но с терпением ожидать вечные блага».

Истолк.: «Совершенно так. Блага видимые только временные, а невидимые — вечные. Но хотя это истина, однако, так как настоящее и наши плотские наклонности в тесной связи, а будущее с нашими плотскими идеями во вражде, то выходит, что связь первых необыкновенно скоро усиливается, а расстояние между последними все увеличивается».

После того я увидел, как Истолкователь повел Христианина в одно место, где огонь разведен у стены, и тут стоял человек, который постоянно старался погасить огонь, поливая на него воду, однако пламя не уменьшалось, а пылало все сильнее и ярче. Христианин спросил значение этого.

Истолк.: «Этот огонь изображает благодать, действующую на сердце человека. Тот, кто поливает на него воду, чтобы его погасить — сатана, но ты замечаешь, что пламя все сильнее и жарче пылает, и вот причина этому».

Он повел его на противоположную сторону стенки, где он увидал человека с сосудом в руке, из которого он беспрестанно (но тайно) подливал масло в огонь.

Христианин хотел понять смысл этого.

Истолк.: «Это Христос, Который маслом благодати постоянно поддерживает действие, начатое им в сердце человека. Поэтому, несмотря на все козни диавольские, Он хранит спасенную душу. А что Он стоит за стеной, означает, что трудно искушаемому видеть, как и кем действие благодати в нем поддерживается».

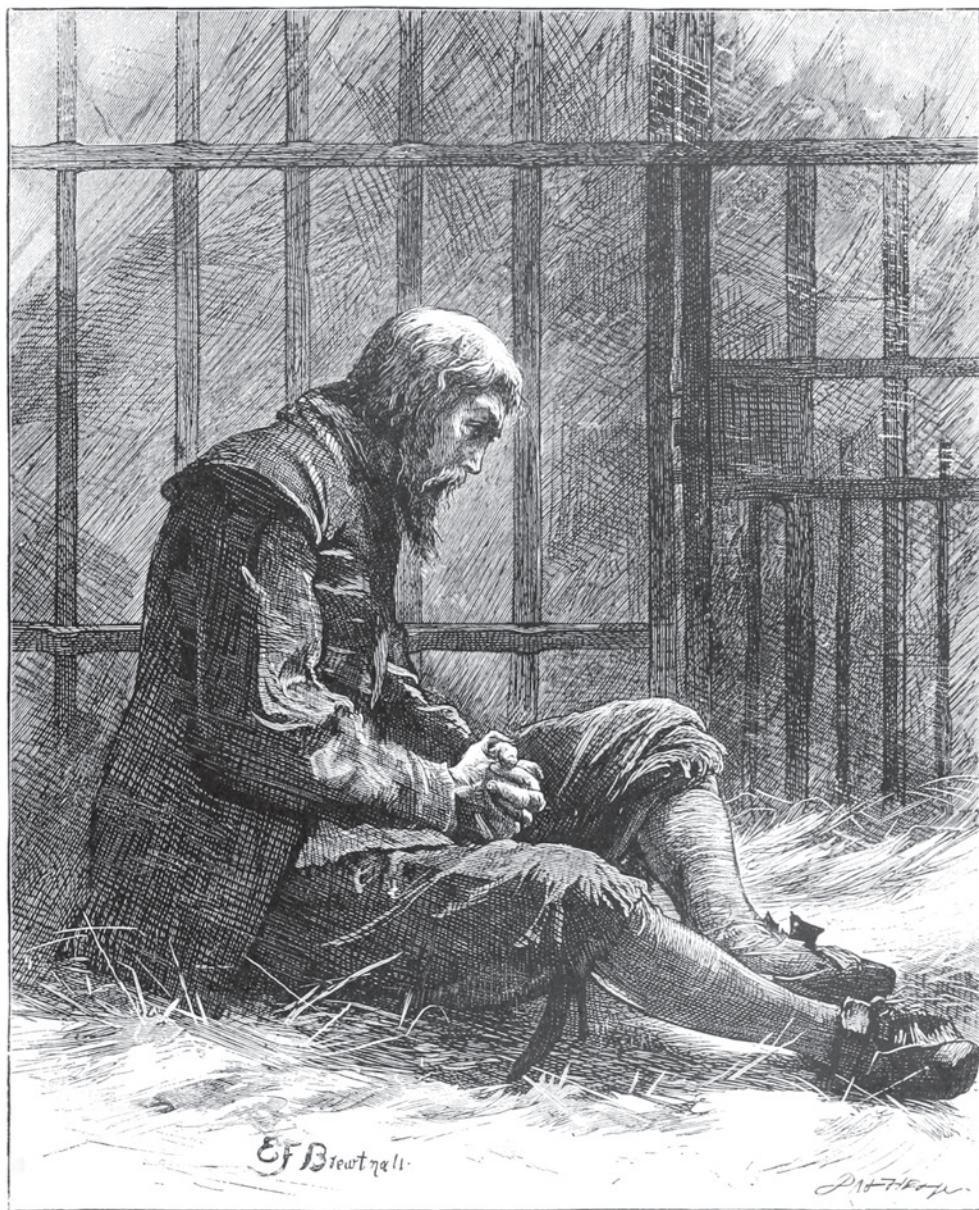
Я увидел потом, что Истолкователь повел Христианина к дверям великолепного дворца; у дверей стояло множество людей, желавших туда войти, но, однако, не решались. Неподалеку сидел человек у стола, на котором лежала книга и стояла чернильница, и он записывал имена тех, которые должны были войти. У входа стояли вооруженные люди, которые возбраняли вход и отталкивали желавших войти. Наконец, когда они все отступили назад из страха перед вооруженными, Христианин увидал одного рослого и сильного человека, который подошел к человеку у стола и сказал ему решительно: «Запишите мое имя!». И когда это было исполнено, он вынул меч, надел на голову шлем и бросился к двери на вооруженных людей, которые с яростью накинулись на него. Но храбрый человек, нимало не испугавшись, рубил вправо и влево с самым решительным видом. Когда он нанес и получил сам немало ран, то прочистил себе путь меж ними и ворвался в дворец. Там его облекли в золотые ризы, подобно всем обитателям дворца и тем, которые прогуливались на вершине здания. Тогда раздалось оттуда чудное пение и слышались слова:

«Придите, придите, Славу вечную примите!»

Христианин улыбнулся и сказал: «Мне кажется, я понимаю, что это означает. Теперь и меня впустите туда».

Истолк.: «О нет, подожди, пока я тебе не показал более. После пойдешь своей дорогой».

При этом он взял его за руку и ввел его в очень темную комнатку, где какой-то человек сидел в железной клетке. Он казался в большой горести. Глаза

*При этом он взял его за руку и ввел его в очень темную комнатку,
где какой-то человек сидел в железной клетке.*

его были опущены, руки сложены, и он так вздыхал, что больно было слушать. «Что это значит?» — спросил Христианин. На это Истолкователь сказал Христианину, чтобы он поговорил сам с этим несчастным.

Христианин спросил его, кто он, и получил в ответ: «Я такой, каким не был прежде».

Хр.: «Так кто же ты был прежде?»

Заключенный: «Я был когда-то хорошим и счастливым исповедателем христианства не только в моих глазах, но и по мнению других. Я когда-то воображал себя совершенно готовым и достаточно чистым для обители в Небесном Граде и чувствовал даже радость при мысли отправиться туда».

Хр.: «Что ж? А теперь как?»

Заключ.: «Теперь я человек в отчаянии и заключен, как в железной клетке. Не могу оттуда выйти! О! Теперь уж не могу».

Хр.: «Но как ты до этого дошел?»

Заключ.: «Я был так доволен собой, что перестал за собою наблюдать, дал волю страстям, удалился от Света Слова, отверг благодать Господню, оскорбил Св. Духа, и Он покинул меня, искушал сатану, и он пришел ко мне, и так ожесточил свое сердце, что не могу теперь раскаяться».

Хр.: «Ужели не осталось у тебя никакой надежды, и ты будешь всегда заключен в этой Клетке Отчаяния?»

Заключ.: «Увы, нет никакой надежды».

Хр.: «Но Сын Всевышнего преисполнен милосердия!»

Заключ.: «Я снова распял в себе Сына Божия, я попираю Его и не почитал за святыню Кровь завета, которой был освящен, и Духа благодати я оскорбил, и мне ничего более не остается, как ужасные угрозы страшного ожидания суда и ярость огня, готовая пожрать меня, как упорствующего» (Евр. 6:6, 10:29).

Хр.: «Какими поступками привел ты себя в это положение?»

Заключ.: «Наслаждениями, удовольствиями и выгодами мирскими. Тогда они казались мне осуществлением счастья. А теперь каждое воспоминание о них точит меня, как огненный червь».

Хр.: «Ужели не можешь ты раскаяться и обратиться?»

Заключ.: «Не дает мне Господь покаяния! Слово Его не утешает меня и не поощряет к вере. Он меня осудил на железную Клетку Отчаяния, откуда ни единый человек не может освободить меня. О вечность! Как стану я влачить такие несчастные дни всю вечность!»

Истолк.: «Да будет тебе, Христианин, памятно страдание этого человека. Не переставай блюсти над собой и будь всегда настороже».

Хр.: «Это ужасно! Помоги мне в этом Сам Господь наблюдать над собой и молиться, да не впаду я в такое положение вечного укора совести. Однако не пора ли мне продолжать путь свой?»

Истолк.: «Погоди немного, я тебе покажу еще один случай, а потом уж можешь отправиться».

Он повел Христианина в одну комнатку, где какой-то человек вставал с постели. Он оделся и стал дрожать всем телом.

Хр.: «Отчего этот человек так дрожит?»

Истолкователь попросил человека рассказать Христианину причину его трепета. Он начал так:

«В прошлую ночь мне приснилось, что свод небесный вдруг страшно потемнел: удары грома и молнии потрясали землю и приводили меня в ужас. Облака с треском катились по небосклону, и вдруг раздался звук трубы, и я увидел человека, сидящего на облаке и окруженного тьмой темь небесных существ. Они, казалось, были в ярком пламени, и все небо как будто горело. И вот раздался голос: „Восстаньте мертвые и явитесь на суд“. При этом каменные утесы рассеклись, могилы открылись, и мертвые, лежавшие в них, встали. Некоторые из них дышали радостью, обращая свои взоры кверху. Другие же старались скрыться под горами. Но вот Человек на облаке раскрыл книгу и приказал миру подойти ближе. Но между Ним и ими пылало сильное пламя, и потому они все-таки были от него на расстоянии, которое обыкновенно разделяет судьбу от подсудимых. И услышал я приказание Человека

...удары грома и молнии потрясали землю и приводили меня в ужас.

к служителям Его: „Соберите плевелы, мякину и солому и бросьте их в пылающее озеро“. И вдруг бездонная пропасть разверзлась почти у самого места, где я стоял, и поднялся густой дым и затрещали горящие уголья. Тогда сказал Он тем же служителям: „Соберите пшеницу в житницу“. И я увидел многих, которых подняли с земли и понесли на облака, но я был оставлен. Я также хотел скрыться, но не мог, ибо Человек на облаке постоянно смотрел на меня. Я вспомнил множество своих грехов (1 Кор. 15; 1 Фес. 4; Откр. 22:11–14; Ис. 26; Дан. 7:9–10; Малах. 3:2). Совесть укоряла меня при каждом воспоминании... и я проснулся».

Хр.: «Но что тебя особенно напугало?»

Человек.: «Я думал, что настал день Страшного Суда, и я чувствовал, что не готов предстать пред Судьей моим. Но ужаснее всего для меня было видеть, как Ангелы собирают избранных, а меня оставляют, и как отверзлась пропасть у самого места, где я стоял. Совесть терзала меня, и мне казалось, что око Судии направлено на меня с выражением гнева и негодования».

Тогда Истолкователь обратился к Христианину со словами: «Обсудил ли ты все виденное тобой?»

Хр.: «О да, и все это внушило мне страх и надежду».

Истолк.: «Так храни же в душе память о том, на что я тебе указывал. Да будут эти наставления побуждением для твоего сердца, подстрекающим тебя идти вперед, внимательно наблюдая за собой во время твоего пути. Дух Утешитель да сопутствует тебе и поможет дойти до великого Града».

Христианин отправился, благодаря Истолкователя за все его добрые советы и наставления.

Крест

Вот вижу я, что он направился по пути, ведущему к горе. По обоим сторонам дороги стояли стены, называемые Спасением. Он бежал к возвышенности изо всех сил, но это было трудно, так как сильно мешало ему тяжелое бремя на спине.

Шел он скорым шагом, пока не дошел до возвышенности, на которой стоял Крест, а немного пониже могила. И вижу я, что лишь только Христианин дошел до самого Креста, бремя его стало как будто отвязываться со спины, потом свалилось, покатилося до открытой могилы и упало в нее, и более не видал я на нем ноши.

Христианин возрадовался и от чистого сердца воскликнул: «Он мне даровал покой своей скорбью и жизнь своей смертью!»

И долго стоял он и удивлялся, каким образом один вид Креста мгновенно избавил его от бремени. Он смотрел на Крест, смотрел неустанно, и слезы радости и умиления полились из глаз его. Вдруг явились перед ним три

...бремя его стало как будто отвязываться со спины, потом свалилось, покатилося до открытой могилы и упало в нее, и более не видал я на нем ноши.

лучезарные существа и приветствовали его так: «Мир тебе!» «Прощены грехи твои», — сказала первое; второе сдернуло с него рубища, надевая на него светлое одеяние; третье сделало на челе его знак и вручило запечатанный сверток, приказывая читать его во время пути и отдать у небесных врат. Они исчезли после этого. Христианин был вне себя от радости и продолжал путь, напевая:

«До сего места я пришел, обремененный грехом, ничто не могло дать мне покой. И здесь — о, Крест святой! — нашел я избавление, о, будь благословен Тот, Кто принял на нем постыдную смерть! Велика любовь, велика милость Его к бедным пилигримам! Для нас он совершил тяжелый трудный путь, и мира грех Он пригвоздил к дереву страдания. Взгляните ж на Него со всех концов вселенной и будете спасены!»

И вот вижу, что Христианин стал спускаться с возвышенности, и когда совсем сошел, то заметил около дороги троих людей, крепко спящих с железными оковами на ногах. Имя первого было Неосновательный, другого называли Ленивым, а третьего — Надменным.

Христианин подошел к ним с намерением разбудить и закричал: «Эй, проснитесь, вы спите точно на вершине мачты, под которой поглощающее море и пропасть. Проснитесь скорей и уйдемте отсюда. Если послушаетесь меня, я помогу вам снять оковы». Потом прибавил: «Если тот, который ходит, как рыкающий лев, увидит вас, вы непременно сделаетесь его добычей».

При этих словах все трое взглянули на него и отвечали один за другим так. Неосновательный сказал: «Я никакой опасности не вижу». Ленивый продолжал: «Дай еще немного усну», а Надменный ответил: «Всякий сверчок знай свой шесток». И все трое снова легли спать, а Христианин продолжал путь свой.

Он был сильно смущен, вспоминая, что люди в опасности так мало оценили его добродушие, когда он предлагал им свою помощь и даже разбудил их, чтобы пособить им снять железные оковы.

Пока он об этом раздумывал, увидел он еще двух людей, которые перелезали через стену, окаймляющую левую сторону узкого пути около того места, по которому он шел, и вскоре они с ним поравнялись. Имя одного из них было Формалист, а другого — Лицемер. Когда они пошли с ним рядом, у них завязался разговор.

Хр.: «Господа, вы откуда вышли и куда отправляетесь?»

Форм. и Лиц.: «Мы родом из страны Тщеславия, а идем для хвалы к горе Сион».

Хр.: «Почему же вы не пришли сюда чрез Тесные Врата, стоящие при начале пути? Разве вы не знаете, что написано: „Кто не дверью входит, но перелезает инде, тот вор и разбойник“?»

Форм. и Лиц.: «У нас говорят, что входить вратами признано всеми нашими соотечественниками слишком дальним и притом устарелым путем, и теперь уже принято всегда обходить их и перелезать через стену, как мы это сделали».

*Вдруг явились перед ним три лучезарные существа
и приветствовали его так: «Мир тебе!»*

Формалист

Хр.: «А разве Владелец страны, куда мы отправляемся, не сочтет это за неповиновение, что так открыто поступают наперекор обнародованного Его приказания?»

Форм. и Лиц.: «Об этом не беспокойся. То, что мы теперь сделали, вошло ныне в обычай, и даже легко представить множество свидетельств о том, что так все поступали в последнее тысячелетие».

Хр.: «Да, но выдержат ли ваши действия законного следствия?»

Форм. и Лиц.: «Обычай, существующий более тысячи лет, вероятно, теперь будет признан законным делом, если Судья беспристрастен; лишь бы мы стали на путь, кому какое дело, каким образом мы на нем очутились. Мы на нем, и все тут. Ты тоже стоишь на том же пути, и не более, хотя мы видим, что ты входил через Тесные Врата. И мы с тобой теперь на одном пути, хотя перелезли через стену. Чем твое положение завиднее нашего?»

Хр.: «Я хожу по указаниям моего Господа, а вы ходите по указаниям вашего воображения. Вы теперь уже Владетелем сего пути признаны ворами, и потому сильно сомневаюсь, что попадете в число честных людей, когда окончится ваше путешествие. Вы пришли сами по себе, не внимая Его указаниям, и вы уйдете сами по себе, не получив Его милосердия».

Лицемер

На это они ему ответили, чтоб он занимался своими делами, а их оставил бы в покое. Потом долго шли они все трое молча, но спустя несколько времени они сказали Христианину, что касательно соблюдения правил религии и обрядности они не уступят никому и, вероятно, он сам в этом не сильнее их. «И потому, — прибавили они, — мы решительно не видим большой разницы между тобой и нами, разве только в отношении одежды, которую ты на себя напялил и которая, верно, была тебе дана какими-то соседями, чтобы скрыть стыд твоей наготы».

Хр.: «Правилами закона и обрядностью вы себя спасти не можете, так как вы не пришли сюда через дверь. Что же до одежды, покрывающей меня, то она мне была дарована самим Владетелем той страны, куда иду, и именно для того, как вы справедливо выразились, чтобы покрыть мою наготу. И я на этозираю как на доказательство Его ко мне благоволения, потому что до того времени я был одет в рубища. Притом, пока совершаю свой путь, я утешаю себя так: верно, когда дойду до ворот Великого Града, Господь, царствующий там, тотчас меня признает, так как на мне одеяние Его, в которое Он меня облек по Своей собственной воле в тот день, когда угодно Ему было сбросить с меня рубища. Сверх того, на челе моем знак, которого вы, вероятно, не заметили;

мне он был положен самым близким сотоварищем Царя в тот день, когда бремя спало с моих плеч. Еще прибавлю, что тогда мне был вручен сверток с печатью, чтобы чтением утешаться во время пути. Я получил приказание отдать его у Небесных Врат как несомненное доказательство, что буду принят там. Все это, я уверен, и вам необходимо получить, но иметь этого не можете, так как вы не пришли сюда через Дверь».

Спутники Христианина не дали ему на это ответа, но, взглянув друг на друга, засмеялись. После того я видел их всех идущими молча, но Христианин шел немного впереди, размышляя про себя о всем случившемся иногда со вздохом, а иногда с тихой радостью. Часто открывал он сверток, данный ему лучезарным существом, и чтение оживляло его.

Гора Затруднения

Вот вижу, идут они втроем, и дошли до подошвы горы, называемой Затруднение, где протекал родник. Тут пролегли еще две дороги кроме прямого пути, одна дорога вела направо, другая — налево, у подошвы холма. Но узкий путь прямо вел на холм Затруднение. Христианин подошел сперва к источнику и напился воды, чтобы освежиться, а потом поднялся в гору, говоря сам себе:

«Хотя и высок холм, но я спешу на него подняться. Не пугают меня затруднения; я вижу, что здесь единственный путь к жизни. Замолкни, сердце, не страшись и не робей! Лучше с затруднениями идти по истинному пути, чем в спокойствии избрать путь ложный, ведущий к гибели».

Его два спутника стояли у подножия горы, но, увидев, что гора необычайно крута, они не решились на нее подняться. Тут они увидели две другие дороги, и, полагая, что где-нибудь они, вероятно, сойдутся с узким путем, один из них избрал дорогу направо, называемую Опасность, а другой пошел налево по дороге, называемой Погибель. Первый пришел к густому нескончаемому лесу, а тот в просторное место с темными горами и пропастями. Там он споткнулся, упал и более не являлся.

Я следил взором за Христианином. Он шел сперва довольно быстро, потом медленнее, наконец принужден был карабкаться руками и ногами, чтоб добраться до вершины, так как гора была необычайно крута. На половине трудного пути вдруг представилась его глазам прелестная беседка, которую Владелец горы велел тут построить для отдыха утомленным путешественникам. Он вошел в нее и сел отдохнуть; потом вынул из кармана сверток и стал читать, чтоб укрепить себя духовно. Он стал также рассматривать с большим вниманием одеяние свое, полученное у подножия Креста. После этого от утомления он задремал и вскоре крепко уснул, чуть ли не до самой ночи. Пока он спал, сверток выпал из его рук и куда-то укатился. Вдруг слышит он

Там он споткнулся, упал и более не являлся.

чей-то голос, будящий его словами: «Пойди к муравью, ленивый, посмотри на действия его и сделайся мудрым» (Прит. 6:6). Христианин вскочил на ноги, пустился в путь и более не останавливался, пока не дошел до вершины горы.

Как только он туда дошел, два человека, бежавшие изо всех сил, встретили его. Одного называли Робкий, а другого Недоверчивый.

«Что с вами, господа, — сказал им Христианин, — вы бежите в противоположную сторону?»

Робкий рассказал ему, что они шли к горе Сиону, совершили трудный путь по крутой горе, но чем далее шли, тем более встречали опасностей, так что они решили вернуться к себе.

«Да, — прибавил Недоверчивый, — вдруг перед нами лежали на дороге два льва (не то спят, не то нет, не знаю), но, без сомнения, они нас разорвали бы на части, если б мы подошли ближе».

Хр.: «Вы меня пугаете. Но куда же я убегу, чтобы спастись? Если вернусь на свою родину, которая обречена быть сожженной огнем и серой, я непременно погибну. Если же мне удастся добраться до Небесного Града, то я уверен,

*После этого от утомления он задремал
и вскоре крепко уснул, чуть ли не до самой ночи.*

что там обязательно буду спасен: я рискну. Вернуться — верная смерть. Идти вперед — страх смерти, но вечная жизнь затем: пойду вперед!»

Робкий и Недоверчивый быстро понеслись вниз с горы, а Христианин пошел далее. Но, обдумывая то, что слышал, он стал ощупывать карманы, чтобы вынуть сверток и тем укрепиться... увы! его не было. Христианин был в сильном горе, не зная, что ему делать. Ему не доставало того, что так чудно оживляло его и что должно было служить ему входным билетом в Небесный Град. Он был в недоумении и вспомнил, что он в беседке крепко заснул. Тогда он бросился на колени, просил Бога простить ему его безумное поведение и потом направил стопы свои обратно к беседке. Он вздыхал и плакал, бранил себя, что мог так забыться там, где дозволен был только короткий отдых. Ходя, он искал глазами, не увидит ли где свертка, но вот дошел до самой беседки и ничего не мог отыскать. Тут горе его разразилось до высшей степени, и он стал укорять себя, говоря: «О жалкий я человек! Как мог я уснуть среди стольких затруднений! Как мог я так лелеять плоть, чтобы заспать

*Он шел сперва довольно быстро, потом медленнее,
наконец принужден был карабкаться руками и ногами,
чтоб добраться до вершины, так как гора была необычайно крута.*

Робкий

на месте, назначенном только для краткого отдыха утомленным пилигримам. Сколько бесполезного, лишнего пути я теперь принужден совершить. То же случилось с народом Израилевым, который за грехи свои был уведен Господом обратно к берегам Черного моря, чтобы оттуда опять начать путешествие. Как далеко я бы мог быть теперь, если б не злополучное мое усыпление. И, пожалуй, меня на пути застигнет ночь, весь день мой пропал даром! Зачем не боролся я со сном!»

Недоверчивый

В это время он дошел до самой беседки и, войдя в нее, стал горько оплакивать совершенный поступок. Наконец, разглядывая с горестью все углы беседки, он вдруг заметил сверток. С трепетом радости кинулся он в ту сторону и, взяв его, бережно спрятал. Радость была неописуемая! Этот сверток служил ему удостоверением свободного пропуска в Небесный Град. Он тотчас стал снова подниматься в гору и быстро карабкался, чтоб скорей добраться до вершины! Однако задолго до этого солнце село, и приближающаяся тьма

напомнила Христианину, почему он так запоздал, и тут он опять стал вздыхать и упрекать себя в нерадении. Он знал, что скоро тьма скроет ему опасности пути. Уже начинал раздаваться заунывный вой диких зверей. Он вспомнил рассказ Робкого и Недоверчивого о львах, и ужас объял его.

«Эти звери обыкновенно ночью отыскивают себе добычу, — говорил он себе, — и когда они меня увидят, что мне делать, чтоб спастись от них?»

Но он все-таки продолжал путь и, пока обдумывал свое горькое положение, поднял кверху опущенный взор и увидел перед собой великолепное здание по имени Украшенный Чертог. Он стоял на возвышенности у самой дороги.

Украшенный чертог

Вижу я, что Христианин стал торопиться, чтобы скорей войти в Чертог. Но вот предстал узкий проход, по которому необходимо надо было пройти, чтоб добраться до караульного домика. Он осторожно стал оглядываться и вдруг увидел перед собой двух львов, лежащих на самом пути. «Вот она — опасность, о которой говорили Робкий и Недоверчивый», — сказал он. (Львы были прикованы, но цепей рассмотреть было невозможно.) Он остановился и подумал, что, пожалуй, он также решится идти назад, так как тут предстоит ему неминуемая смерть. Но обитатель домика по имени Хранитель, заметив недоумение Христианина и его намерение уйти, закричал ему: «Ужели вера твоя так слаба? Не бойся львов, они прикованы и находятся на этом месте для испытания веры искренних душ и для обличения тех, у кого ее нет! Иди по самой середине дороги, и они тебя не тронут».

Христианин последовал совету Хранителя и пошел среди дороги, хотя не без некоторого страха. Львы заревели, но его не тронули. Он ободрился и весело подошел к караульному. «Что это за дом? — спросил Христианин. — Можно ли мне в нем переночевать сегодня?» Хранитель ответил, что этот дом выстроен Владетелем горы с целью успокоить и приютить пилигримов, и спросил его имя.

Хр.: «Меня зовут теперь Христианином, но первое мое имя было Без благодати: я из рода Иафета, которого Господь убеждает поселиться в шатрах Сима» (Быт. 9:27).

Хран.: «Но как ты так запоздал? Солнце уже закатилось».

Хр.: «Я должен был прийти ранее, но, увы, имел несчастье заснуть в беседе, что стоит на склоне горы. Притом во время сна я выронил свидетельство свое и должен был вернуться туда, и как только отыскал его, пришел сюда».

Хран.: «Хорошо. Теперь я позову одну из дев здешнего дома, и если она найдет тебя достойным, то введет тебя в общество всего семейства, по правилам дома».

Львы были прикованы, но цепей рассмотреть было невозможно.

Хранитель

Хранитель позвонил. Дверь отворилась, и вошла скромная, прелестная дева по имени Разборчивость и спросила, для чего ее звали.

Хранитель представил ей Христианина, как пилигрима города Разрушения, идущего на гору Сион, и передал его на ее благоусмотрение, по правилам, установленным в Чертоге.

Сперва она расспросила его о его прошедшем, о его путешествии и надеждах и осталась, по-видимому, довольна его ответами; потом она с улыбкой объявила ему, что сейчас позовет нескольких других членов семейства. Тут она направилась к двери и кликнула трех дев: Мудрость, Благодетель и Любовь, которые в свою очередь расспросили его о многом и, наконец, решили ввести его в остальную часть семейства. Многие из членов дома встретили его на крыльце со словами: «Войди к нам, благословенный Господом, этот дом построен Им для отдыха всех подобных тебе пилигримов».

Он поклонился и пошел за ними в дом. Когда его усадили, то предложили ему питье и стали занимать его полезным разговором до ужина. Его собеседницы были: Благодетель, Мудрость и Любовь. Они начали так.

*Хранитель представил ей Христианина,
как пилигрима города Разрушения, идущего на гору Сион...*

Благ.: «Вот, Христианин, мы тебя приняли в наш дом по-родственному, так станем разговаривать для пользы твоей и нашей. Расскажи нам подробности твоего путешествия. Что побудило тебя совершить его?»

Хр.: «Я был уверен, что погибну, как все прочие живущие в граде Разрушения. Я не знал, куда идти, но человек по имени Евангелист указал мне на единственный истинный путь».

Благ.: «Заходил ли ты к Истолкователю?»

Хр.: «О, конечно, и он мне показал столько занимательного! Трех указаний в особенности не забуду никогда; как Христос, несмотря на козни сатаны, сохраняет в сердце человека дарованную Им благодать; как человек грешен до того, что не смеет рассчитывать на милосердие Божие; также сновидение того, кто думал, что настал день Страшного Суда. И много полезного видел я там и с радостью остался бы долее у этого доброго человека, но я знал, что мне предстоит длинный путь».

Когда он рассказал все виденное им, Мудрость обратилась к нему с другими вопросами:

Мудр.: «Ты, верно, часто вспоминаешь о прошлой стране?»

Хр.: «Да, но со стыдом и ненавистью, потому что если б я сожалел о ней, сколько раз уже мог бы туда вернуться, а теперь стремлюсь в страну лучшую, небесную».

Мудр.: «Не вынес ли ты оттуда чего-нибудь, в чем находил наслаждение?»

Хр.: «Да, но совершенно против моей воли остались при мне некоторые сокровенные плотские мысли, которые составляют радость моих соотечественников донныне и когда-то были для меня наслаждением, но теперь являются причиной скорби. И если б зависело от меня, я более не вспоминал бы о них, но когда желаю делать доброе, то прилежит мне злое» (Рим. 7:21).

Мудр.: «Не кажется ли тебе иногда, что то, что тебя смущает, иногда совершенно побеждено в тебе?»

Хр.: «Да, но это случается не часто; когда это бывает, то я называю это моим золотым временем».

Мудр.: «Не можешь ли ты вспомнить, что именно внушает тебе чувство, что все прежнее дурное в тебе побеждено?»

Хр.: «О, да! Когда вспоминаю, что видел на Кресте, тогда я это чувствую. Еще когда смотрю на вышитое мое одеяние или когда читаю сверток, который ношу на груди, и еще когда мои мысли несутся с восторгом туда, куда иду, и тогда мне кажется, что все прошлое забыто и убито во мне».

Мудр.: «Что внушает тебе такое желание идти на гору Сион?»

Хр.: «Там я надеюсь увидеть живым Того, Кто умер на кресте за меня. Там надеюсь совершенно избавиться от всего того, что меня еще смущает. Там, говорят, нет более смерти, и я буду в самом святом обществе. И скажу по правде, я люблю Его, потому что Он один меня избавил от моего бремени, и я утомлен своей внутренней испорченностью. Я жажду быть там, где более не стану умирать, и в числе тех, которые постоянно зывают: свят, свят, свят!»

Тогда Любовь вступила в разговор с Христианином: «Ты человек семейный? Есть у тебя жена?»

Хр.: «Жена и четверо маленьких детей».

Люб.: «Почему же ты их не привел сюда с собой?»

Христианин прослезился и отвечал: «О, с какой бы радостью я это сделал! Но они все восстали против моего путешествия».

Люб.: «Но тебе бы следовало объясниться с ними и указать им на опасность оставаться там».

Хр.: «Я так и поступил и рассказал, что мне сказал Господь о разрушении нашего города, но я им показался помешанным, и они мне не поверили».

Люб.: «А молился ли ты Богу, чтобы Он благословил советы, даваемые тобой семейству?»

Хр.: «О да, со рвением, потому что вы понимаете, как дороги моему сердцу жена и дети!»

Люб.: «Какую же причину давали они, чтоб не следовать за тобой?»

Хр.: «Жена не могла расстаться с миром, дети мои преданы были безумному веселию юности. Так ли, сяк ли, но все оставили меня странствовать в одиночестве».

Люб.: «Но, может быть, ты сам своей суетной жизнью угашал все, что им внушал хорошими словами».

Хр.: «Я, право, не могу судить о своем образе жизни, зная, что часто поступал не так, как бы следовало. Знаю также, что человек может своими действиями уничтожить все, чему научал красноречивыми словами. Однако могу достоверно сказать, что я всегда старался и остерегался, чтобы дурной мой поступок не внушил им отвращения предпринять со мною путешествие. Это же, впрочем, и возбуждало в них насмешки, они упрекали меня в точности. А я отказывал себе часто во многом, в чем они не видели ни малейшего зла. Мне кажется, что помешало им идти со мной именно то, что им наскучила моя постоянная озабоченность не грешить против Бога и не делать вреда ближнему».

Люб.: «Так Каин возненавидел брата своего Авеля за то, что его дела были злые, а брата его — добрые. И если твое семейство восстало против тебя за то, что не находило в тебе зла, то они не имели понимания добра, и твоя душа чиста от крови их».

Вот вижу я, что они все таким образом разговаривают, пока не подан был ужин. Когда все было готово, их пригласили сесть за стол. На столе было откормленное жирное мясо и самое лучшее вино. Вся их беседа касалась Владетеля горы, а именно: что Он сотворил и почему Он построил этот дом. И судя по тому, что они говорили, я заключил, что Он сильный Боец, и поборол того, кто имел державу смерти, но не без страдания для Себя, что дало мне еще более любви к Нему.

«Я слышал, и поэтому верю, — говорил Христианин, — что Он совершил это дело, проливая много Своей крови, но что еще более придает славы Его делу — это то, что Он все это исполнил из одной любви к своим.

Притом многие из Его служителей уверяют, что они видели Его живым после смерти на кресте, и даже говорили с Ним, и они свидетельствуют, что слышали из собственных Его уст, как нежно Он любит бедных странников, что никто так любить их не может от востока до запада. Он с Себя сбросил всякую славу и могущество, чтоб сделаться бедным, как самые бедные в мире, и они получили от Него удостоверение, что Он не желает обитать один на Сионе. Еще рассказывали они, что многих бедных пилигримов Он произвел в князья, хотя по рождению они были нищими бродягами и получили свое начало в прахе и грязи» (1 Цар. 2:8).

Таковыми речами они занимались до поздней ночи. Потом предали себя покровительству Господа и отправились на покой. Христианину отвели высокую, просторную комнату, где окна были обращены на восходящее солнце. Название комнаты было Мир. Он спал до рассвета и, встав, запел:

Где ныне я? Заботу и любовь
Христа к пилигримам вижу вновь:
Он властью креста простил и освятил
И ближе к небесам в обители вселил.

Утром, когда все встали, хозяева дома после первых приветствий объявили ему, что они его не отпустят, не показав ему замечательностей этого здания. Сперва они его повели в учебный кабинет, где достали документы самых древних времен. Меж ними, насколько могу припомнить из моего сновидения, находилась и родословная Владетеля горы, из коей видно было, что Он Сын Предвечного и нисходит от Вечного Начала. Здесь также находились документы с повествованием всех Его деяний и имена тьмы тем странников, которых Он принял в свое служение и поселил в такие обители, которые ни от времени, ни по своей природе не могут прийти в упадок.

Потом они прочитали ему деяния некоторых из служителей Господа, как они побеждали царства, творили правду, получили обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, из слабых делали сильными, были тверды на войне и прогоняли полки чужих. В другом документе было сказано, с какой готовностью Владетель горы принимает к Себе всякого, как бы ни оскорблял Ему человек в прошлом; лишь только он приходит к Нему, никого от Себя Он не отгоняет прочь. Много прочел Христианин замечательных повествований разных личностей, которые свидетельствовали, что все истинно так. Были тут и древние, и современные рассказы; также и немало пророчеств и предсказаний, которые ужасали и удивляли враждебных, а между тем внушали утешение пилигримам.

На другой день девицы повели его в оружейную палату, где они показали ему всякого рода оружие, приготовленное Владетелем для путешественников: мечи, щиты, шлемы, нагрудники, всесильную молитву и обувь, которая не изнашивается. И всего было здесь много, достаточно, чтоб вооружить столько людей для служения Господу, сколько звезд на небе.

Потом они прочитали ему деяния некоторых из служителей Господа...

Ему были также показаны некоторые орудия, которыми служители Господа когда-то совершили изумительные подвиги. Например: Моисеев посох; молот и кол, которыми Иаиль убила Сисару; сосуды, фонари и трубы, которыми Гедеон привел в бегство стан мидианский. Кроме того, был тут воловий рожок, которым Самегар убил шестьсот человек. Он увидел также ослиную челюсть, с которой Самсон одержал столько побед. Потом пращу и камень, которыми Давид убил Голиафа; наконец, ему показали и меч, которым Господь умертвит человека-грешника в тот день, когда он явится как хищный зверь. И много занимательного и полезного увидел Христианин, отчего пришел в восторг. После того они все снова отправились на покой.

На другое утро Христианин стал собираться в путь, но они его упросили остаться еще до другого дня. «И тогда, — прибавили они, — мы тебе покажем (если погода будет ясная) Отрадные Горы, вид которых будет тебе тем более приятен, что они ближе к желанной тобой пристани, чем место, на котором ты находишься теперь». Он дал свое согласие. Когда рассветало, они повели его на крышу дома и велели смотреть на юг (Ис. 13:16–17). Он повиновался. И вот вдали виднелась обворожительная гористая страна, украшенная виноградниками, лесами, плодовитыми деревьями, всякими цветами, с родниками и фонтанами, словом, все, что могло прельщать взор. Он спросил, как зовут эту местность; они ответили, что это Эммануилова страна, и что она точно так же доступна для всех, как дом на этой горе для всех проходящих пилигримов.

«И когда ты войдешь туда, ты оттуда увидишь Врата в Небесный Град, и пастыри, живущие там, тебе на них укажут».

Наконец он объявил, что должен отправиться далее, и они не стали отговаривать его. «Но, — сказали они, — сперва войдем снова в оружейную комнату». Когда они туда вошли, то вооружили его с ног до головы оружием, испытанным на случай, если бы пришлось ему защищаться от врагов во время пути. Снаряженный таким образом, он направился со своими друзьями к воротам, и тут спросил Хранителя: не проходил ли еще какой пилигрим? Он ответил утвердительно.

Хр.: «Не знаете ли вы, как его зовут?»

Хран.: «Я спросил его имя, он сказал, что зовут его Верный».

Хр.: «О, я его знаю. Он из одного города со мной и мой близкий сосед. Как вы думаете, далеко он отсюда?»

Хран.: «Теперь он должен быть под горой».

Хр.: «Благодарю, да будет с тобой Господь и да пошлет Он тебе еще более благ за твое со мною ласковое обращение».

Он пошел в путь, но Разборчивость, Благочестие, Любовь и Мудрость решились проводить его до подошвы горы. Они все отправились, продолжая духовный разговор до самого спуска.

«Насколько было трудно подыматься на гору, — сказал Христианин, — настолько вижу, что опасно спускаться».

«Совершенно так, — отвечала Мудрость, — тяжело человеку спускаться в Долину Уничуждения, в которую ты теперьходишь, и не оступиться, оттого мы тебя и хотели проводить вниз горы».

Он очень осторожно продолжал спускаться в долину, однако оступился раза два.

Когда они все сошли с возвышенности, Христианин, получив от своих спутниц хлеб, бутылку вина и кисть винограда, простился с ними и пошел далее.

Аполлион

В долине Уничуждения трудно было бедному Христианину. Недолго шел он в безопасности. На него вдруг напал ярый враг, шедший к нему навстречу через поле. Имя ему — Аполлион. Страх начал овладевать Христианином... Он не знал, бежать ли ему прочь или ожидать его на месте, где стоял. Но он сообразил, что на спине нет у него брони для защиты, и если пуститься бежать, то было бы выгодно для врага, который тотчас бы направил в него свои ядовитые стрелы, поэтому он решил стоять на месте и ожидать его. Аполлион подошел к нему. Наружность его была отвратительная. Вместо одежды тело его было покрыто рыбьей чешуей (чем он особенно горд), крылья его были как у дракона, из живота его выходил дым и огонь, а пасть его была точно львиная. Когда он подошел к Христианину, то взглянул на него с негодованием и стал его расспрашивать.

Апол.: «Откуда ты и куда направляешься?»

Хр.: «Я из города Разрушения, места всех зол, и направляюсь к городу Сиону».

Апол.: «Это значит, что ты из моих поданных, так как эта страна принадлежит мне, и я там князь и бог. Как же ты осмелился бежать от своего владетеля? Если б я не рассчитывал, что ты еще можешь мне послужить, я бы сейчас тебя так ударил, что разом повалил бы мертвым на землю».

Хр.: «Я родился, правда, в твоих владениях, но служба у тебя тяжела и плата такая, что ею не может жить ни один человек; ибо плата за грех — смерть (Рим. 6:23). И потому, когда я возмужал, я поступил как многие благоразумные люди и стал искать выхода из беды».

Апол.: «Нет владетеля, который согласился бы терять своих поданных. И я этого не хочу. Но если ты жалуешься на мою службу и плату, так вернись только назад, и все, что в стране можно найти выгодного, обещаю подарить тебе».

Хр.: «Но я уже нанялся на службу к другому, а именно к Царю всех князей, и потому как могу я вернуться к тебе?»

Апол.: «Ты так поступил, как говорит пословица: променял кукушку на ястреба. Но обыкновенно случается, что нанявшиеся к Нему на службу после

некоторого времени покидают ее и возвращаются ко мне. И ты поступи так же, и тебе будет хорошо».

Хр.: «Я уже доверился Ему и клялся принадлежать Ему. Как могу я теперь покинуть Его и не быть повешенным за это как изменник?»

Апол.: «Ты точно так же поступил со мной, однако я готов простить тебе, если ты согласен вернуться ко мне на службу».

Хр.: «Что я обещал тебе, было во время моего несовершеннолетия. Притом я верю, что Царь, у которого я теперь на службе, готов забыть и простить все, что я делал в угоду тебе. И скажу тебе, ненавистный Аполлион, истинную правду, что люблю мою новую службу, доволен правлением, обществом и страной моего Владыки гораздо более, чем твоими. И потому не приставай ко мне более, я Его слуга и буду следовать Ему».

Апол.: «Обдумайся, когда будешь спокойнее и встретишь на пути нечто, что тебя отрезвит. Ты знаешь, что Его служители почти все кончают плохо, потому что они непокорны мне. Сколько из них умерли постыдной смертью! Ты считаешь Его лучшим властелином, а Он еще никогда не покидал своего места, чтобы прийти на помощь к одному из погибавших своих служителей, а я сколько раз, весь мир это знает, либо властью своей, либо обманом спасал своих от владычества Его и стараний Его покорных слуг завладеть ими! Так же и тебя я спасу».

Хр.: «Его медленность спасать их здесь на земле имеет целью испытание их любви и веры до конца. А то, что ты рассказываешь о страданиях их ради имени Его, то это самая великая их слава. Они и не ожидают на земле избавления от зол, они живут в ожидании славы, которую получают, когда их Князь придет во славе и с своими ангелами на землю».

Апол.: «Ты уже был ему неверен с тех пор, как поступил к Нему на службу. Ужели ты думаешь все-таки получить от Него плату?»

Хр.: «В чем же, о Аполлион, был я Ему неверен?»

Апол.: «Ты с боязнью отправился к Нему и чуть было не задохнулся в Топи Уныния, ты употребил разные ложные меры, чтобы избавиться от своей ноши, вместо того чтобы ждать, пока сам Князь снимет ее с тебя. Ты согрешил, уснув на пути, так что потерял самую драгоценную вещь. Ты в душе решился идти назад, когда увидал львов. И когда ты разговариваешь о своем путешествии и о том, что ты видел и слышал, ты просто ищешь личной славы во всех своих делах и словах».

Хр.: «Все это сущая правда, и еще более этого совершил я дурного, чего ты не досказал. Но Князь, Которому служу, всемилосерд и готов меня простить. Притом эти немощи держали меня окованным только в твоих владениях, я их там всосал и стонал под ними, каялся и получил прощение от самого Князя».

Тогда Аполлион вошел в такую ярость, что заревел, как лев, и воскликнул:

«Я враг этого Князя! Я ненавижу Его, и законы Его, и народ Его. Я вышел сюда нарочно, чтобы погубить тебя».

Хр.: «Аполлион, остерегись и отойди от меня! Я на Царском возвышенном пути, на пути к святости. Побереги себя!»

Но Аполлион живо перепрыгнул через дорогу, отделяющую его от Христианина, и грозно ответил: «Мне такого рода боязнь незнакома. Готовься умереть, а я клянусь подземным своим царством, что далее ты не пойдешь. Здесь же изблюешь свою душу».

И с этими словами он пустил в него огненную стрелу прямо в грудь. Но Христианин проворно закрыл грудь свою щитом, бывшим у него в руке, и этим оградил себя от опасности. Тогда он стал сам нападать на врага, убедившись, что пришла минута борьбы насмерть, но Аполлион без остановки пускал в него стрелы, которые градом сыпались на бедного пилигрима, причиняя ему немало глубоких ран. Особенно сильны были раны в голове, руке и ноге. Это принудило его немного отступить. Аполлион стал с новой силой наступать на него, и Христианин стал терять силы, так как от полученных ран и потери крови он сильно ослабел.

Аполлион, заметив его изнеможение, еще более налегал на него и, борясь с ним, повалил на землю, а в эту минуту Христианин выпустил из рук меч свой. Тогда сказал ему Аполлион: «Теперь уж ты мой», — и с этими словами он стал душить его так сильно, что Христианин начал отчаиваться сохранить жизнь.

Но Господу было угодно, чтобы, пока Аполлион собирался нанести последний удар, Христианину удалось достать упавший возле него меч, и, поднимая его, он воскликнул: «Не возрадуйся передо мной, о враг мой! Хотя я упал, но встану» (Мих. 7:8). И с этими словами он ударил его так сильно мечом, что тот пошатнулся, как бы получив смертельную рану. Заметив это, Христианин снова ринулся на него, говоря: «Да, во всех случаях мы более чем победители именем Того, Кто возлюбил нас» (Рим. 8:37; Иак. 4:7). Тогда Аполлион, распустив свои драконские крылья, отлетел от него прочь, и Христианин более с ним не встречался.

В этой борьбе всякий, кто не был очевидцем, не может себе представить дикий рев и визг, которые испускал Аполлион во все время. Стоны и вздохи вылетали из груди Христианина. Ни одного довольного взора не заметил я на его лице во все время боя, но когда он ранил Аполлиона двуострым мечом, тогда он в самом деле с улыбкой радости поднял глаза к небу. Сцена была ужасающая.

Но вот явилась ему рука, держа листья от Древа Жизни, которые Христианин взял и приложил к полученным ранам, и они тотчас зажили, и он стал здоров. Он сел на землю отдохнуть и поесть хлеба, и выпил вина из врученной ему бутылки. Укрепившись, он встал и пошел далее, держа меч в руке и говоря: «Быть может, мне встретится другой какой враг». Но по всей долине он более не встречал Аполлиона.

Пройдя Долину Уничуждения, начиналась другая долина — Долина Тени Смертной, по которой следовало Христианину пройти непременно, так как

...тогда он в самом деле с улыбкой радости поднял глаза к небу.

путь шел по ней. Эта долина была совершенно необитаема. Пророк Иеремия ее описывает так: пространная пустыня с пропастями, место сухое и место Тени Смертной, страна, чрез которую никакой человек (кроме Христианина) пройти не может и где никто жить не может (Иер. 2:6).

Там с Христианином случилось нечто худшее, нежели борьба его с Аполлионом.

Долина тени смерти

Вот вижу, что лишь только Христианин вступил в пределы долины Тени Смертной, как встретились ему два человека, потомки тех, которые принесли дурные вести о прекрасной стране (Чис. 13).

Они торопились к себе обратно, и Христианин обратился к ним с вопросом.

Хр.: «Куда же это вы, господа, идете?»

Оба: «Назад, и тебе советуем то же, если тебе дорога жизнь».

Хр.: «Зачем это, в чем дело?»

Оба: «В чем дело! Мы шли по пути, по которому ты идешь, и дошли уже далеко, насколько посмели. И, право, мы уже были близко к цели, откуда и вернуться нельзя, но если бы мы зашли еще немного далее, то нас в эту минуту не было здесь, чтобы тебя предостеречь».

Хр.: «Но что же с вами случилось?»

Оба: «Мы чуть было не вступили в долину Тени Смертной, но, к счастью, вздумалось нам сперва заглянуть туда, и вдруг увидали всю угрожающую нам опасность».

Хр.: «Да, наконец, что вы там видели?»

Оба: «Что видели? Одна долина чего стоит! Она темна как колодезь. Однако мы в ней разглядели демонов, сатиров и драконов, выходящих из пропасти. По всей долине раздаются рев и вой, как будто от людей в ужасных страданиях, окованных в железные цепи и в нестерпимой печали. Над долиной несутся страшные тучи хаоса. Смерть расстилает над ней свои крылья. Словом, это ужасно, и там полное смятение».

Хр.: «По вашим словам я еще более убеждаюсь, что я на самом пути к желанной пристани».

Оба: «Пусть это будет твоим путем, но уж не нашим». Они удалились. Христианин продолжал путь свой, держа в руке обнаженный меч для борьбы с врагом:

Я заметил, что во всю длину долины тянулся по правую сторону глубокий ров. Это был тот самый ров, по которому во все времена слепой проводил слепого и в котором оба безвозвратно проваливались. А на левой стороне долины находилась Опасная болотина, в которую если б и хороший человек упал, то не отыскал бы твердой земли. В эту болотину когда-то упал и Царь Давид, и ему бы там несдобровать, если б Тот, Кому все возможно, не вытащил его.

Тропинка меж ними была очень узка, и бедный Христианин принужден был ходить весьма осторожно. Продвигаясь в темноте, он старался избегать ров направо, и в это время чуть было не провалился в болотину налево, а когда он остерегался падения в болотину, то видел себя на краю пропасти. Но все-таки он шел вперед, и до меня долетали его глубокие вздохи. Опасность была весьма велика. Узенькая тропинка и непроницаемый мрак пугали его, и часто случалось, что он не был уверен, на что он ставит ногу.

В середине долины, у одной из сторон тропинки, он увидел нечто похожее на отверстие ада. «Что же мне теперь делать?» — подумал Христианин. От времени до времени пламя и дым с силой выбивались оттуда, искры разлетались по мраку, и ужасный вой (против которого он не мог сражаться с мечом, как против Аполлиона) раздавался среди безмолвия ночи. Он вложил меч в ножны и взялся за другое оружие, называемое молитва, и воскликнул в мое услышание: «О Господи, молю Тебя, избавь душу мою!» Так шел он некоторое время, однако пламя длинными языками часто доходило до него,

стон и вой продолжали раздаваться и слышались чьи-то движения взад и вперед. Иногда ему казалось, что все эти духи разорвут его на части или затопчут, как глину на дороге. И все это он видел и слышал, проходя целые мили одну за другой. И так дошел он до одного места, где ему показалось, что на него идет большая партия врагов. Он остановился и стал обдумывать, как поступать далее. То ему приходило на мысль вернуться назад, потом он думал, что не стоит делать того, так как, может быть, уже прошел одну половину пути. Он вспоминал, как остался невредим после многих опасностей, и спрашивал себя, не опаснее ли идти назад, чем вперед... Он решился продолжать путь. Однако партия врагов, казалось, приближалась к нему, и когда они подошли близко, он воскликнул сильным голосом: «Стану уповать на твердость Господа Бога!» Они тотчас отступили от него и более его не беспокоили.

Не хочу, однако, умолчать об одном случае. Я заметил, что бедный Христианин был, наконец, так смущен всем виденным и слышанным, что не узнавал своего собственного голоса, и вот почему. Как только он дошел до отверстия пылающего рва, один из злых духов потихоньку подошел сзади к самому его уху и стал нашепывать самые страшные богохульства, и ему казалось, будто

Партия врагов

*...один из злых духов потихоньку подошел сзади к самому его уху
и стал нашептывать самые страшные богохульства...*

они выходили из его собственной души и уст. Это возбудило в Христианине чувство глубокой горести. Он упрекал себя, что может хулить Того, Которого он так любил недавно. «И если б я мог удержаться, то, верно бы, так не грешил», — думал он. Но он решительно был в бессилии заткнуть уши или узнать, откуда исходят такие богохульства.

Христианин некоторое время ходил в этом тяжелом расположении духа, как вдруг среди мрака послышался ему человеческий голос, говорящий: «Если мне даже суждено идти долиною тьмы, то не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс. 22:4).

Он обрадовался встрече. Во-первых, он догадался, что кто-то боящийся Бога идет по этой долине, как и он. Во-вторых, он убедился, что Господь Сам хранит этого человека, который во мраке: «Так почему же и меня не стал бы Он хранить? — подумал он, — хотя я в этом месте не могу, может быть, видеть Его». В-третьих, он надеялся, что если догонит этого человека, то вдвоем будет безопаснее. Вот он прибавил шагу и стал громко звать незнакомца, но тот не давал ответа, так как уже был далеко. Мало-помалу рассветало, и Христианин вспомнил слова: «Он изменил смертную тьму на свет» (Амос. 5,8).

Когда стало светло, он обернулся, не для того, чтобы вернуться, но чтобы рассмотреть все опасности, которые он миновал среди тьмы. Он ясно разглядел пропасть на одной стороне, — топь на другой, и узкую тропинку, лежащую между ними, и леших, и драконов в пропасти, и всяких злых духов; но все они двигались в это время вдали от него. Как стало рассветать, они перестали ему докучать, хотя он мог их ясно рассмотреть, как написано: «Он уясняет глубину среди тьмы и выводит на свет мрачное» (Иов. 12:22).

Вид пройденного глубоко его поразил, и хотя все миновало, но теперь только он мог их разглядеть во всех подробностях.

В это время солнце стало показываться на горизонте, что дало Христианину некоторую бодрость духа. Он знал, что как ни опасна первая половина долины Смертной Тени, вторая, которую ему предстояло пройти, гораздо опаснее. От места, где он находился, до конца долины весь путь был унижен столькими западнями, ловушками, скрытыми рвами, глубокими ямами и скользкими отлогостями, что идти по нему среди мрака было бы невыносимо. Но, к счастью его, солнце всходило, и он воскликнул: «Свеча Его над моей головой, и при Его свете прохожу тьму» (Иов. 29:3).

В самом деле, при свете солнца он успел пройти вторую половину долины. Вижу, однако, к моему немалому изумлению, что на конце пути лежит груда человеческих костей и останков, зола и запекшаяся кровь прежних пилигримов, совершивших тот же путь. Пока я раздумывал, что бы это могло обозначать, я заметил недалеко от меня вертеп, в котором обитали в древние времена два великана по имени Язычество и Папство. По их кровожадной власти и тирании пилигримы, чьи останки были здесь собраны, перенесли жестокие страдания и казнь. Я узнал позднее, что великан Язычество уже несколько времени как умер, а тот хотя и жив, но по старости лет и от многих острых ударов,

*Его окостенелые члены не позволяют ему тронуться с места,
и он сидит у отверстия вертепа и только качает головой
и зло насмехается над проходящими пилигримами...*

полученных в былые годы, сделался дряхлым и полупомешанным стариком. Его окостенелые члены не позволяют ему тронуться с места, и он сидит у отверстия вертепа и только качает головой и зло насмехается над проходящими пилигримами, кусая свои ногти от сознания своего бессилия вредить им, как в былое время.

Христианин спокойно шел по своему пути, но когда он заметил старца у отверстия вертепа, остановился в недоумении, слыша обращенные к нему слова: «Никогда вы не исправитесь, пока еще многих из ваших не сожгут». Но Христианин промолчал, взглянул на него добродушно и прошел мимо, не получив ни малейшего вреда.

Христианин и Верный

На пути своем Христианин поднялся на небольшой пригорок, который был тут устроен с целью дать пилигримам возможность разглядеть предметы вдали. Когда он стал на вершину и взглянул перед собой, то заметил старого друга и товарища по имени Верный, который шел по тому же пути, но немного впереди. Христианин с радостью закричал ему вслед: «Эй ты, молодец, подожди немного, и я буду твоим товарищем». Услыша зов, Верный обернулся, и Христианин снова закричал ему: «Стой, подожди меня!» Но Верный ответил ему: «Нет, ни за что, это вопрос жизни, и мститель крови позади меня».

Эти слова возмутили Христианина, и он, собрав силы, пустился бегом догонять Верного и даже обогнал его, так что последний стал первым. С улыбкой самохвальства он взглянул на Верного и тотчас же, не заметив, на что ставил ногу, споткнулся и упал, и так упал, что сам не мог подняться на ноги, а Верный подбежал помочь ему.

После я видел, что они пошли вместе, дружески разговаривая.

Хр.: «Очень рад, уважаемый брат, что мог тебя догнать. Господь так уладил наши души, что мы можем приятно путешествовать вместе».

Верн.: «Я рассчитывал, любезный друг, идти с тобой с самого нашего города, но ты отправился прежде меня, и я весь путь прошел в одиночестве».

Хр.: «А долго ли ты оставался в городе Разрушение, прежде чем начал свое пилигримство?»

Верн.: «До тех пор, пока не почувствовал, что долее оставаться там не могу. Много было толков после твоего ухода, и говорили, что город наш в скором времени будет сожжен небесным огнем».

Хр.: «Неужели соседи так говорили?»

Верн.: «Да, одно время только и было речи, что об этом».

Хр.: «И никто, кроме тебя, не пожелал спастись от гибели?»

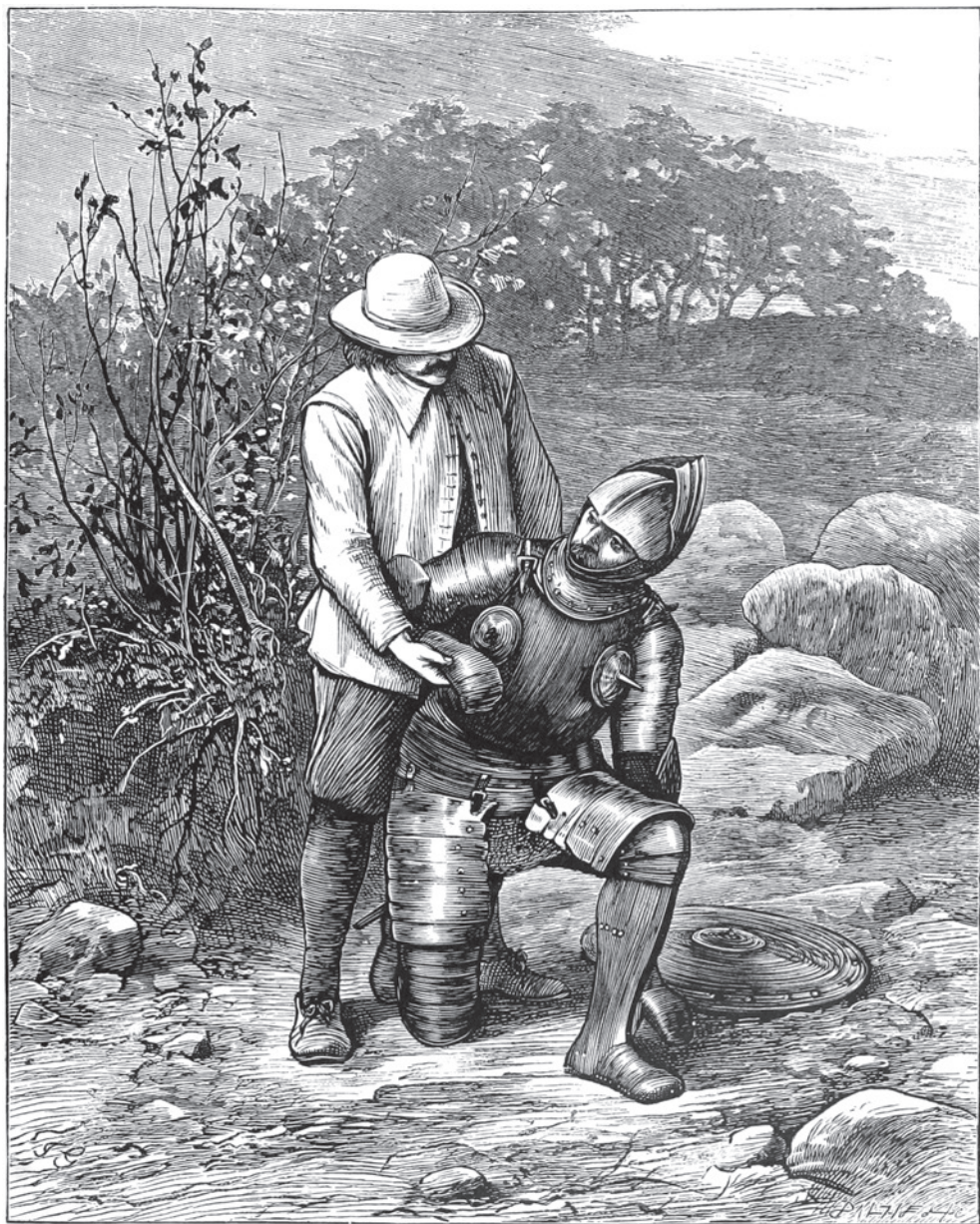
Верн.: «Хотя, как я говорю, много было речи о том, однако, мне сдается, что никто этому искренно не верил. Я сам слышал, как в пылу разговора некоторые с насмешкой отзывались о тебе и о твоём путешествии, которое они называли пилигримством; но я тогда верил и теперь уверен, что наш город будет сожжен свыше огнем и серой, и потому я оттуда удалился».

Хр.: «Не слышал ли ты что о Сговорчивом?»

Верн.: «Да, слышал, что он было пошел с тобой до самой Топи Уныния. Там, говорят некоторые, он провалился, но он в этом сознаться не хотел. Он сильно запачкан этим родом грязи».

Хр.: «А что сказали ему наши соседи?»

Верн.: «С самого своего возвращения он стал всеобщим посмешищем в глазах всякого рода людей. Иные смеются и презирают его, и никто почти не хочет давать ему работы. Ему теперь в семь раз хуже, чем было прежде, до его выхода из города».

...так упал, что сам не мог подняться на ноги, а Верный подбежал помочь ему.

Хр.: «Но почему же они так на него нападают, когда сами презирают путь, по которому он намеревался идти?»

Верн.: «Вот что они говорят: „Ну его, провалился он совсем, отступник, был неверен своему исповеданию“. Мне кажется, что сам Господь возмутил против него его врагов, чтобы осмеять его и сделать из его поступка жалкий пример для предостережения других, за то, что он покинул указанный путь».

Хр.: «Разве ты с ним не имел разговора на этот счет?»

Верн.: «Я однажды встретился с ним на улице, но он тотчас перешел на другую сторону, как будто пристыженный. Так и не удалось мне сказать ему слова».

Хр.: «Сначала, когда мы вышли с ним в путь, я, признаюсь, имел на него много надежд. Но теперь мне сдается, что он погибнет вместе со всем городом. С ним случилось по верной пословице: „пес вернулся к своей блевотине“ и „вымытая свинья пошла валяться в грязи“. Ну, а теперь расскажи мне, друг, все, что случилось с тобой в пути, так как что-нибудь с тобой приключилось, не правда ли?»

Верн.: «Я миновал Топь, в которую ты упал, и потом я дошел до двери без особенной опасности. Однако я встретил одну личность по имени Распутство, которая старалась мне сделать много вреда».

Хр.: «Хорошо, что ты от нее спасся. Иосиф сильно был ею искушаем, и также спасся, как ты. Но чуть было не поплатился он за это жизнью. Но какое зло она тебе сделала?»

Верн.: «Ты не можешь себе представить, какие у нее приемы, чтоб завладеть людьми. Она лстлива, прилипчива, умоляла вернуться с нею, обещая всякого рода наслаждения».

Хр.: «Однако она не могла тебе обещать наслаждение спокойной совести?»

Верн.: «Но ты понимаешь всякие плотские и чувственные наслаждения?»

Хр.: «Слава Богу, что ты ей не попался! Кто наказан Господом, упадет в ее ров» (Прит. 22:14).

Верн.: «Однако не могу сказать точно, не попался ли я отчасти в ее сети».

Хр.: «Как! Что ты! Ведь ты отверг ее предложение?»

Верн.: «Конечно, отверг, вспоминая слова: „Стопы ее достигают преисподней“ (Прит. 5:5). Вот я и закрыл глаза, потому что боялся быть околдованным ее взором. Она надо мной расхохоталась и оставила меня продолжать путь».

Хр.: «Других напастей с тобой не приключилось?»

Верн.: «Когда я сошел с горы Затруднение, я встретил дряхлого старика, который спросил меня, кто я и куда иду. Я отвечал, что я пилигрим и отправляюсь в Небесный Град. Он мне на это возразил: „Ты мне кажешься хорошим малым, не хочешь ли поселиться со мной и получать от меня жалованье?“ Я его спросил, кто он и где живет. Он мне отвечал, что зовут его Первым Адамом и живет он в городе Обман. Я спросил, какое у него занятие и какое жалованье он дает. Он мне сказал, что его занятия — всякие наслаждения,

а жалование в том, что я могу сделаться его наследником. Я спросил, какого рода дом он содержит и много ли у него слуг. На это он ответил, что дом его содержит все прелести жизни, а его слуги только его кровные, рожденные им (Еф. 4:22). Я спросил, сколько у него детей. Он сказал: три дочери по имени Вождение Плоти, Похоть Глаз и Гордость Житейская и что я могу, если хочу, жениться на одной из них (1 Иоан. 2:16). Потом я еще спросил, как долго желает он держать меня при себе. На это он ответил, что столько времени, сколько он сам проживет».

Хр.: «Ну, и к какому же решению вы с ним пришли?»

Верн.: «Сначала как-то меня притягивало дать ему свое согласие, он казался мне здраво рассуждающим. А потом я взглянул на его лоб, разговаривая с ним, и прочел на нем: „Отвергни ветхого человека с его делами“».

Хр.: «И что же после?»

Верн.: «Тогда у меня в голове засело убеждение, что, несмотря на его льстивые слова, лишь только я с ним пойду в дом, он меня тотчас продаст в рабство. Вот я стал с твердостью настаивать, чтоб он прекратил такие речи, потому что я к нему решительно не пойду. Тогда он начал меня ругать и грозил, что пошлет за мной такого, который путь мой сделает горьким для души моей. Я отвернулся от него, чтоб уйти, как вдруг он так сильно схватил меня за тело и до того больно притянул к себе, что мне показалось, что он из меня вырвал кусок мяса. Эта жгучая боль вызвала у меня вопль, и я воскликнул: „О, жалкий я человек!“ (Рим. 7:24). И потом поднялся на гору. Не прошел я половины пути, как вижу, обернувшись назад, что кто-то бежит за мной с быстротой ветра. Этот кто-то догнал меня на том самом месте, где стоит покой».

Хр.: «Я тоже там остановился отдохнуть, но заснул так крепко, что потерял свой сверток из-за пазухи».

Верн.: «Но выслушай меня, брат. Как только этот незнакомец меня догнал, то, не говоря ни слова, ударил меня так сильно и неожиданно, что я повалился, как мертвый. Когда я пришел в себя, то спросил его, за что он со мной так поступает. Он отвечал, что это за мое тайное стремление к Первому Адаму, и тут он стал снова колотить меня в грудь и повалил меня навзничь, и я упал к его ногам полумертвым. Когда я очнулся, я стал молить его о пощаде, но он ответил, что он щадить не умеет, и опять сильно ударил меня. Без сомнения, я бы скоро умер от его побоев, но вдруг кто-то подошел к нему и запретил ему».

Хр.: «А кто же это был?»

Верн.: «Я его сперва не узнал, но когда он стал уходить, я заметил язвы на Его руках и боку. Я понял тогда, что это был Господь. После я продолжал подыматься на гору».

Хр.: «Человек, колотивший тебя, был Моисей. Он не щадит никого и не знает, что такое пощада для тех, которые не исполняли его закон».

Верн.: «О, я хорошо это знаю, не первая была моя встреча с ним. Он же и приходил ко мне на дом и грозил сжечь дом мой над головой моей, если стану еще в нем жить».

Хр.: «Разве ты не заметил здания, которое стоит на самой вершине горы на той стороне, на которой тебя догнал Моисей?»»

Верн: «О да, и львов видел, прежде чем туда дошел. Но мне кажется, что они спали, потому что был полдень. У меня оставалось еще много времени, я и прошел мимо привратника, не останавливаясь, и пустился вниз с горы».

Хр.: «Он мне и передал, что ты прошел мимо дома. А жаль, ты бы там увидел много редкостей, которых во всю жизнь нельзя забыть. Но скажи мне, пожалуйста, встретил ли ты еще кого-нибудь в Долине Уничужения?»»

Верн.: «Да, я встретил там одного, по имени Недовольный, который сильно старался убедить меня вернуться. Главная причина его неудовольствия была, что эта долина марает честь человека. Еще уверял он меня, что если я туда пойду, то тем оскорблю всех моих друзей, а именно: Гордость, Надменность, Упрямство, Мирскую славу и других, которые, по его словам, будут обижены моим поведением и вестью, что я, как дурак, таскался по Долине Уничужения».

Хр.: «Что же ты на это ему ответил?»»

Верн.: «Я сказал ему, что хотя все они, конечно, имеют некоторое право на родство и дружбу со мной (так как в самом деле они мне родня по плоти),

Недовольный

Гордость, Надменность, Упрямство, Мирская слава

однако с тех пор, как я записан в пилигримы, они от меня отказались, и я от них, и потому теперь они для меня как будто никогда и не были родственниками. Что же касается Долины Уничуждения, то, по-моему, он совсем не так ее понимает, ибо перед честью идет сперва уничижение, так как гордость духа всегда предшествует падению. Итак, я предпочитаю пройти Долину Уничуждения, о которой так выражался Премудрый, нежели избрать то, что он считает лучшим».

Хр.: «Более ты не встречал никого в долине?»

Верн.: «Да, еще встретил я одного по имени Стыд, и, право, из всех встреченных мною никто не носил так некстати имени своего. С другими можно было иметь некоторого рода рассуждения, но этого же нахального человека Стыд ничем нельзя было ни убедить, ни удалить».

Хр.: «Что же такое он говорил?»

Верн.: «Он восставал против самой религии, говорил, что это занятие жалкое, подлое, недостойное умного человека; что иметь чувствительную совесть — доказательство трусости; что для человека образованного смешно и стыдно всегда обдумывать каждое свое слово или дело, а покинуть буйную свободную жизнь, которая отличительная черта удалцов всех времен, бесцельно и глупо в глазах наших современников. Он дал заметить при этом, что все великие, богатые и умные сего мира никогда иначе не мыслят и не решились бы прослыть дураками, сделавшись пилигримами, и что, наконец, нелепо бросить все и отказываться от всего, сам не зная в угоду кому или чему. Еще описывал он самыми живыми красками, какое презренное и униженное место занимают в свете пилигримы и какие они невежды для всего, что относится до естественных наук. Вот какими речами удерживал он меня долгое время. Всего и передать не могу.

Наконец, еще кончил тем, что стыдно плакать и скорбеть, слушая в церкви проповедь, стыдно дома у себя просить прощения у соседей за какую-нибудь обиду или возвратить то, что было взято не совсем законно. Религия, говорил он, делает человека странным в глазах большого света, потому что люди мира имеют некоторые маленькие слабости, которые религиозный человек с ужасом отвергает, и потому он принужден называть своими одних низких по светскому положению, имея с ними нечто вроде религиозного братства. И все это, прибавил он, не стыд ли?»

Хр.: «Что же ты возразил ему на это?»

Верн.: «Что? Да я просто не знал, что и говорить! Он меня привел в такое положение, что кровь хлынула мне в голову, и я покраснел, и всему этому Стыд был причиной, и чуть-чуть не взял он надо мною верх. Однако, наконец, я стал обдумывать и вспомнил, что то, что высоко уважаемо людьми, — мерзость перед Богом. Я также тут заметил, что Стыд описывает мне людей, но не объясняет, что велит Бог и Его Слово. Я подумал, кроме того, что в день Суда мы получим приговор на смерть или дар жизни не по степени нашего буйного духа в мире, а по духу и закону Всевышнего. Нет, подумал я, то, что Бог

повелевает — лучше, хотя бы весь мир восстал против Его Слова. Итак, Господь повелевает нам иметь религию и чувствительную совесть, поэтому те, которые решаются прослыть за дураков в глазах людей мира ради Царства Небесного, — суть самые мудрые. Бедный человек, любящий Христа, несчетно раз богаче самых великих мирян, ненавидящих Имя Его, а ты, Стыд, удались от меня, ты враг моего спасения: ужели предпочту служить тебе, чем Всемогущему моему Богу? Как стал бы я тогда взирать на Него, когда Он явится? Если буду стыдиться здесь Его пути и Его служителей, какое мне ожидать от Него благословение?

Но уверяю тебя, друг, что этот Стыд — нахальный мошенник. Я с трудом избавился от его общества. Снова и снова он подходил и шептал мне на ухо, давая мне заметить, как смешны некоторые слабые стороны религии, и, таким образом, он гнался за мной долго. Наконец я ему решительно объявил, что он напрасно меня преследует, потому что то, что он считает презренным, для меня высшая слава, и, наконец, я совсем избавился от такого докучливого товарища. И, когда он меня покинул, я был в восторге».

Хр.: «Радуюсь, брат, что ты мужественно поборол этого нахала. В самом деле, он мало отвечает на свое имя, потому что вместо того, чтобы прятаться, он гонится за нами повсюду, желая внушить нам стыд при исполнении нашего долга. Но будем всегда противодействовать ему, а там, что он не говори, он достанется на долю безумцев, ибо сказано: „Мудрые наследуют славу, а глупые — стыд“» (Прит. 3:35).

Верн.: «Я думаю, мы должны молить о помощи против Стыда Того, Кто желает видеть нас мужественными в делах истины».

Хр.: «Совершенно так. Но более никого ты не встречал в этой долине?»

Верн.: «Нет, более никого, меня освещало солнце во всей остальной половине долины и даже во все время моего хождения по другой долине — Тени Смертной».

Хр.: «Ты был счастливее меня, любезный друг». И Христианин передал своему товарищу все свои похождения по обеим долинам.

Краснобай

Потом я заметил, что пока они шли, Верный увидел человека, идущего в некотором расстоянии от них. Имя его было Краснобай. Он был высокого роста и довольно красивой наружности, если на него смотреть издали. К нему Верный обратился с вопросом.

Верн.: «Друг, куда отправляешься? Не к Небесной ли стране?»

Красн.: «Именно туда».

Верн.: «Прекрасно, так мы можем идти вместе».

Красн.: «С удовольствием, будем товарищами».

Верн.: «Так идем и поговорим о полезном для наших душ».

Красн.: «Мне всегда приятно разговаривать о всем хорошем и полезном с кем бы то ни было. Я рад, что встретился с такими, которые одного со мной мнения. Это редко случается. Большею частью встречаешь путешественников, предпочитающих пустые разговоры, и это всегда приводит меня в смущение».

Верн.: «Очень грустный факт. Для чего даны человеку язык и уста, если не для прославления дел Божиих?»

Красн.: «Твои убеждения мне совершенно по сердцу. И что может быть приятнее и полезнее такой беседы? Приятно в том отношении, что если кто желает рассуждать об истории и мистическом смысле Божиих дел, о чудесах или знамениях, где может он найти лучшее и более утешительное повествование, если не в Священном Писании?»

Верн.: «Все это так. Но главная цель извлечь пользу от разговора и чтения».

Красн.: «И я того же мнения. Разговаривать об этом весьма полезно. В это время человек познает многое, чего не знал, например, он познает всю суету земных наслаждений и оценивает небесное, он постигает необходимость возрождения духом, недостаточность наших дел для спасения, необходимость оправдания Христом и проч. Кроме того, человек научается покаянию, вере, молитве, терпению в невзгодах и многому другому. Наконец, он также научается опровергать ложные убеждения, выставяя истину и наставляя на нее несведущего».

Верн.: «Все это, конечно, справедливо, и мне приятно слышать это от тебя».

Красн.: «Увы! Отсутствие подобных бесед часто бывает причиной того, что столько людей не понимают необходимости веры и действия благодати на их души для достижения вечной жизни, так как от незнания истины столько людей живут, рассчитывая на дела закона, по которым нет возможности получить Царствие Божие».

Верн.: «Да, но позволь тебе сказать, что знание Небесного есть дар Божий, нельзя человеку добиться этого своими трудами или разговором о том».

Красн.: «О, я все это знаю отлично, человек не может дать себе ничего, если оно не дано ему свыше. Все по благодати — не по делам, я могу вам насчитать тысячи текстов из Св. Писания для удостоверения в этом».

Верн.: «Хорошо, так какую же тему мы теперь выберем для нашей беседы?»

Красн.: «О, решительно какую хочешь. Я могу рассуждать о небесном и о земном, о нравственных вопросах и о евангельских, о светском и о духовном, о прошедшем и о будущем, об иноземном и о домашнем, о самом необходимом и о менее важном, лишь бы все это послужило нам в пользу».

Верный стал тогда чувствовать некоторое изумление и подошел к Христианину, который с минуты появления Красная ходил поодаль. Он сказал ему тихо: «Какого хорошего товарища мы приобрели, из него выйдет непременно отличный пилигрим». Христианин скромно улыбнулся и отвечал: «Этот господин, которым ты так восхищаешься, может морочить своим языком разом двадцать человек, пока они его не знают».

Краснобай

Верн.: «А разве ты его знаешь?»

Хр.: «Более, вероятно, чем он сам себя знает».

Верн.: «Так скажи, пожалуйста, кто же он?»

Хр.: «Его имя Краснобай. Он из нашего города. Удивляюсь, что ты его не знаешь, но правда, наш город очень велик».

Верн.: «Чей он сын и около какого места он жил?»

Хр.: «Его отца зовут Болтливым, а место жительства в городе под названием Краснобай из Врального Ряда, и, несмотря на его изящный разговор, он прежалкий и препустой господин».

Верн.: «Однако как он красив и приятен в разговоре».

Хр.: «Да, пока с ним не сходишься очень близко. Он в наилучшем виде, когда с чужими, дома же он просто неприятен. Что ты его находишь красивым, напоминает мне то, что я заметил, рассматривая картины: чем от них стоишь далее, тем они кажутся лучше, и наоборот».

Верн.: «Но мне все сдается, что ты шутишь, потому что ты сейчас улыбнулся».

Хр.: «Боже упаси, чтобы я в шутку (хотя улыбнулся) очернил своего брата! Я тебе о нем расскажу подробнее. Этот человек годен для всякого рода общества. Как он с тобой охотно разговаривал, так же охотно говорит он и в питейном доме. И чем более водки и хмеля в его мозгу, тем более слов у него на устах. Религия не обитает ни в его сердце, ни в душе, ни в его поведении. Все, что он о ней знает, вертится только у него на языке и служит ему предметом красноречивой болтовни».

Верн.: «Ужели! Так сильно я ошибся в этом человеке?»

Хр.: «Ошибся, без всякого сомнения. Помни сказания: „Они говорят, но не исполняют“; и „Царствие Божие не в слове, а в силе“. Он говорит о молитве, об обращении, о вере, о духовном возрождении, но он только умеет разговаривать об этом. Я бывал в его семействе и изучал его и в доме и вне дома, и что о нем передаю, то верно. В его доме такое же отсутствие религии, как в яичном белке нет вкуса. Никогда они там не молятся, и не встретишь у него никого, в котором появилась бы тень обращения и раскаяния; право, скотина даже, какая бы ни была, более его служит к прославлению Бога. Но он пятно, укор и стыд для религии, о которой болтает зря и без толку, и поэтому религия — позор во всем его околотке. Вот как о нем отзываются вообще: вне дома — святой, а у себя — сатана. И его бедное семейство тяжело это чувствует: с ними он ворчун или колко оскорбителен, с прислугой — несправедлив и взбалмошен, так что они сами не придумают, что им делать и как с ним говорить.

Кто с ним в денежных делах, рассказывает, что лучше иметь дело с Турком, чем с ним, потому что он постоянно норовит надуть, обмануть или провести. Притом он и сыновей своих воспитывает в таком же духе, и, если подчас заметит в одном из них легкую склонность к глупой боязливости (так называет он всякое проявление проснувшейся совести), он тотчас обзовет их при всех дураками и болванами и старается удалить от выгодного дела. По моему мнению,

он своей порочной жизнью послужил для многих камнем преткновения, и если Господь не остановит его, он еще многих погубит».

Верн.: «Ну, брат, конечно, не имею права сомневаться в твоих словах, так как ты его знаешь лично, и притом как христианин судишь о людях по свету Евангелия. И я не хочу думать, что ты так о нем отзываешься по одному недоброжелательству».

Хр.: «Если б он был мне незнаком, как тебе, вероятно, я совершенно разделил бы с тобой твоё хорошее о нём мнение. Скажу более, если бы все это было мне передано врагами религии, я бы усомнился и счел бы за клевету (что нередко достается богобоязненным людям от уст дурных), но все, что я передал тебе и гораздо более еще, было узнано мною лично, и я могу доказать это. Притом, хорошие люди стыдятся его знакомства, его одно имя приводит их в краску, если они имели случай узнать его ближе».

Верн.: «Да, вижу теперь, что говорить и действовать — два совершенно различных вопроса, и впредь стану относиться к этому внимательнее».

Хр.: «Именно так различны, насколько различны душа и тело: ибо если тело без души мертво, можно сказать, что и душа без тела действовать не может. Эссенция религии в практической ее стороне: „Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненными от мира“ (Иак. 1:27). Этот Краснобай и не заботится об этом; он думает, что слушать и говорить достаточно для истинного христианина, и он таким образом обманывает душу свою. Слушание есть принятие семени в сердце, разговор о том еще не есть доказательство созревшего плода в сердце и в жизни. В день Суда не будет спрощено: слушали ли вы и рассуждали ли? Но были ли исполнителями или только толкователями? И смотря по этому и будут все судимы. Конец мира мы сравниваем с жатвой, и жнецы соберут одни плоды. Конечно, надо помнить, что только одни плоды веры будут приняты. Но я это говорю только, чтобы объяснить тебе, как ничтожно будет религиозное исповедание Краснобая в тот день».

Верн.: «Это напоминает мне объяснение Моисея, как различить чистое животное от нечистого: „Всякое животное, у которого копыто раздвоено и оно жует жвачку, чисто“. Не то, у которого только копыто раздвоено, но которое не жует жвачки, и также не то, которое жует жвачку, а не имеет раздвоенного копыта. И это очень походит на Краснобая. Он жует жвачку, т. е. ищет познания и пережевывает слово, но он не имеет раздвоенного копыта, т. е. не решается расстаться с путями грешных, а подобен зайцу, который жует жвачку, но сохранил лапу собаки или медведя, и потому нечистое животное».

Хр.: «Ты отлично объяснил духовный смысл текста. К этому еще прибавлю: апостол Павел называл некоторых людей, именно краснобаев, медью звенящей и кимвалом звучащим (1 Кор. 13:1). Это значит (как он объясняет в другой главе) бездушные вещи, издающие одни звуки, лишённые истинной веры и евангельской благодати, и, следовательно, такого рода люди не могут

быть приняты в обителях небесных с чадами жизни, хотя бы звук их, т. е. разговор, походил на речь и голос ангела».

Верн.: «Признаюсь, что как бы приятно ни казалось мне до сей поры его общество, теперь мне с него довольно. Что мне делать, чтобы от него избавиться?»

Хр.: «Послушайся моего совета, и ты убедишься, что и ему скоро надоест твое общество, разве только Господу угодно будет тронуть его сердце и обратить его».

Верн.: «Что же мне делать?»

Хр.: «Да вот что: подойди к нему снова и заведи серьезный разговор о силе и действии религии на человека. И просто спроси его (когда он согласится с твоим мнением, что непременно и будет), чувствует ли он эту силу и действие в сердце и в своей жизни».

Тогда Верный снова подошел к Краснобаю и сказал ему: «Эй, брат, веселее! Что ты так задумался?»

Красн.: «Ничего, благодарю, но я все думал, сколько бы мы могли беседовать все это время».

Верн.: «Что ж, пожалуй, начнем хоть сейчас и, так как мне предоставляешь избрать предмет беседы, то пусть же он будет таковым: каким образом проявляется спасительная благодать Божия и как можем узнать, что она в самом деле в сердце человека?»

Красн.: «Я вижу, что предмет нашей беседы будет сила и действие убеждений. Это вопрос немаловажный, и я тебе с удовольствием на него отвечу. И вот мой ответ в кратких словах: первое, когда благодать Божия в сердце человека, второе, то она прежде всего производит в нем сильное возмущение против греха».

Верн.: «Позволь, остановись, рассмотрим сперва первый пункт. Мне кажется, тебе следовало бы сказать, что благодать проявляется тем, что внушает душе ненависть ко греху».

Красн.: «Да, но какая же разница между возмущением против греха или ненавистью к нему?»

Верн.: «О, большая! Человек может выражать свое возмущение против греха из приличия, но ненавидеть его может он только через действие Божией благодати. Я слышал многих проповедников, которые на кафедре шумно возмущались против греха, но могли отлично с ним ужиться в сердце, в доме и даже в интимных разговорах. Супруга царедворца Потифара громко возмущалась, как будто бы она была святая женщина, а, несмотря на то, охотно бы совершила преступление. Некоторые возмущаются против греха точно так же, как многие матери с ребенком на руках журят его грозным голосом за шалость, называя негодным, и тотчас же обнимают и ласкают» (Быт. 31:15).

Красн.: «Ты хочешь ловить меня на словах, я вижу».

Верн.: «Нимало, я желаю только, чтобы все было ясно. Ну, в чем же состоит второй пункт, доказывающий присутствие благодати Божией в сердце человека?»

Красн.: «В большом знании евангельских истин».

Верн.: «Это следовало бы поставить вначале. Но первый ли это или второй пункт, все-таки ложно, ибо можно достичь большого и очень большого знания евангельских истин и не иметь действия благодати в душе. Если бы человек приобрел всякое познание, он все же может быть ничем, т. е. не быть чадом Божиим (1 Кор. 13:9). Когда Христос говорил: „Знаете ли вы все это?“, и ученики ответили: „Знаем“, то Он прибавил: „Блаженны вы, если это исполняете“. Он не называет блаженными знающих, но исполняющих. Есть познание, которое остается бесплодным: „Тот, кто знает волю Господа своего и не исполняет ее“. Человек может знать евангельские истины, как ангел, а все же не быть христианином, поэтому твой вывод неверен. Познание нравится краснобаям и хвастунам, исполнение же нравится Богу. Конечно, душа не может просветиться без познания; но есть два рода познаний: одно ограничивается рассуждениями, а другому сопутствуют благодать, вера и любовь, заставляющие исполнять волю Божию от искреннего сердца. Первый род познания удовлетворяет разумника, а второй необходим для христианина: „Вразуми меня, и буду держаться закона Твоего и соблюдать его всем сердцем“» (Пс. 118:34).

Красн.: «Ты опять стараешься ловить меня на словах, это не может служить нам к назиданию».

Верн.: «Дай мне другое доказательство действия благодати».

Красн.: «О нет, не желаю, я вижу, что мы с тобой не сойдемся».

Верн.: «Так позволь же мне это сделать».

Красн.: «Ты совершенно свободен говорить».

Верн.: «Действие благодати проявляется в душе того, кто ее получил, и видимо для тех, кто с ним в общении. Тому, кто ее получил, она внушает сознание греховности, в особенности же сознание своей духовной испорченности вследствие неверия, за что он непременно должен быть отвержен Богом, если не получит при жизни помилования Божия через веру в Иисуса Христа. Это сознание производит в его душе скорбь и стыд греха, а между тем он слышит в себе откровение свыше, что дан миру Всеблагим Господом — Спасителем и что необходимо каждому грешнику держаться за Него, как за единственную надежду; при этом в нем является духовная жажда и голод получить его в сердце. Эту жажду и голод обещано утолить. Но, смотря по силе веры в Спасителя, будет и доля радости, душевного мира, любви к святости жизни, желания познать Его более и служить Ему на этой земле. Я сказал, что это так проявляется в нем, а между тем сам человек редко способен признать эти чувства за действие благодати, потому что по природной испорченности и ложному направлению ума он и рассуждает ложно, и иногда требуется много времени, чтобы возрожденный духовно человек познал, что его новые стремления истинное действие в нем благодати Божией. Для окружающих же благодать Божия в душе обращенного грешника проявляется, во-первых, через устное исповедание веры во Христа; во-вторых, образом жизни, соответствующей

этому исповеданию, а именно: святостью жизни, святостью сердца, святостью семейства (если таковое имеется), святостью в разговоре с мирянами, ненавистью ко греху и недоверием к самому себе, желанием изгнать зло из семейства и способствовать святости мирян не одним только разговором уст (как делают лицемеры или краснобаи), но делами веры и любви к могучему Слову. А теперь, если это краткое мое описание действия благодати Божией на человека внушает тебе желание выразить некоторые опровержения — высказывай их, если же нет, позволь мне поставить тебе еще один вопрос».

Красн.: «О нет, моя роль теперь не опровергать, но слушать, и потому ожидаю твоего второго вопроса».

Верн.: «Испытал ли ты первую часть моего описания? И соответствует ли ей твой образ жизни и разговоры? Или же вся твоя религия только на словах и на языке, а не на деле и истине? Прошу тебя, если ты намерен на это дать ответ, скажи только то, что истине и верно, на что Господь с Своей стороны ответит аминь, и что твоя совесть может подтвердить. Ибо не тот, кто одобряет сам себя, будет признан, но тот, кого одобряет Господь. Притом, говорить, что я такой-то, когда мои действия, разговоры и мои ближние утверждают, что я лгу — великое зло».

Сперва Краснобай смутился и покраснел, но вскоре оправился и ответил: «Ты уж далеко зашел и договорился до проявлений, совести и Бога, Его хочешь призывать в свидетели сказанного. Признаюсь, не ожидал я, что наша беседа примет такой оборот, и тем более, что совсем не расположен отвечать на подобные вопросы, разве только если б признал тебя моим законоучителем или судьей... чего вовсе не признаю. Но скажи, почему ты мне поставил все эти вопросы?»

Верн.: «Потому что я заметил, как ты скор на разговоры, и мне почему-то сдавалось, что в тебе нет ничего иного, кроме познания. Скажу откровенно, я слышал о тебе, что вся твоя религия только на словах и что твои разговоры о христианстве совершенно не соответствуют твоему образу жизни. Говорят, что ты позор среди христиан, что твои нечестивые разговоры дома у себя унижают религию, о которой ты болтаешь зря, что твои грязные дела уже некоторых совратили с пути и что многие и теперь в опасности погибнуть от того же. Твоя религия и пивной дом, зависть и безнравственность, божьба и ложь, любовь к веселому обществу и проч. идут рука об руку. Поговорка верно выражает, что развратная женщина — стыд женщин, а ты — стыд исповедателей религии».

Красн.: «Если ты так легко веришь слухам и так резко осуждаешь, то из этого могу только заключить, что ты просто хандривый человек или меланхолик, с которым беседовать не стоит, поэтому честь имею кланяться!»

Тогда Христианин подошел к другу своему Верному и сказал: «Я предупредил тебя, что так случится. Твои слова с его образом мыслей сходить не могут. Он предпочел лучше расстаться с тобой, чем со своими привычками и вкусами. Он и ушел. Но невелика для нас потеря, — лишь он один

в проигрыше. Рано или поздно мы бы должны были с ним расстаться. Его общество (если б он не изменился) было бы пятном для нас. Притом апостол Павел говорит: „От такихых удаляйтесь“» (2 Кор. 6:17).

Верн.: «Я, впрочем, очень рад, что затеял с ним подобный разговор. Быть может, он когда-нибудь вспомнит мои слова, и это будет ему полезно. Во всяком случае я высказал ему прямо истину и теперь не ответственен в его крови, если он погибнет».

Хр.: «Да, ты поступил хорошо, что старался открыть ему глаза и показал ему его заблуждение. Теперь как-то редко встречаешь людей, готовых высказывать правду, где нужно. Поэтому и видим мы на свете столько безумных краснобаев, у которых вся религия лишь на словах, между тем они дышат развратом и тщеславием, и, быв принятыми членами в общество истинных христиан, делаются загадкой для мирян, пятном для христианства и оскорбляют искренние души. И если бы все обращались с подобными лицемерами, как ты обошелся с Краснобаем, то они либо изменили свой образ жизни к лучшему, либо совсем покинули общество, которое совершенно в противоположных с ними правилах».

В такой беседе они шли вместе, и пустынный путь, по которому они проходили, показался им менее однообразным и утомительным.

Ярмарка Суеты

Они уже прошли почти всю пустыню, когда Верный, случайно обернувшись, заметил кого-то, идущего к ним, и тотчас его узнал. «Брат, — воскликнул он своему товарищу, — посмотри, кто к нам идет!»

Христианин взглянул: «Это мой добрый приятель, Евангелист!» — отвечал он.

Верн.: «И мой также! Ведь это он указал мне на путь к Тесным Вратам».

В это время Евангелист подошел к ним и приветствовал их.

Ев.: «Мир вам, возлюбленные! Мир да будет вам помощью».

Хр.: «Добро пожаловать, добрый Евангелист! Твое присутствие напоминает мне прежнюю твою ко мне благодать и твои неустанные труды для вечного моего блаженства».

Верн.: «И душевное тебе наше приветствие, желанный друг наш! Как утешительно твое общество для нас, бедных пилигримов».

Ев.: «Ну, что и как было с вами, друзья, с тех пор, как мы с вами расстались?»

Тогда оба товарища рассказали ему все случившееся с ними и с каким трудом они добрались до настоящего места.

Ев.: «Радуюсь от души не тому, что вынесли вы столько испытаний, но тому, что остались победителями, и что, несмотря на многие ваши слабые

стороны, вы, однако, продолжаете путь и по сей день. Да, повторяю вам, душевно радуюсь и за вас и за себя. Я сеял, а вы будете жать. День близок, когда и сеющий и собирающий возрадуются вместе. Только, конечно, если выдержите до конца, тогда будете собирать, и если не отстанете от труда. Венец впереди вас неувядаемый; и так бегите, чтоб получить его. Есть такие, которые пускаются в бег, чтоб добыть себе венец, но когда они еще далеко от него, набегают другой и хватает его перед ними. Храните полученное, никому не давайте отнять у себя венец. Вы еще не на безопасном расстоянии от стрел сатаны, вы еще не сопротивлялись до пролития крови вашей в борьбе с грехом. Да будет всегда пред вашими очами Царство Славы, и веруйте твердо в обещанное вам, хотя оно еще невидимо для вас. Остерегайтесь, чтобы что мирское не пристало к сердцу, но, главное, заботьтесь о душах ваших, избегая всякие плотские наклонности. Обманчиво сердце человеческое и невыразимо греховно. Устремите взоры к Небу, помня: всякая власть на Небе и земле вам обещана».

Оба пилигрима благодарили его за добрые советы и увещания и просили его еще не покидать их. Они знали, что он пророк и может даже сказать им все предстоящие им земные испытания, и научить их, каким образом они должны действовать.

И Евангелист начал так: «Возлюбленные сыны мои, вы знаете по словам истины, по Евангелию, что вы должны вынести многие скорби, чтобы войти в Царствие Небесное; что в каждом городе, куда вы вступите, вы встретите оковы и всякую печаль. Поэтому вы не должны ожидать, чтоб ваше пилигримство прошло без горя, в каком бы то ни было виде, рано или поздно. Вы уже испытали кое-что из предсказанных вам испытаний, и вскоре предстанут вам новые. Вы видите, что вы теперь прошли уже почти всю пустыню, и вот вы вскоре вступите в город, который сейчас заметите в некотором отдалении. Там на вас нападут враги, которые все силы употребят, чтобы погубить вас. Знайте, что один из вас, и быть может оба, будете убиты ими, и запечатлите своей кровью данное вам свидетельство свыше; но оставайтесь верными до самой смерти, и Царь Славы уготовит вам венец жизни. Тот, который там погибнет, хотя смерть его будет насильственная и страдания велики, будет счастливее оставшегося после него не только потому, что он ранее его вступит в Небесный Град, но и потому, что он избегнет тех многих скорбей, которые ожидают последнего во все время его земного поприща. Но когда вы войдете в этот город и сбудется с вами предсказанное мною, вспомните вашего друга и покажите себя твердыми мужами. Вручите души ваши Богу вашему, да хранит Он их в истине, ибо Он Творец неизменный».

Вот вижу я в моем сновидении, что лишь только пилигримы вышли из пустыни, как предстал их взорам город по имени Суэта. Там весь круглый год длится ярмарка, называемая Ярмарка Суеты, отчасти потому, что место, где происходит торг, суетнее самого города, а также потому, что все, что там продается или туда ввозится — суэта, как говорил когда-то премудрый царь:

Там весь круглый год длится ярмарка, называемая Ярмарка Суеты...

«Все, что входит, — суета». Эта ярмарка дело не новое, но существует с самых древних времен. Вот причина ее основания.

Около пяти тысяч лет назад шли однажды пилигримы в Небесный Град. Они были люди почтенные, как наши два товарища. Тогда Веельзевул, Аполлион и Легион со своими товарищами, убедаясь, что дорога, идущая в Небесный Град, проходит через город Суету, сговорились устроить там ярмарку, где происходила бы постоянная торговля всех возможных предметов суеты, так чтобы весь круглый год путешественников можно было заманивать на эту ярмарку. В ней продают следующего рода товары: дома, имения, выгодные фирмы для торговли, места, почести, производства, титулы, звания, страны, царства, страсти, удовольствия и всякого рода плотские наслаждения. Там можно покупать и людей, как то: бесстыдных женщин, развратных мужчин, богатых жен и мужей, детей, слуг обоего пола, жизнь, кровь, тела, души, серебро, золото, жемчуг, дорогие камни и много другого добра. На этой ярмарке толпами встречаешь во всякое время фигляров, шулеров, картежников, актеров, безумцев, обезьян, плутов и мошенников всякого сорта! Можно тут наслаждаться разными зрелищами и притом бесплатно, как-то: воровством, убийством, прелюбодейством, клятвопреступлением, и все это освещено ярко-красным светом.

Как и на всех ярмарках вообще, так и на этой, местность разделения ряды и улицы под разными названиями, для удобства путешественников, могущих избрать товары по своему вкусу. Так, например, есть: Британский ряд, Французский, Русский, Итальянский, Германский, Испанский и прочие. Но главная улица, на которой торговля кипит деятельностью, называется Римской улицей. Удивительно, как быстро совершаются там покупка и продажа. В этом месте председательствует князь Старец, который старается убедить лаской и обещаниями мимоидущих пилигримов пасть к его ногам и облобызать ту, которую он постоянно выставляет вперед. В одной руке у него огромный ключ, который, по его словам, один только может отпереть врата Небесного Града. В другой руке — бич, называемый «Анафема», которым он беспощадно бьет всех, не внимающих его увещаниям.

Как я уже сказал, этот путь в Небесный Град вел прямо через город, где происходила веселая ярмарка, так что даже желающий избежать это место не мог бы этого сделать, разве только если б покончил с жизнью (1 Кор. 5:10). Сам Царь царей, когда был здесь, возвращался в свое царство через этот город и через эту ярмарку, и князь Веельзевул, начальник этой местности, сам уговаривал Его принять что-нибудь из суеты. Он даже обещал сделать Его обладателем всего видимого, если Он только согласится бить ему челом, и, зная, какое важное лицо этот Царский гость, он сам, Веельзевул, взял на себя труд водить Его из одного места в другое, стараясь прельстить Его каким-нибудь из предметов суеты, и однажды с возвышенности представил Его взорам все земные царства. Но Непорочный не имел ни малейшего желания получить что-либо от Веельзевула и прошел ярмарку и город, не прикасаясь ни к чему. Вот какова древность этой ярмарки и этого города.

И наши пилигримы шли вперед, направляясь туда же. Но лишь только они вступили в город, как вся толпа народа, находящаяся на ярмарке, пришла в сильное волнение, и весь город как будто смутился. Причин этому было немало. Во-первых, пилигримы носили одеяния, совершенно различные от обывателей города (1 Кор. 9:10). И весь народ с изумлением выпучил на них глаза. Иные говорили, что идут сумасшедшие, другие, что они шуты, а третьи, что они, верно, иностранцы. Во-вторых, насколько все удивлялись их одеянию, настолько им было непонятно их наречие. Немудрено, что их не понимали: пилигримы говорили на языке Ханаана, а торгующие и покупающие выражались на языке мира. Таким образом, они прослыли за диких во мнении всех жителей без исключения. В-третьих, пилигримы (что немало забавляло жителей) не обращали внимания на предлагаемый товар, считая его пустым. Они даже не останавливались взглянуть на него, и когда торговцы увещевали их купить что-нибудь, они затыкали себе уши и, взирая на небо, восклицали: «Отврати очи мои от зрелища суеты», показывая, что их промышленность и все их богатство на небе.

Некто ради шутки спросил их: «Что же вы желаете купить?» Они, взглянув пристально ему в лицо, отвечали: «Мы покупаем истину» (Прит. 23:23). Эти слова были причиной нового взрыва негодования против пилигримов. Кто стал насмехаться, кто хулить, кто дерзко ругать их, и, наконец, стали сзывать народ, чтобы их избить. Тогда поднялось такое смятение на ярмарке, что все пришло в сильный беспорядок. Кто-то о том донес начальнику ярмарки. Он поспешно прибежал на место раздора и поручил ближайшим своим друзьям схватить людей, причинивших это волнение в народе, и провести следствие. Пилигримов повели в суд. Судьи стали их допрашивать, кто они, куда идут и зачем они тут в таком необыкновенном одеянии. Они спокойно ответили на все вопросы, прибавив, что не дали никому из торговцев малейшего повода ругать их и мешать им продолжать путь в Небесный Иерусалим, разве только тем, что отказались покупать суету и желают купить одну истину. Но судьи, по-видимому, их не поняли или им не поверили и решили, что они либо сумасшедшие, либо зачинщики народных беспорядков. Поэтому они жестоко избили пилигримов, запачкали всякой грязью и посадили в клетку, чтобы они служили зрелищем для проходящих по ярмарке. Там просидели они некоторое время, служа предметом насмешек, целью стрельб и мщения, а главный судья громко хохотал и одобрял все оскорбительные шутки и истязания публики.

Но пилигримы терпеливо выносили всякие оскорбления, не воздавая бранью за брань, а, напротив, благословляя мучителей своих. Они отвечали короткими речами на ругательства, добродушием на злобу, и наконец некоторые из присутствующих, тронутые их незлобием и не разделяя вполне мнения публики, решились заступиться за них и стали резко порицать насмешников за их постоянные оскорбления невинных людей. Те в пылу ярости бросились на них с кулаками, называя их однокашниками преступников и угрожая

бросить в одну клетку с ними. Они им ответили, что, насколько они способны рассуждать, они считают пленных тихими людьми, не причинившими зла никому, а что на этой ярмарке можно найти множество других людей, более достойных наказания, чем они, и которых бы следовало привязать к позорному столбу (намекая на тех, которые их ругали). После этих слов завязалась ужасная драка между обоими партиями, и они сильно поранили друг друга. Тогда опять вывели пилигримов из клетки и привели на суд, где их обвинили в том, что они причина этого нового шума. Их били беспощадно, надели на них кандалы и на цепи водили по ярмарке, чтоб они служили примером и острасткой прочим и чтобы всякий, принимающий их сторону, знал вперед, что его ожидает. Но Христианин и Верный вели себя с такой мудростью и вынесли это новое оскорбление с такой кротостью, что внушили участие еще некоторым лицам (хотя немногим) на ярмарке. Это еще более разъярило их мучителей, так что они решили предать смерти обоих пилигримов. Они громко объявили, что цепи и клетка для них недостаточное наказание и что они будут преданы смерти за то, что осмелились морочить и надувать публику ярмарки.

Опять привели их и заперли в клетку до окончания нужных приготовлений к казни. Кроме того, приковали им ноги к полу.

Тут они вспомнили слова друга своего Евангелиста и, убедясь, как верно исполнились все его пророчества, уверовали в то же время еще сильнее, что и все обещанное блаженство достанется им в удел.

Они утешали друг друга тем, что тот, кому смерть предназначена, первый зато и вкусит плод блаженства, и каждый про себя желал, чтоб доля смерти досталась ему первому. Но потом они предали себя совершенно на волю Того, Кто лучше знает наши нужды и способности, и с терпением ожидали своей судьбы.

Был назначен день для публичного суда обоих пилигримов. Они явились закованными к верховному судье, и в том же зале собрались все их враги. Имя судьи было: Князь Добра-Ненавистник. Обвинительный акт был прочтен и заключался в следующем:

«Это люди — враги и помеха здешней торговли. Они причинили смятение и разлад между обитателями города и успели заразить своим учением некоторых жителей, наперекор закону владетельного Принца».

Верный выступил вперед и ответил:

«Я восставал лишь против того, что против воли Царя царей. Я не внес никакой вражды, будучи сам человеком спокойным и мирным. Те, которые захотели внимать нашим словам, убедившись в истине и в нашей невинности, сделали от этого только лучше в нравственном отношении, но отнюдь не хуже. А что касается до владетельного вашего Принца, о котором вы говорите, если он Веельзевул, враг Господа, то я презираю и его, и ангелов его».

На это последовала прокламация, что кто желает или имеет что сказать в пользу владетельного Принца и против сидящих на скамье подсудимых, пусть выступает вперед и объявляет, что знает. Три свидетеля предстали:

Князь Добра-Ненавистник

Зависть, Суеверие и Ябедничество. Их спросили, знакомы ли они с подсудимым по имени Верный и в чем могут свидетельствовать против врагов своего Принца.

Первым свидетелем выступил г-н Зависть, начал так:

«Милостивые Государи! Я этого человека знаю давно и готов присягнуть перед уважаемыми судьями и публикой, что он...»

Судья: «Стой... пусть свидетель сперва присягает».

Зависть дал присягу и продолжал, обращаясь к главному судье:

«Милостивый государь! Этот человек, хотя носит такое благовидное имя, — один из самых подлых людей нашего края. Он не уважает ни князей, ни народа, ни закона, ни обычаи, но всегда прилагает всевозможное старание, чтобы совратить людей с истинного пути, дабы они приняли его ложные и неверные взгляды, которые он называет правилами веры и святости. Однажды я сам слышал, как он уверял, что христианство и обычаи нашего города Суеты совершенно противоположны одно другому и потому вместе соединены быть не могут. Этими словами, милостивый государь, он в то же время осуждает и все наши похвальные действия, и тех, кто их исполняет».

Зависть

Судья: «Имеешь ли еще что сказать против него?»

Зависть: «Конечно, многое бы еще мог прибавить, но боюсь утомить почтенную публику. Но если будет нужно и когда другие два свидетеля представят свои показания, я готов, чтоб дополнить требуемое число обвинений для его казни, прибавить к этим и много других».

Ему указали вернуться на свое место. Тогда подозвали г-на Суеверие и приказали взглянуть на подсудимого, а потом спросили, что может он сказать против него и во славу владетельного Принца. Его также заставили дать присягу, и он начал говорить:

Суеверие: «Милостивый государь, я мало знаком с этим человеком и во все не желаю вести с ним большого знакомства. Но мне известно то, что он превредный человек, после того, как я с ним имел на днях беседу в нашем городе, он мне объявил, что наша религия — ничто, и что ею человек спастись не может и никогда не угодит Богу. Судя по таким его речам. Ваше Сиятельство, легко поймете, что он под этим подразумевает, что мы-де напрасно следуем нашей религии, что мы еще во грехах и потому будем прокляты. Вот все, что могу свидетельствовать о нем».

Суеверие

Ябедничество

Тогда вызвали третьего свидетеля — г-на Ябедничество. Точно так же дал он присягу и начал говорить:

Ябедн.: «Милостивый государь и уважаемые господа! Я этого человека знаю очень давно и слышал его говорящим не так, как бы следовало. Он презрительно отзывался о благородном нашем принце Веельзевуле и с пренебрежением говорил о его высоких друзьях, каковы: Князь Ветхий Человек, Граф Плотоугожник, Барон Сластолюбие, Маркиз Тщеславие, старый боярин Сладострастие, министр Серебролюбие, и прочие лица нашего дворянства были им оскорбительно осмеяны. Он довершил свою речь тем, что если бы все были одинакового с ним мнения, ни одна из вышеназванных особ не осталась бы живой в городе. Он даже дерзнул насмехаться над Вашим Сиятельством, который теперь исполняет обязанность нашего Судьи, он называл вас безбожным мерзавцем, прибавляя еще много других ругательных слов, которыми он пачкал большую часть наших граждан».

Когда г-н Ябедничество окончил свое повествование, Судья обратился к подсудимому со словами: «Ах ты отступник, еретик, предатель, слышал ли ты, что эти честные люди свидетельствовали против тебя?»

Верный: «Могу ли я сказать несколько слов в свою защиту?»

Судья: «Мошенник! Ты недостойн жить далее, и следовало бы с тобой тотчас же разделаться. Однако для того, чтобы вся публика могла оценить нашу к тебе снисходительность, можешь говорить в свою защиту».

Верн.: «Во-первых, в ответ на то, что говорил г-н Зависть, могу уверить, что я ничего иного не сказал, как только то, что всякое правило, закон, обычай и т. п., которые восстают против Слова Божия — совершенно противны христианству. Если это ложно, прошу доказать, и тогда я, конечно, возьму свое мнение назад. Во-вторых, в ответ г-ну Суеверию скажу, что я ему только говорил, что для истинного поклонения Богу необходима вера Божия. Вера Божия без откровения свыше воли Божией существовать не может, и в чем бы ни состояло поклонение Богу, если оно не соответствует откровению свыше, то оно лишь верование человеческое, а такое поклонение бесполезно, неудобно Богу и не введет в вечную жизнь. В-третьих, что касается обвинения на меня г-на Ябедничества, не употребляя выражений насмешки, которые он мне приписывает, скажу просто, что владетель этого города, его служители и все друзья, названные этим господином, были бы более на своем месте, если б находились в аду, чем в городе, и в этой стране, итак, да будет ныне милость Господня на мне».

Тогда судья обратился к собранным присяжным, стоявшим вокруг подсудимого и внимательно слушавшим ответы:

«Господа присяжные, — начал он, — вот перед вами человек, наделавший столько шума в нашем городе. Вы слышали, что говорили против него почтенные свидетели; вы слышали также ответ и оправдание от самого подсудимого. В нашей власти теперь повесить его или помиловать. Но сперва нахожу полезным ознакомить вас с нашими законами. Во дни царя Фараона Великого, покойного слуги нашего Принца, был издан закон, по которому было решено, что ежели люди иного вероисповедания стали бы значительно умножаться, то чтоб лица мужеского пола были утоплены в реке. Во дни царя Навуходоносора Великого, другого служителя нашего Принца, был также издан закон, что если бы кто отказывался поклониться и признать за Бога золотое изображение царя, то следует такого бросить живого в огненный пылающий костер (Дан. 3:5). Также и во дни царя Дария, кто осмеливался призывать иного бога, кроме его, считавшего себя богом, должен был быть брошенным в львиный ров (Дан. 6:6–9). Ныне этот мятежник виновен в неисполнении основной идеи всех этих трех законов; не только мысленно преступил он их (что не должно быть дозволено), но даже на словах и в действиях, поэтому виновность его не допускает снисходительности. Закон Фараонов был дан условно во избежание преступления еще воображаемого — здесь преступление явное. Что же касается двух других законов, то вы видите предательство — он достоин казни».

Присяжные вышли вон. Вот имена их: г-н Слепой, г-н Бездобра, г-н Злобный, г-н Веселия искатель, г-н Растленный, г-н Буйный, г-н Гордый, г-н Вражда, г-н Лживый, г-н Светавраг и г-н Беспощадный. Каждый из них внутренне

решил с самого начала признать подсудимого виновным. Потолковав между собой, они такими словами отозвались о пилигриме. Старший присяжный, г-н Слепой, объявил: «Я вижу ясно, что этот человек еретик».

Г-н Бездобра: «Прочь его, такую дрянь, с лица земли!»

Г-н Злобный: «Я ненавижу даже самую наружность этой твари».

Г-н Веселия-искатель: «Я не в силах вынести общество подобных ему».

Г-н Растленный: «И я также. Он постоянно бы осуждал мои привычки».

Г-н Буйный: «Повесить его! Скорей его на виселицу!»

Г-н Гордый: «Чисто подлая дрянь!»

Г-н Вражда: «Все мое сердце возмущается против него!»

Г-н Аживый: «Он мерзавец!»

Г-н Жестокий: «Виселицы недостаточно для него!»

Г-н Светавраг: «Отправим его скорей с глаз наших».

Г-н Беспощадный: «Ни за что на свете не мог бы я с ним примириться.

И так вынесем ему наш приговор «виновен» и «заслуживает смерть».

Так они и поступили. Единогласно было решено отвести его на прежнее место заключения и казнить самую ужасною смертью. Они хотели исполнить

Такова была кончина пилигрима Верного.

Присяжные

все требования своего закона относительно казни. Сперва стали его бичевать, потом били по голове кулаками, копьями протыкали ему тело, кидали на него камнями и рубили его куда попало мечами. Наконец, бездыханного бросили в пылающий костер, который превратил его в груды пепла. Такова была кончина пилигрима Верного.

Но я заметил, что за толпой стояла никем не видимая колесница с парой чудных коней, ожидавшая Верного, и лишь только он предал дух свой, как невидимая рука отнесла его в нее и он был немедленно увезен сквозь облака при трубном звуке и по самому ближайшему пути к Небесному Граду.

Что же касается другого пилигрима — Христианина, то он был снова заперт в тюрьму. Но Тот, Который всем и всеми правит и держит в своей деснице даже и людскую злобу, определил, что Христианину не следует еще кончать земной путь, и устроил так, что он был выпущен на свободу и продолжал свое путешествие.

Христианин и Уповающий

После того я заметил, что недолго шел Христианин в одиночестве. К нему прибежал один из жителей города, который так был тронут страданиями и кротостью пилигримов, что решил покинуть Суету и сделаться товарищем Христианина в его путешествии. Имя его было Уповающий. Таким образом, пока один пилигрим умирал, свидетельствуя за истину, из пепла его возстал другой в товарищи Христианину. Уповающий сказал ему, что несколько других городских людей намереваются в свое время покинуть Суету и отправиться в Небесный Град.

В некотором расстоянии от города оба пилигрима увидели пред собой идущего человека, которого называли Из-выгод. Они обратились к нему с вопросом: «Не соотечественник ли вы нам? Далеко ли ваш путь?»

Незнакомец ответил им, что он выходец из города Красноречие и направляется в Небесный Град, но не сказал им своего имени.

Хр.: «Из города Красноречия? А разве можно там встретить людей хорошей жизни?»

Из-выг.: «Да, надеюсь, что можно».

Хр.: «Извините, государь, но позвольте узнать ваше имя?»

Из-выг.: «Мы друг другу совершенно незнакомы. Если вы намерены идти по этому пути, очень рад вашему обществу, а если нет — пойду один».

Хр.: «Город Красноречие, насколько я помню из слышанных мною рассказов, очень богат».

Из-выг.: «О, в этом можете быть уверены, и у меня там очень богатые родственники».

Хр.: «Смею спросить, кто ваши родственники там?»

Уповающий

Из-выг.: «Чуть ли не весь город, но ближайшие: князь Непостоянный, граф Раболопный и Светлейший князь Красноречивый, предки которого дали имя свое городу. Также и г-н Смягчающий, г-н Двуличный и г-н Все-что-угодно. Пастырь нашего прихода г-н Двухязычный, родной брат моей матери по отцу. И сказать вам правду, я стал дворянином очень важным, хотя дед мой был ничем иным, как лодочником, который глядел направо и греб налево. Впрочем, я приобрел все свое состояние этим же ремеслом».

Хр.: «Вы человек женатый?»

Из-выг.: «Да, и у меня очень добродетельная жена, дочь добродетельной матери по фамилии княгиня Притворство. Вы видите, какого она высокого и почетного происхождения, и ее образование так утонченно, что она отлично знает, как обращаться с принцем и как с простым мужиком. Конечно, мы иногда расходимся во мнениях насчет религии с теми, которые слишком сурово ее понимают, но только на двух ничтожных пунктах. Во-первых, мы никогда не боремся против ветра и прилива. Во-вторых, мы гораздо ревностнее, когда религия в серебряном окладе. Нам тогда весьма приятно быть с ней в общении на улице, при ярком освещении солнца и рукоплесканиях публики».

Тут Христианин немного отдалился от незнакомца и сказал Уповающему: «Мне сдается, что это г-н Из-выгод, житель города Красноречие. Если это так, мы в обществе такого плута, которого нескоро найдешь во всей стране».

Уповающий ответил ему: «Спроси его имя, мне кажется, никакой человек не может стыдиться назвать себя».

Христианин подошел к незнакомцу и сказал ему: «Милостивый государь, вы говорите, как будто имеете более познаний, чем весь остальной свет. И если я не ошибаюсь, мне кажется, что я догадался, кто вы такой. Не зовут ли вас г-н Из-выгод и не живете ли вы в городе Красноречие?»

Из-выг.: «Нет, это не имя мое, а прозвание, данное мне некоторыми личностями, которые меня не жалуют. И я обречен выносить эту обиду, как это удел многих других хороших людей на этом свете — выносить безропотно разные оскорбления».

Хр.: «Но не подавали ли вы повода к тому, чтобы получить подобное прозвание?»

Из-выг.: «Никогда! Самое худшее, что я делал в этом отношении, было то, что я всегда удачно усваивал себе образ мыслей текущего времени, какой бы он ни был, и мне от этого всегда было очень выгодно. Но если мои действия были мне так удачны, я должен принимать это как благословение свыше, но зачем же злобные люди за это меня укоряют, это с их стороны непохвально».

Хр.: «Я так и думал, что вы тот самый, о котором мне говорили. Если же вы желаете знать мое мнение, скажу вам, что, по-моему, ваше прозвание более подходит вам, чем вы думаете».

Из-выг.: «Пожалуй. Если вам так хочется думать, ссориться я с вами из-за этого не стану. Все-таки вы во мне найдете приятного собеседника, если хотите принять меня в товарищи».

Хр.: «Но если вы желаете идти с нами, то должны решиться идти против ветра и прилива, что, кажется, не в ваших убеждениях. Вы также должны следовать религии, когда она в отрешках, а не только тогда, когда она в серебряном окладе, и взять решимость защищать и не покидать ее, когда она в оковах, а не только на улицах при рукоплесканиях толпы».

Из-выг.: «Прошу не налагать на меня никаких обязанностей и не умничать над моими религиозными убеждениями. Предоставьте мне свободу мысли и дайте мне разрешение сопутствовать вам».

Хр.: «Ни шагу далее, если вы не согласны принять эти условия и исполнять обязательства, наложенные на нас».

Из-выг.: «Никогда не расстанусь с моими старыми правилами, пока они безвредны для других и выгодны для меня. Если я не могу идти с вами, пойду один, как до нашей встречи, или останусь в одиночестве, пока кто другой не присоединится ко мне, умеющий ценить мое общество».

Христианин и Уповающий тотчас отделились от него и продолжали свой путь немного впереди. Но вскоре один из них оглянулся и увидел троих людей, догоняющих г-на Из-выгод. Как только они дошли до него, то он им отвесил очень низкий поклон, и они в свою очередь сделали то же. Это были: г-н Миропоклонник, г-н Сребролюбец и г-н Запасливый. Они были старые знакомые, а в детстве школьными товарищами в учебном заведении г-на Хватало. Школа находилась в торговом городе Барыш, в губернии Алчности, на севере.

Школьный учитель Хватало старался научить их искусству добывать желаемое либо силой или обманом, лестью или ложью, или же притворной набожностью. И все четыре отлично воспользовались его учением и дошли до такого совершенства, что могли бы каждый открыть подобную школу и вести ее успешно.

После приветствий г-н Сребролюбец обратился к г-ну Из-выгод: «Кто эти два, которые впереди нас на том же пути (Христианин и Уповающий шли в некотором расстоянии от них)?»

Из-выг.: «Это какие-то два провинциала, которые по-своему совершают путешествие в качестве пилигримов».

Среброл.: «О! Зачем они не остановятся, чтоб нам всем идти вместе, так как я полагаю, что и вы и мы имеем ту же цель?»

Из-выг.: «О, конечно. Но эти люди так узки в своих понятиях и уважают только свои собственные убеждения, а правила других считают за ничто. Как бы ни был религиозен человек, если он мало-мальски не сходится с их мыслями, то они его тотчас отвергают и не желают его общества».

Запасливый: «Это нехорошо. Знаем, что есть такие, у которых праведность до преувеличения и аскетизм жизни внушает суровые мысли и беспощадное осуждение всех, исключая, конечно, самих себя. Но скажите, пожалуйста, в чем вы не сходитесь?»

Из-выг.: «Да вот, они по природному упрямству своего характера решили, что их обязанность стремиться вперед во всякое время, а я нахожу,

что следует соображаться с ветром и приливом. Они находят, что надо все бросить для Бога, а я нахожу, что надо заботиться и о своей жизни, и о своем состоянии. Они думают, что им должно крепко держаться за свои религиозные убеждения, хотя бы и все люди восставали против них, а я нахожу, что следует изменять их и управлять ими сообразно с эпохой, в которой мы живем, и с требованиями жизни. Они защищают религию и стоят за нее, даже когда она в отрешках и презрении, а я готов следовать ей, только пока она в серебряном окладе при свете солнца и рукоплесканиях толпы».

Миропокл.: «Так и держись этих правил, добрый приятель. С своей стороны, я считаю безумцем того, кто имеет возможность сохранить состояние, а между тем бессмысленно теряет его. Будем мудры как змеи. Сено собирать лучше в солнечный день. Посмотрите, как пчела лежит смирно всю зиму и трогается с места лишь тогда, когда она может соединить выгоду с удовольствием. Бог посылает то дождливый, то солнечный день; если найдутся сумасшедшие, которые не разбирают погоды, будем все-таки довольствоваться солнечными днями. Я также предпочитаю тот род религии, который дает твердую уверенность, что Божии благие дары для нас, ибо кто поверит, если мало-мальски разумен, что Бог так щедро наградил нас благами земными для того только, чтоб мы от них отказывались ради Него? Авраам и Соломон сумели приобрести богатство и с религией. Иов говорит, что праведный человек будет откладывать золото, как собирают кучами сор. Он, вероятно, не был похож на этих людей впереди нас, судя по тому, как ты их описываешь».

Запасл.: «Мне кажется, что мы все одного мнения на этот счет, поэтому не стоит об этом терять более слов».

Среброл.: «Нет, конечно, не стоит об этом долее рассуждать. Тот, кто не слушает ни писаний, ни рассудка (а мы имеем на нашей стороне и то и другое), не понимает своей свободы и не ищет своей безопасности».

Из-выг.: «Братцы, так как мы — пилигримы, то для рассеяния нашего от всего неприятного позвольте мне поставить вам один вопрос. Если человек, пастырь ли он Церкви или торговец, или кто другой, получает выгодное предложение на приобретение земных благ, но не может добыть их иначе, как приняв также означенные условия, как бы, например, показать себя особенно ревностным (хотя бы только наружно) к некоторым пунктам религии, о которых он никогда и не заботился прежде. Неужели не может он воспользоваться этим средством к обогащению и все же оставаться честным человеком?»

Среброл.: «Я понял суть твоего вопроса, и с разрешения моих товарищей постараюсь дать тебе ясный ответ. Во-первых, положим, что этот человек в самом деле пастырь Церкви. Представим себе этого пастыря достойным человеком, но при весьма ограниченных средствах к жизни, и вдруг видит он перед собой положение гораздо выше и блестяще. Он может его добыть, если сделается усидчивее к своему делу, будет чаще и с большим жаром проповедывать, и немного изменит свое мировоззрение сообразно требованиям и характеру своих прихожан... По-моему, отчего бы этому человеку так не поступить

Как только они дошли до него, то он им отвесил очень низкий поклон, и они в свою очередь сделали то же.

(если он на то имеет явную способность), скажу более, он может и многое другое изменить в себе, а все же оставаться честным человеком. Почему нет? Первое: желание его — приобрести более земных выгод — законно (это неоспоримо), так как случай к тому послан ему самим Провидением. Итак, пусть он добивается этого, если может, не тревожа себя вопросом: по совести ли это или нет. Второе: его стремление приобрести эту выгоду делает его усидчивее в учении, ревностнее в проповеди и прочее, и, таким образом, он через это делается лучшим исполнителем своего призвания, что совершенно по воле Бога. Третье: что же касается того, что в угоду своим прихожанам он изменит в некоторой степени свое мировоззрение, сообразуясь с их характером и образом мыслей, то это только доказывает, что в нем сильно развито чувство самопожертвования, что он нрава кроткого и искательного, и потому особенно способен быть хорошим пастырем, как бы взыскательна ни была паства. Четвертое: кончая тем, что пастырь, предпочитающий многое малому, не должен за это прослыть алчным, так как он через это может расширить свои занятия, что совершенно согласно его призванию, и притом он еще получает возможность делать добро.

Перейдем теперь ко второй части вопроса, т. е. если б мы говорили о торговце, а не о пастыре Церкви. Представим себе, что он имеет очень небольшой торговый оборот; а если б он сделался религиозным или показал себя таковым, он этим мог бы увеличить свой торговый оборот, быть может, жениться на богатой невесте и привлечь лучших покупателей из высокой знати. Почему этот образ действий был бы совершенно правильным? Первое, потому что религиозность — добродетель, какие бы средства ни понуждали к этому. Второе, нимало также не противозаконно жениться на богатой личности или привлекать знатных покупателей в лавку. Третье, человек, который все это приобретает тем только, что сделался религиозным, приобретает хорошее от хороших людей, в числе которых он сам стал хорошим человеком. Итак: у него хорошая жена, хорошие покупатели, хороший барыш потому только, что он стал религиозным человеком, что также хорошо. Из всего этого следует, что сделаться религиозным для приобретения всего этого — дело хорошее и выгодное».

Этот подробный ответ г-на Сребролюбца приятелю своему Из-выгод был выслушан и принят с восторгом и рукоплесканиями, и все согласились, что в самом деле так поступать весьма здраво и выгодно. И так как, по их мнению, никто не в силах опровергать это суждение, а Христианин и Уповающий находились еще в близком от них расстоянии, они решились подойти к ним и предложить на разрешение тот же самый вопрос, тем более что Из-выгод был ими в некоторой степени оскорблен.

Они громко кликнули двух товарищей, и пилигримы остановились, дожидаясь их прихода. Между тем было решено вперед, что вопрос будет предложен самым пожилым из четверых, а именно: Миропоклонником, рассчитывая, что ответ будет без той примеси неудовольствия, с которым они отвечали г-ну Из-выгод.

После первого приветствия пожилой Миропоклонник предложил свой вопрос Христианину и его товарищу, прося их выразить свое мнение.

Хр.: «Ребенок в религии может ответить на тысячи подобных вопросов. Если следовать Христу для получения хлебов незаконно, как сказано в Ев. от Иоанна (Иоан. 6:26–27), сколь более презренно делать из Него и из религии предлог к приобретению мирских благ. Только одни язычники, лицемеры, диаволы и колдуны могут быть такого мнения.

1. Язычники, какими были Еммор и Сихем, сын его, вздумали получить дочь и скот Якова, но убедившись, что не получают ни то, ни другое, если не примут обряда обрезания, они сказали своим: „Если каждый из нас, мужского пола, согласится принять обряд Иудеев, не весь ли их скот и все достояние перейдет в наши руки?“ Они желали получить дочерей и скот их, а религию употребить как предлог для приобретения желаемых благ. Прочтите всю эту историю (Быт. 34:20–24).

2. Лицемерные фарисеи следовали такой же системе. Они совершали длинные молитвы, но религия служила для них средством обирать дома вдовиц, и проклятие Божие было их возмездием (Лук. 20:46–47).

3. Иуда Искаротский, в которого вошел сатана, также следовал такому роду религии. Он был религиозен ради мешка с деньгами, чтобы пользоваться ими для себя. Но как ужасно погиб он, быв отвергнут, и стал сыном погибели.

4. Симеон-колдун точно такую же избрал религию. Он желал получить Духа Святого, чтобы посредством его приобрести земные богатства, и поэтому услышал приговор над собой Апостола Петра (Деян. 8:18–23).

5. Я вполне уверен, что человек, который следует религии ради выгод в мире, при первом случае отвергнет религию ради того же мира. Иуда желал благ мира, когда следовал Христу, и из-за приобретения их продал всю свою религию и Учителя своего. Отвечать утвердительно на ваш вопрос, как вы это уже сделали, насколько могу заметить, и соглашаться с вашим мнением — дело язычника, лицемера и сатаны, и мзда ваша будет по делам вашим».

Они стояли как вкопанные, выпучив глаза один на другого, не находя в себе возражения на слова Христианина. Уповающий одобрил ясность и энергию ответа своего товарища, и полное молчание царствовало некоторое время между ними. Г-н Из-выгод и его общество отшатнулись назад, чтоб отстать от этих двух спутников и дать им возможность идти вперед.

Тогда Христианин сказал Уповающему: «Если эти люди не в силах выслушать человеческий приговор, как вынесут они приговор Божий? И если они безмолвны перед нашими суждениями, что станет с ними, когда они будут ввержены в огонь неугасающий?»

Христианин и Уповающий прибавили шагу и шли не оглядываясь до прелестной равнины по имени Покой, в которую вступили с большой радостью. Но равнина эта была небольшая, и потому они скоро ее прошли. На одном конце ее был невысокий холм по имени Алчность, а в нем Серебряная Руда, которую в былое время некоторые из проходивших пилигримов ходили смотреть,

своротив немного с пути, так как о ней шла молва, что она самая редкая по богатству. Рассказывают, что, стоя на краю глубокой ямы, в которой лежала руда, они не заметили, что почва земли около нее обманчива, и, нагнувшись, чтобы разглядеть руду, вдруг почувствовали, что край земли под ними отваливается, и они упали в пропасть, откуда более не возвращались. Другие же любопытные пилигримы были тут взяты в рабство, так что до самой смерти своей не получили свободы.

Неподалеку от дороги, спиной к Серебряной Руде, стоял Демас, человек светской, благородной осанки, и уговаривал проходящих остановиться и подойти, чтобы взглянуть на руду. Увидев Христианина и его товарища, он обратился к ним со словами: «Эй, стойте, своротите лучше к этому месту, и я вам покажу замечательную Вещь!» (2 Тим. 4:9–10).

Хр.: «Что может быть так достойно внимания, чтобы мы своротили с пути?»

Демас: «Здесь находится серебряная руда, и многие там уже копают, чтобы получить богатство. Если хотите подойти и потрудиться немного, вы можете набрать себе большие сокровища».

Уповающий: «Пойдем посмотрим, что там».

Хр.: «О нет, я не пойду. Я кое-что слышал об этом месте, что будто много людей там погибло. Притом богатство — ловушка для тех, которые имеют эту одну цель в жизни, но оно мешает таковым совершить пилигримство».

Тогда Христианин обратился к Демасу и спросил его: «Ведь это место опасно, не так ли? Не помешало ли оно многим продолжать путь?»

Демас: «Не так, чтобы очень было опасно, разве только для неосторожных». (Однако при этих словах он покраснел.)

Христианин обратился к Уповающему, сказав: «Не следует останавливаться ни на минуту, а пойдем далее по нашему пути».

Уповающий: «Я уверен, что когда Из-выгод дойдет сюда, то при первом приглашении он отправится смотреть на руду».

Хр.: «Без сомнения, его правила таковы, что прямо ведут к этой цели, и, вероятно, там он и погибнет».

Демас: «Неужто вы и не заглянете на Серебряную Руду?»

Хр.: «Демас, ты враг истинного пути Господа нашего и уже был осужден однажды одним из его посланных за то, что сам совратился, так зачем же стараешься и нас ввести в такое же осуждение? Притом, если б мы все соблазнились, Владыка, Царь этого пути, о том узнает и предаст нас стыду там, где б мы могли встретить его с ликованием».

Демас громко возразил им, что и он принадлежит их братству, и если они согласны повременить немного, он пойдет с ними.

Хр.: «Как твое имя? Не так ли я тебя называл?»

Демас: «Да, меня зовут Демасом, я из сынов Авраама».

Хр.: «Я знаю тебя. Гиезий был твоим предком, а Иуда твоим отцем, и ты идешь по их стопам (4 Цар. 5:20–27). Ты употребляешь диавольские уловки.

Твой отец — известный предатель, и ты достоин умереть его смертью. Будь уверен, что когда мы предстанем пред лицом нашего Господа и Царя, мы Ему передадим о твоём поведении».

Они пошли далее. В это время Из-выгод и его товарищи стали также приближаться, и при первом приглашении Демаса отправились с ним к Серебряной Руде. Провалились ли они в ров, разглядывая руду, или начали ли они копать, чтобы достать себе серебра в глубине рва и задохнулись от смрада, выходящего оттуда при выкапывании — наверное решить не могу. Знаю только, что более их не встречал никто. Потом вижу я, что наши пилигримы, перейдя на другой конец поляны, пришли к одному месту, где стоял древний Монумент, на самом краю пути. При виде его они очень изумились, так странен показался им вид его. Нечто похожее на изображение женщины, получившей вид столба, предстало пред их глазами. Они остановились и стали рассматривать Монумент со всех сторон. Долго не знали они, что бы это могло означать. Наконец Уповающий заметил на голове статуи какую-то надпись, которую трудно было разобрать. Он указал Христианину на странные буквы и спросил, не может ли он разобрать значение слов. С немалым трудом Христианину удалось прочесть следующее: «Помни жену Лота». Тут оба поняли, что это тот соляной столб, в который превратилась жена Лота, потому что, уходя для своего спасения из Содома, она обернулась и бросила взгляд сожаления на погибающий город (Быт. 19:26). Это неожиданное явление навело их на следующий разговор.

Хр.: «Ну, брат, вид этого столба полезен для нас: особенно теперь, когда мы не приняли приглашения Демаса идти с ним на возвышенность Алчность. А если бы мы пошли туда по его желанию и по твоему, брат, кто знает, может быть, и мы сделали бы подобно этой женщине зрелищем для тех, которые будут проходить здесь после нас».

Упов.: «Мне стыдно, что я мог на минуту принять его предложение, и удивляюсь, что не превратился уже теперь в столб, как жена Лота. Ибо какая разница между ее грехом и моим? Она только обернулась, а я пожелал идти смотреть. О! Да будет благословенна милость Божия, и да послужит она мне укором, что подобная мысль могла мне прийти в голову».

Хр.: «Не станем забывать того, что мы здесь видели: оно для пользы нашей в будущем. Эта женщина избежала один приговор, не быв в числе погибающих в Содоме, а между тем она погибла от другого приговора, как мы видим — превратившись в соляной столб».

Упов.: «Это правда. Она может нам обоим служить предостережением и примером: мы должны избегать греха, и мы видим, что осуждение Божие постигнет непременно тех, которые не внимают этому предостережению. Так и Корей, Дафан и Авирон с двумястами пятидесятью человеками погибли во грехе и стали в знамение для других, чтобы они осторожно избегали все случаи падения (Чис. 16:31–32). Но о чем я постоянно думаю теперь, это: как могут Демас и его последователи оставаться так беспечно там, добывая себе

богатство, из-за которого эта женщина лишь только потому, что обернулась (ибо не сказано, что она сделала шаг назад) — была превращена в соляной столб. Притом совершившийся над ней приговор сделал ее знаменем наказания для всех, и не могут они не видеть этого столба с того места, где они теперь, стоит им только поднять глаза».

Хр.: «Нельзя достаточно надивиться. Это доказывает, как их души глубоко погрузились во зло, я не могу их сравнить ни с кем иным, как только с теми ворами, которые обкрадывают публику на глазах у судьи или тащут кошелек из чужого кармана, находясь уже на каторге. Сказано о Содомских жителях, что они были великие грешники, потому что они грешили пред лицом Господа, т. е. несмотря на благость, которую Он им оказывал, ибо страна Содомская была садом Господним, живописна и богата. И прогневался на них сильно Бог, и послал огонь и серу для истребления городов с жителями. Можно верно заключить из всего этого, что те, которые намерены жить во грехе, невзирая на знамения и предостережения, на которые Господь нам указывает постоянно, будут непременно жертвами его строжайших осуждений».

Упов.: «Все это так, но какое счастье, что ни ты, ни я не будем служить примерами для этого. Вот для нас случай возблагодарить Господа, жить в страхе Божиим и помнить жену Лотову».

Замок Сомнения

Вот вижу, что путь, по которому шли пилигримы, привел их к прекрасной речке, которую царь Давид называл рекой Божией, а Иоанн Богослов — рекой жизненной воды (Пс. 64:10). Им надо было проходить по валу, окаймляющему реку. Эта прогулка была настоящим наслаждением для обоих товарищей. Они выпили речной воды, что оживило их усталый дух. Вал был окружен с обеих сторон зелеными деревьями, на которых виднелись разного рода плоды. Они поели и от листьев, имеющих силу предохранять от болезней, к которым склонны путешественники, когда долгая ходьба разгорячает кровь. По обеим сторонам реки пролегали дуга, чудно украшенные лилиями в полном цвету, которые не увядали во весь год. На этой поляне они легли отдохнуть и уснули: здесь они могли оставаться в безопасности. Они пробыли несколько суток в этом отрадном месте (Пс. 62:6–9), и перед тем, как пуститься в путь, они запели:

«Взгляните на блестящие струи под валом, устроенным для спокойствия пилигримов. Поляны зелены с душистыми растениями, и мир и радость находят они здесь. И тот, который вкусил чудных плодов и листьев этих деревьев, конечно, продаст все, что имеет, чтобы получить эту поляну».

После того они отправились далее, так как путешествие их еще не было кончено.

Они остановились и стали рассматривать Монумент со всех сторон.

Едва прошли они поляну, как заметили, что путь их все более отдаляется от речки. Жаль им было, что не видят более серебристой струи, но не посмели свернуть с проложенного пути. Дорога стала камениста и неровна, а ноги их чувствительнее вследствие долгой ходьбы. Заныло сердце пилигримов при таких трудностях, но все-таки они шли вперед, утешаясь надеждой, что вскоре дойдут до лучшей местности. Немного впереди их, по левую руку, виднелась другая поляна, отделенная забором и носившая название Околичной Поляны. Христианин обратился к товарищу со словами: «Если эта поляна тянется по всему нашему пути, то лучше бы нам перелезть туда и ходить по ней». Он подошел к забору и, заглянув через него, заметил тропинку по направлению дороги, по ту сторону изгороди. «Совершенно по моему желанию, — сказал Христианин, — здесь легче ходить и мягче для наших ног, давай, брат, перелезем туда».

Упов.: «Однако если эта тропинка поведет нас не туда, куда следует?»

Хр.: «Этого быть не может. Посмотри, она идет совершенно по тому же направлению».

Уповающий, убедившись в истине слов своего друга, перелез с ним забор. Когда они стали ходить по тропинке, то почувствовали, насколько дорога была мягче для утомленных их ног, и тут они увидели перед собой человека, идущего по тому же направлению. Имя его было Тщетуверенный. Они кликнули ему и спросили, куда он идет. Ответ был: к Небесному Граду. «Видишь, — сказал Христианин, — что я не ошибся. Поэтому ты можешь убедиться, что мы на истинном пути». Они пошли за незнакомцем. Но вот стало темнеть, настала ночь без звезд и луны, нельзя было рассмотреть что-либо перед собой, и они потеряли из виду незнакомого спутника. В темноте этот Тщетуверенный, не видя ничего перед собой, упал в глубокую пропасть, где тело его разлетелось на куски (Исх. 9:16). Эта пропасть была устроена владельцем этой поляны для самонадеянных безумцев.

Христианин и его товарищ услышали его падение. Они громко крикнули к нему, чтобы узнать, что такое случилось, но ответа не было. До них долетел один глухой стон. Уповающий воскликнул с испугом: «Где же мы находимся?» Но товарищ его остался безмолвным, догадавшись, что он завел его на ложную дорогу. Между тем собравшаяся гроза вдруг разразилась. Полил сильный дождь, раздался треск грома, и яркие молнии страшно засверкали над ними. Вода все выше покрывала землю.

Уповающий с горестью обратился к товарищу: «О, если б я не свернул с пути!»

Хр.: «Кто же мог думать, что эта тропинка так отдалит нас от нашей дороги?»

Упов.: «Я с самого начала этого опасался и слегка предупредил тебя. Я бы должен был говорить яснее, но ведь ты старше меня».

Хр.: «Добрый брат, не сердись на меня. Я глубоко сожалею, что стал причиной этого горя, я своротил тебя с пути и втянул тебя в эту опасность. Прошу тебя, брат, прости меня. Я не с дурным намерением так поступил».

Тщетуверенный

Упов.: «Не отчаивайся, друг мой, я прощаю тебя, и верь, что случившееся будет нам в пользу».

Хр.: «Для меня большое утешение, что у тебя великодушное сердце, но мы не должны здесь оставаться: попробуем выйти».

Упов.: «Дай я пойду вперед».

Хр.: «Нет, я пойду первый, и если наткнуся на опасность, то первый и погибну, потому что по моей вине мы сошли с нашего пути».

Упов.: «Нет, я не дам тебе идти вперед. Твой расстроенный дух может тебя завести еще дальше от пути».

Тут к их радости послышался голос, говорящий: «Обрати сердце твое к истинному пути, путь, по которому ты ходил прежде, вернись к нему» (Иер. 31:21). Но в это время вода поднялась так высоко, что очень было опасно вернуться назад. Я тогда подумал: как легко, быв на истинном пути, покинуть его, и как трудно вернуться назад. Они старались вернуться по той же дороге. Ночь была темная, и при высокой воде они раз десять чуть не потонули.

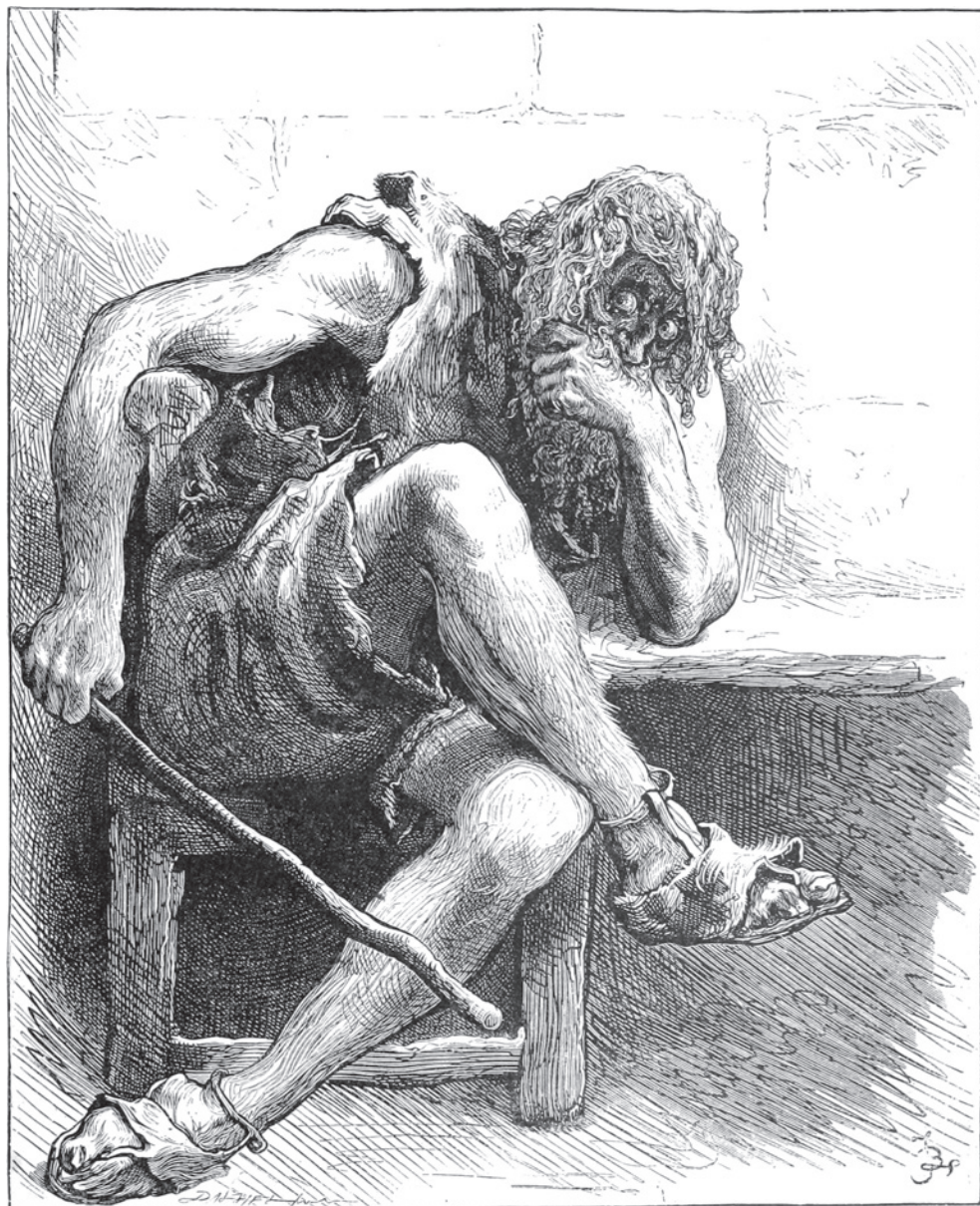
При всех стараниях им не удалось в эту ночь добраться до забора, чрез который они перелезли. Поэтому, заметив небольшое ущелье, они вошли туда,

чтоб дожидаться рассвета и отдохнуть, и от утомления заснули. Но вот, неподалеку от этого места находился замок, называемый Заком Сомнения, и владельцем его был великан по имени Отчаяние. Сами не зная того, они заснули на его владениях. Рано утром, выйдя из замка, он прошел прогуливаться по своим полям и заметил Христианина и Уповающего крепко спавшими на его земле. С ворчанием и сердитым голосом он их разбудил и спросил, откуда они и почему они на его владениях. Они ответили ему, что они пилигримы, но заблудились среди темной ночи. «Так как вы сегодня, — сказал великан, — провинились тем, что топтали мою землю и на ней валялись, то теперь идите за мной!» Они были принуждены повиноваться, видя, что он гораздо сильнее их, даже извинения никакого не могли ему представить, чувствуя себя вполне виновными. Великан погнал их перед собой и запер в высоком тереме своего замка, где была нечистота и нестерпимая вонь. Там пролежали они с четверга утра до субботы вечера, не получив ни куска хлеба, ни капли воды, и никто не приходил о них осведомиться. Положение их было горькое — без друзей и знакомых, без искры надежды выбраться оттуда. Христианин более печалился, чем товарищ: он сознавал, что все случилось по его вине, и горько упрекал себя.

У великана Отчаяние была жена по имени Недоверчивость. Когда он вернулся к себе, он ей рассказал свое приключение, что поймал двух пленных и запер в тюрьме за то, что они дерзнули ступить на его владения. Он спросил ее совета, как поступать ему далее. Она придумала, чтобы он утром рано отправился к ним и избил их беспощадно. Поутру она достала ему дубину из дикой яблони, с которой он поднялся в тюрьму. Сперва он кричал на них как на собак, хотя они ему не отвечали ни слова. Потом кинулся колотить их дубиной так, что они вытянулись на полу и не в силах были двинуться с места. Тогда он вышел, оставив их утешать себя как думают. Весь день провели они в стенаниях и горе.

На следующий день жена великана посоветовала ему покончить с ними, если он еще их найдет живыми. Он снова отправился к ним и нашел их совершенно расслабленными от ран и страданий, стал советовать им самим покончить с собой, избрав какого рода смерть желают: от ножа, виселицы или яда. «Зачем вам сохранять свою жизнь, когда досталась вам теперь одна ее горечь, и, вероятно, вы никогда более отсюда не выберетесь», — говорил он им. Но они стали просить его отпустить их. Тогда он с гневом бросился на них и, вероятно, сам бы покончил с ними, если б не случился с ним припадок (что бывало с ним в очень ясные солнечные дни), и на время он лишился движения в руках. После того он вышел, предоставив их собственным размышлениям. Бедные пленники стали рассуждать между собой, не лучше ли бы им в самом деле послушаться совета великана, и завели следующий разговор:

Хр.: «Брат, что мы станем делать? Наша жизнь здесь нестерпима. Скажу о себе, что не знаю, что лучше: продолжать ли жить так или умереть от своей руки. Желает удушения душа моя, смерти изнутри костей моих. Отвращаюсь жизни, и могила мне слаще этого терема! (Иов. 7:15) Не послушаться ли нам совета великана?»

Великан по имени Отчаяние

Упов.: «Наше положение, конечно, горестное, и для меня смерть гораздо привлекательнее, чем подобная жизнь. Но сперва обсудим: владетель страны, в которую мы направляемся, сказал: „Не убей никакого человека“, и, вероятно, еще менее самого себя. Тот, кто другого убивает, убивает одно тело, но кто себя убивает — губит и душу свою. Ты, брат, толкуешь о могильном спокойствии, но разве ты забыл ад, в который наверное пойдут убийцы? „Ибо убийцы не внидут в царствие Божие“, — сказано нам, и вспомни, что не всякая власть дана великану Отчаяние. Многие, насколько я понял из его слов, были им взяты в плен, однако некоторым удалось выбраться от него. Кто знает, быть может, Бог, сотворивший вселенную, пошлет ему смерть, или же он забудет однажды запереть нас; или с ним еще раз случится припадок, и ноги его будут разбиты параличом. И если последнее еще раз при мне случится, я тебе отвечаю, что соберу все свои силы и вырвусь из его рук. Странно, что это мне не пришло в голову в тот раз! Все же, брат, потерпим еще: придет время, когда мы получим свободу, но отнюдь не станем помышлять о самоубийстве».

Такими словами Уповающий утешал своего товарища, и еще один день прошел для них в темноте, голоде и страдании.

К вечеру великан снова пришел к ним в терем, чтоб узнать, последовали ли пленные совету его — покончить с собой. Он нашел их живыми, но, в сущности, еле дышащими: от голода и полученных ран они едва двигались. Все же, однако, были живы, и это его так рассвирепело, что он им объявил, что за невнимание к его совету с ними будет так плохо, что лучше было бы им не родиться на свете.

При этом они пришли в ужас, и Христианин упал в обморок. Пришед в себя, они снова стали обсуждать вопрос, следует ли им послушаться совета великана или нет. Христианин склонялся на первое, но Уповающий сказал ему на это:

«Брат мой милый, разве ты забыл, как ты себя вел отважно до сей поры? Аполион не мог совладеть с тобой, и ты не устрасился того, что видел и слышал в долине Тени Смерти. Чрез какие страдания и ужасы ты не проходил, а теперь неужели нет в тебе ничего, кроме страха? Ведь и я с тобой заперт в тереме, а я гораздо слабее духом, чем ты, меня ранил великан не менее твоего и также страдаю от голода и сижу в темноте, как ты. Потерпим еще немного! Вспомни, каким бесстрашным ты себя показал на Ярмарке Суеты и не испугался ни оков, ни клетки, ни даже кровавой смерти. Поэтому будем выносить с терпением наше горе, хотя бы только для того, чтоб не узнать стыда, который не подобает христианину».

Когда настала ночь и великан с женой легли в постель, она осведомилась о пленных и спросила, живы ли они. Он ответил: «Они упрямые мошенники и решили выносить всякое мучение, но не убить себя». Она на это возразила: «Завтра утром возьми их с собой во двор замка и покажи им кости и головы тех, которых ты уже отправил из мира, и уверь их, что не пройдет недели, как с ними будет то же, и ты их растерзаешь на куски».

...и еще один день прошел для них в темноте, голоде и страдании.

Когда настало утро, великан пришел к ним и взял их с собой на двор, чтоб по совету жены дать им взглянуть на останки убитых. «Вот, — сказал он, — эти люди были такими же пилигримами, как вы, и они вступили в мои владения, как вы, и когда я нашел нужным — растерзал их, и с вами так же поступлю через десять дней. Теперь идите назад в терем». И тут же палкой стал их бить и погонять.

Весь этот субботний день они пролежали в мучительной тоске. К ночи, когда великан вошел в свою спальню, жена его снова стала расспрашивать о пленных, и муж ее не мог достаточно надивиться, что он не может довести их до самоубийства. На что она ему сказала: «Мне сдается, что они живут надеждой, что кто-нибудь придет спасти их, или, быть может, у них отмычка, посредством которой они надеются спастись!» — «Ты это думаешь, жена? — отвечал великан, — завтра же утром пойду и обыщу их».

Но в это время, в субботу вечером, около полуночи, оба товарища стали на молитву и не переставали молиться до рассвета.

Вдруг, когда еще не совсем рассвело, Христианин в радостном изумлении громко воскликнул: «Что я за безумный, лежу в вонючем тереме, когда могу гулять на свободе. Ведь у меня в пазухе ключ по имени Обетование, которое, наверно, отперет всякие ворота Замка Сомнения».

«Вот счастье! — отвечал Уповающий, — вынь его, брат, скорей и попробуй!»

Христианин вынул ключ из-за пазухи и попытался отпереть дверь терема. Дверь отворилась немедленно. Оба вышли, потом дошли они до двери, ведущей во двор замка, и тем же ключом отперли вторую. Наконец дошли они до железных ворот, здесь потребовалось более труда, однако ключ и эти отпер. Они отворили калитку, чтоб скорей бежать вон, но при этом ворота сильно закрипели и шум разбудил великана, который вскочил с постели, хотел пуститься за ними в погоню, но почувствовал сильную слабость в ногах. Тут приключился с ним припадок, и он никак не мог тронуться с места. Так они вышли из своего заточения, направились на Царский путь и почувствовали себя в безопасности, когда покинули владения великана Отчаяние.

Когда они дошли до забора, они стали вместе обсуждать, что бы им тут устроить, чтоб предостеречь других пилигримов от опасности попасть в плен к великану. Они сговорились воздвигнуть на этом месте столб и сделать на нем следующую надпись: «Через этот забор идет путь к Замку Сомнения, где живет великан Отчаяние, который враг Царю Небесного Града и старается погубить его святых пилигримов». Многие впоследствии, проходя мимо этого места, читали надпись, и многие избегли опасности.

Потом они запели:

«Мы свернули с пути и узнали, что значит вступить на чужую почву. Да будут осторожнее те, которые пройдут это место позднее, чтоб им за непослушание не попасть в плен к тому, кто владеет замком Сомнения и называется Отчаяние».

Отрадные горы

Они шли, не останавливаясь, до Отрадных гор, которые принадлежали Владетелю той горы, о которой мы говорили прежде. Они поднялись на эти горы и восхищались садами, цветниками и виноградниками, которые там в изобилии. Из чистого родника пили они воду и умылись ею и вкусили от прелестного винограда. На вершинах гор стояли пастухи с своими стадами, а другие находились у самой большой дороги. Оба товарища подошли к ним и, наклонясь на свои посохи, по обыкновению утомленных пилигримов, они спросили: «Кому принадлежат Отрадные горы и чьи стада на них пасутся?»

Паст.: «Эти горы в Эммануиловой стране и вблизи Его города. Стада также Его, и Он положил душу за овец своих».

Хр.: «Эта ли дорога ведет к Небесному Граду?»

Паст.: «Вы стоите на верном пути к нему».

Хр.: «А далеко ли еще нам идти?»

Паст.: «Слишком далеко для некоторых, но не для тех, которые в самом деле войдут туда».

Хр.: «А путь безопасен или нет?»

Паст.: «Безопасен для тех, для которых он должен быть безопасным, но незаконные падут на нем» (Ос. 14:10).

Хр.: «Нет ли здесь места отдыха для ослабших пилигримов?»

Паст.: «Владетель гор поручил нам не забывать оказывать гостеприимство странникам, поэтому все хорошее в нашей стране к вашим услугам» (Евр. 13:2).

Я также заметил, что когда пастухи узнали в них путешественников изда- лека, они задали им и некоторые вопросы: «Откуда вы, куда?» Ибо немногие, начинающие путешествие, доходят до них и показываются на этих горах. Но ответы пилигримов вызвали улыбку радости у добрых пастухов, которые в один голос воскликнули: «Приветствуем вас на Отрадных горах».

Имена этих пастухов были: Познание, Опытность, Бдительность и Искренность. Они протянули руки пилигримам и повели их в свои палатки, где угостили их всем, чем пользовались сами. Тут же прибавили: «Нам бы хотелось, чтоб вы долее оставались с нами, ближе с нами ознакомились и уследились благами этих гор». Пилигримы приняли предложение с радостью и остались ночевать, так как время было позднее.

Потом вижу, что, когда настало утро, пастухи позвали пилигримов и предложили им прогулку по горам. Они отправились все вместе и восхищались прекрасными видами живописной страны. Тут пастухи спросили один другого: «Не показать ли им нечто из чудес?» Условившись между собой, что именно следует им показать, они сперва повели их на самую вершину горы, называемой Заблуждение, которая была особенно крута на противоположной стороне. Там они пригласили обоих товарищей взглянуть на подножие горы. Христианин и Уповающий повиновались и увидели несколько раздробленных тел человеческих, как будто бы эти люди когда-то слетели с вершины вниз.

Христианин спросил, что это значит? Ему ответили: «Разве вы не слышали о тех, которые были введены в заблуждение, внимая речам Именея и Филита касательно воскресения мертвых?» Они ответили: «Да».

«Так эти убитые, лежащие у подошвы горы, суть эти самые, и до сего дня, как вы можете видеть, они лежат тут без погребения, чтоб служить предостережением для тех, которые подобно им желают вскарабкаться слишком высоко или подходить слишком близко к краю».

Потом пастухи повели их на вершину другой горы, по имени Предостережение, и просили взглянуть вдаль. И тогда они увидали людей, ходящих взад и вперед между могилами. Они заметили притом, что все эти люди слепы и нередко спотыкались о могилы, но никак не могли оттуда выбраться. Христианин просил объяснить ему смысл этого. Пастухи ответили им так: «Не заметили ли вы в небольшом расстоянии от наших гор забор, отделяющий путь от поляны по левую сторону?» — «Да», — сказали пилигримы. — «От этого забора идет тропинка, ведущая прямо в замок Сомнение, коего владетель великан Отчаяние, а эти люди (указывая пальцем на слепых) были пилигримами, как вы, до того времени, как дошли до забора. И потому, что путь их был каменист, они сочли за лучшее перелезть через забор и ходить по поляне, где тотчас были схвачены великаном Отчаяние, который запер их в замок Сомнение. После некоторого времени заточения он вырвал у них глаза и пустил скитаться промеж могил, и этим сбылось пророчество великого мудреца: «Сбившийся с пути разума найдет обиталище в обществе мертвых».

Христианин и Уповающий взглянули друг на друга, и глаза их наполнились слезами, но они не ответили ни слова на рассказ пастухов (Прит. 21:16).

После этого пастухи повели пилигримов в низменность, где виднелась дверь, ведущая вовнутрь горы, и они, отворив дверь, пригласили заглянуть туда. Среди мрака и густого дыма, откуда несло запахом серы, они расслышали треск как будто пылающего дерева, и изредка раздавался страдальческий стон. Христианин в недоумении обратился к пастухам, чтобы узнать, что это означает. «Это околица, ведущая в ад, — отвечали пастухи, — по ней идут лицемеры, также и те, которые продают свое право старшинства, как Исав, или предают своего Господа, как Иуда; те, которые богохульствуют на счет Евангелия, как Александр, или лгут и надувают, как Анания с женой Сапфирой».

Тогда Уповающий спросил: «Вероятно эти люди носили на себе отпечаток пилигримства, как и мы теперь, не правда ли?»

Паст.: «Да, и даже долго сохраняли его».

Упов.: «Далеко ли они дошли в своем путешествии, перед тем как погибнуть?»

Паст.: «Иные далее этих гор — другие не доходя до них».

Пилигримы с беспокойством сказали друг другу: «Необходимо нам звать к Всесильному о даровании нам силы».

Паст.: «Да, сила необходима для вас будет и позднее, и надо вам употреблять ее, когда получите».

В это время пилигримы изъявили свое намерение идти далее, и пастухи одобрили их. Они все направились в ту сторону, где оканчивались горы. Тут пастухи, посоветовавшись один с другим, сказали: «Покажем странникам ворота Небесного Града, если они сумеют разглядеть их посредством нашего приблизительного стекла». Оба товарища с благодарностью приняли это предложение, и все поднялись на самую вершину горы, называемой Светлой, где получили от пастухов стекло. Они пытались глядеть на него, но воспоминание о последнем зрелище, которое им было показано, еще так было живо в их памяти, что руки их тряслись, и потому они ничего не могли разглядеть. Однако им показалось, что они рассмотрели нечто вроде ворот, и даже кое-что из блеска этого места. После они запели и отправились далее.

«От пастухов узнали мы тайны, которые сокрыты для прочих людей! Идите ж к пастухам, если кто из вас желает узреть дела глубокие, дела сокровенные, которые пока должны остаться таинственными».

Когда настала минута расставания с пастухами, каждый из них вручил нечто полезное на дорогу. Один подарил рукопись: «Указатель пути». Другой дал совет: «Берегись льстецов»; третий наставление: «Помните, что не следует засыпать на Очарованной земле»; четвертый дал напутствие «Бог помощь», — и я проснулся.

Очарованная страна

Когда я снова заснул, то в сновидении предстало мне продолжение виденного. Вижу, что пилигримы спускаются с гор по большой дороге, ведущей к Небесному Граду. Немного ниже гор налево видна страна по имени Фантазия, откуда выходила околица, которая присоединялась к пути пилигримов. Вдруг с ними поравнялся проворный юноша, вышедший из той страны. Имя его было Неведующий. Христианин спросил его, откуда он и куда идет.

Невед.: «Я родом из этой страны, которая немного налево отсюда, и отправляюсь в Небесный Град».

Хр.: «Но как же вы намерены войти в ворота? Вам предстоит немало затруднений для входа вашего».

Невед.: «Войду, как другие добрые люди».

Хр.: «Но что вы покажете у ворот, чтобы получить свободный пропуск?»

Невед.: «Я знаю волю моего Господа, и жил всегда, как следует. Всякому человеку отдаю должное. Молюсь, соблюдаю посты, плачу десятины, подаю милостыню и покинул свою родину для страны, куда теперь направляюсь».

Хр.: «Но послушай, друг, ты ведь не проходил через дверь, стоящую в начале этого пути. Ты пришел сюда по околице. Поэтому, мне сдается, что как бы ты о себе хорошо ни думал, когда настанет день расчета, ты услышишь в обвинение себе, что ты просто обманщик и вор, и потому впущен в город не будешь».

Неведующий

Невед.: «Господа, вы для меня совершенно чужие. Я вас не знаю. Довольствуйтесь следовать религии вашей страны, а я стану следовать религии своей родины. И я надеюсь, что все пойдет хорошо. Что же касается двери, о которой вы говорите, все и у нас, и во всем мире знают, что она ужасно далеко отсюда. Я даже не уверен, что кто-нибудь из наших может указать на дорогу, ведущую к ней, да и не нуждается никто в этом, так как мы имеем, вы видите, приятную зеленую стезю, ведущую сюда прямо из нашей страны».

Когда Христианин убедился, что этот человек отуманен своей фантазией, то он сказал шепотом Уповающему: «Более надежды на спасение можно иметь для безумца, чем для этого человека. По какой бы дороге не шел глупец, у него всегда недостает ума, и всякому он говорит, что он глупец (Еккл. 10:3; Прит. 26:12). Не знаю, продолжать ли нам разговор с ним или на время удалиться и дать ему возможность обдумать то, что он от нас слышал, и потом снова постараться убедить его в истине. Быть может, мало-помалу мы его вытащим из его фантазии».

Упов.: «Да, оставим его пока, пусть он размыслит о слышанном... По-моему, не следует сразу все ему высказать. Позднее мы к нему снова подойдем, чтобы он не оставался Неведущим».

Они отошли от него вперед. Неведующий шел позади, не говоря ни слова. Но вот пришлось им проходить по очень темной аллее, где они увидали человека, которого семь злых духов связали семью толстыми веревками, и тащили к той двери, на которую им указали пастухи, и где слышан был стон и треск огня. Христианин и его товарищ пришли в ужас, и в то время, как злые духи тащили незнакомого человека, Христианин остановился, чтобы разглядеть его. Ему показалось, что это знакомый его по имени Отступник из страны Отречения. Но он не мог рассмотреть черты его лица, потому что несчастный опустил свою голову, как вор, пойманный на деле. Когда они ушли вперед, Уповающий обернулся и заметил на его спине кусочек бумажки с надписью: «Промышляющий распутством и вероотступничеством».

Христианин обратился к своему товарищу: «Я почему-то вспоминаю, что мне рассказывали об одном человеке, жившем где-то тут близко. Называли его Маловерным; человек он был добрый и жил в городе Искренности. Вот что с ним было. К этому месту, где мы теперь находимся, примыкает проселочная дорога из Ворот Пространного Пути: дорога эта носит название Мертвая Стезя, потому что на ней совершаются много убийств. Этот Маловерный

*...они увидали человека, которого семь злых духов
связали семью толстыми веревками...*

вздумал начать пилигримство, и на этой стезе сел отдохнуть и заснул. В это время шли по ней из Ворот Пространного Пути три заклятые мошенника по имени Слабодушие, Недоверие и Виновность (три брата), и, заметив спящего Маловерного, поспешно к нему подбежали. Добряк только что проснулся и готовился идти далее, как вдруг видит пред собой людей, которые сердито и с угрозами приказывают ему остановиться. Маловерный побледнел от страха и не имел силы ни бороться, ни тронуться с места. Тогда Слабодушие потребовал у него кошелек с деньгами; но видя, что он не торопится вынимать его (ему жаль было расстаться с карманными деньгами), Недоверие живо засунул свою руку в его карман и вытащил оттуда мешок с серебром. Бедняга громко завопил: „Воры! Грабят! Караул!“ Но тут Виновность с огромной дубиной так сильно ударил его по голове, что он тотчас повалился наземь, и кровь полилась струей из головы, так что, казалось, смерть была неминуема. Злодеи стояли около него, не подавая ему ни малейшей помощи, как бы ожидая его кончины. Вдруг услышали они чьи-то шаги на дороге, и боясь, чтоб то не был мощный воин по имени Великая Благодать, живущий в городе Полное Упование, они опрометью пустились бежать, оставив беднягу на произвол судьбы. После некоторого времени Маловерный пришел в себя и поплелся кое-как по дороге. Вот и весь рассказ».

Уповающий: «Ужели они вытащили у него все, что он имел?»

Хр.: «Нет, они не могли догадаться, где лежали у него его дорогие камни, и потому он их сберег. Но мне передавали, что добряк был сильно огорчен потерей карманных денег; воры отняли почти все, что он имел, у него осталось несколько старых монет, но это было недостаточно для остального пути (1 Пет. 4:18). Говорят даже, что наконец он был принужден жить подаванием, чтобы не умереть с голода, так как дорогих камней своих продавать он не мог. Но хотя и просил милостыню и подчас и получал ее, однако он прошел большую часть пути, как у нас говорят, с голодным желудком».

Упов.: «Но не странно ли, что злодеи не взяли у него свидетельства, по которому ему доступен был вход в Небесный Град?»

Хр.: «Правда, странно, однако не отняли. Надо сказать, что они не потому оставили ему свидетельство, что он хитро его запрятал, так как от страха и испуга он совсем растерялся. Это надо приписать благому Провидению, что такая драгоценная вещь осталась при нем».

Упов.: «Однако немалым утешением ему было и то, что он сберег свои дорогие камни».

Хр.: «Это бы отчасти его утешило, если б он знал, как их употребляют. Но те, которые мне передали его историю, заметили мне, что он мало от них получал пользы во время путешествия, так его смутила и расстроила потеря карманных денег. Иногда он совсем о камнях своих забывал, а если когда и утешался ими, тотчас в душе его сильнее заговорит воспоминание о карманных деньгах, и это поглощало всякие другие мысли».

Упов.: «Бедный, он был, вероятно, в постоянном горе!»

*Добряк только что проснулся и готовился идти далее,
как вдруг видит перед собой людей, которые сердито и с угрозами
приказывают ему остановиться.*

Хр.: «Да, велика была его скорбь! Я слышал, что он тащился по своему пути с непрестанными стенаниями и вздохами, рассказывая всякому встречному, как и почему его ограбили, кто эти злодеи, как они его ранили и чуть не убили».

Упов.: «Я не могу надивиться, что при такой его крайности он не вздумал продать или заложить что из своих дорогих камней, чтоб поддерживать себя во время путешествия и не прибегать к подаянию».

Хр.: «Ты рассуждаешь как человек, еще не созревший духом. На что мог он заложить или кому продать свои дорогие камни? Во всей той стране, в которой случилось с ним это несчастное приключение, его дорогие камни не имели ценности, и притом он не нуждался в поддержке, которую бы получил от продажи камней. Кроме того, если б он не мог представить их у ворот Небесного Града, он бы лишился всякого там наследства (и это он знал наперед). А такое горе было бы для него чувствительнее нападений тысячи злодеев».

Упов.: «Какой ты колкий, брат! А разве Исав не продал своего старшинства за блюдо чечевицы, однако это старшинство было для него самым драгоценным камнем; если он так поступил, почему же Маловерному не сделать то же?»

Хр.: «Конечно, Исав продал свое старшинство, и многие кроме него так поступают и теперь, и чрез это исключают себя от главного благословения, как исключил себя этот подлец. Но между ними большая разница. Исава старшинство было символическим благословением, тогда как дорогие камни Маловерного были истинными. Исава чрево было божеством его, но дорогие камни не были тем же для Маловерного. Кроме того, Исав не мечтал ни о чем более, как об удовлетворении плоти. „Ибо я на краю смерти, — говорил он, — какая же мне польза от моего старшинства?“ Тогда как Маловерный, хотя ему в удел досталась малая доля веры, ею, однако, он был охраняем от подобного сумасбродства и чрез нее он понимал всю ценность своих дорогих камней и не продал бы их ни за что. Ты нигде не найдешь в Писаниях, что Исав имел веру. Поэтому неудивительно, что у кого главная и единственная забота — плоть (это отличительная черта всякого человека, не имеющего в сердце веры), тот не задумается продать сатане и старшинство свое, и душу, и если люди мира задумают получить какое-нибудь плотское удовольствие, они добиваются его во что бы то ни стало. Но Маловерный был вовсе не из таких. Он стремился к небесному. К чему же бы ему послужило продать драгоценные камни (если бы даже мог встретиться на то покупатель) и наполнить душу свою пустотой? И хотя люди без веры готовы ради плоти продать и заложить все, что имеют, надо сознаться, что люди с малой, но искренней верой на это не способны. Вот где ты ошибся, брат».

Упов.: «Я сознаю, что ложно рассудил. Но сперва твои резкие суждения меня чуть было не поссорили с тобой».

Хр.: «Ужели! Но обдумай спокойно все мною сказанное, и ты согласишься, что все это верно».

Упов.: «Однако эти три злодеи, по-моему, подлецы, потому что лишь только услышали чьи-то шаги, как пустились бежать. Почему бы Маловерному не попробовать побороться с ними? По-моему, он бы мог отразить одно нападение и только тогда сдаться, когда они бы его одолели втроем».

Хр.: «Многие называют их подлецами, но мало тех, которые остались бы этого мнения при встрече с ними. Маловерный не имел отважного духа, и мне кажется, брат, что если бы ты был на его месте, ты бы отразил одно нападение, но тут же бы и сдался. И, право, ты только боек потому, что они от нас далеки, но представь себе, что они перед тобой теперь, и ты бы иначе заговорил. Притом вспомни еще и то, что они наемные разбойники: они на службе у князя бездонной пропасти, и когда нужно, он тотчас спешит к ним на помощь, а его голос как рев рыкающего льва. Я сам прошел чрез это и знаю, как это ужасно. Они втроем напали на меня, и я сначала защищался, как следует моему званию христианина. Но они только свистнули, и явился их начальник. Так бы моя душа и погибла даром, если б Господь не вооружил меня заранее. И скажу тебе, что даже с оружием в руках показалось мне трудно бороться с ними. Никто не может знать, кто в этой борьбе даст нам помощь, как только тот, кто это испытал».

Упов.: «Так. Но ведь они убежали, когда показалось им, что идет Великая Благодать».

Хр.: «Да. Они не раз убежали, и даже вместе с своим начальником, когда показывался Великая Благодать. И неудивительно: он Царев боец. А ты, надеюсь, согласишься, что есть разница между Маловерным и Царевым бойцом? Не все подданные Царя могут быть Его бойцами, и если бы их испытать на деле, то они были бы не в силах сражаться, как настоящие Его бойцы. Разумно ли предполагать, что каждый мальчик может одолеть Голиафа так же, как его одолел Давид? Можно ли ожидать силы быка от маленькой птички? Иные сильны, иные слабы; некоторые обладают большой верой, другие — малой. Этот же был слаб».

Упов.: «Жаль, что не подошел к этому времени Великая Благодать, он бы им задал порядком».

Хр.: «Если б он в эту минуту подошел, можно сказать, что и ему было бы нелегко бороться против троих. Притом, хотя Великая Благодать искусно владеет оружием и может отлично держать этих злодеев в повиновении, пока они пред ним на расстоянии меча, но если они в него войдут, особенно Слабодушие, Неверие или третий, то, пожалуй, и его с ног сшибут. А когда человек упал, на что он способен? Кто знаком с Великой Благодатью, тот мог заметить шрамы по его лицу, доказывающие, в каких боях он бывал. Я даже слышал, что он однажды рассказывал подробности последней битвы, в которой он был участником, так: „Мы уже отчаивались сохранить жизнь. Вспомни, как эти злодеи заставляли Давида стонать, скорбеть и бесноваться. Даже Иезекия и певец Еман, бойцы своего времени, были принуждены возбуждать себя молитвой, когда бывали ими осаждены, и то немало от них пострадали; апостол

Петр также однажды был ими одолен, и хотя его некоторые называют князем апостолов, однако они, эти злодеи, сделали из него то, что он испугался голоса служанки! Притом их начальник всегда наготове лететь к ним на помощь. А о нем сказано: „Касающийся его меч не устоит — ни копье, ни стрела, ни латы. Он считает за соломой железо, а дерево гнилое — медь. Не прогонит его сын лука: как плева считается булава, и он смеется свистку дротика“» (Иов. 41:18–21).

Что делать человеку в этом случае? Конечно, если б иметь наготове коня Иова, много подвигов можно бы совершить: „Он роет копытом в долине и поселится: с силою идет навстречу оружию. Смеется страху, не робеет и не отворачивается от меча“ (Иов. 39:19–21). Но для таких пехотинцев, как мы с тобой, лучше не соваться навстречу врагу и не хвастаться, что поступили бы лучше других, когда слышим, что они были побеждены, и не возбуждать себя мечтанием о нашем мнимом мужестве, ибо таковые-то обыкновенно и попадают впростак. Посмотри на Петра, о котором я сейчас говорил. Он ведь хотел бороться, очень хотел. Он намеревался даже по горячности нрава сделать более других в защиту своего Учителя. А кто так осрамился и опустил из всех их, как не он? Поэтому, когда мы слышим о подобных злодействах, пусть оно послужит нам уроком: во-первых, никогда не пускаться в путь не вооруженными, и, главное, не забывать запастись щитом, ибо отсутствие этого было причиной, что тот, кто с такой удалью боролся против Левиафана, не мог заставить его покориться; бесспорно, что когда мы без щита, враг нас вовсе не боится. И тот, кто был искусным бойцом, сказал: „А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого“ (Еф. 6:16). Полезно также для нас испросить у Царя конвой, или умолить Его идти с нами. Вот что возрадовало Давида, когда он шел по долине Тени Смерти; а Моисей предпочитал умереть, где стоял, чем ступить шаг без Бога (Исх. 33:15).

Да, милый брат, если Он только с нами пойдет в путь, нам нечего бояться, хотя бы тысячи таких злодеев накинудись на нас, но без Него самые гордые и уверенные в себе защитники падут побежденными (Пс. 2:5–8).

Я ведь однажды также был в подобной схватке, и хотя (по милости Его), как видишь, жив, однако не могу похвастаться своим мужеством. И, право, сочту себя счастливым, если избегну впредь таких столкновений, а между тем, пожалуй, что нам предстоит еще немало опасностей. Однако, так как ни лев, ни медведь меня не растерзали, то надеюсь, что Господь избавит меня также от необрезанного Филистимлянина». И Христианин запел:

«Бедный Маловерный! Ты был среди злодеев, ты ими был ограблен. Помни сие, верующий, и молитвой укрепи свою веру! Тогда будешь победителем над тьмою тем, иначе даже не совладать тебе и с тремя врагами».

Так шли они, а Неведующий шел позади. Вот наконец пришли они на место, где увидели дорогу, примыкающую к их пути, и которая казалась такой же прямой, как и их дорога, и они остановились в недоумении: по которой из них им идти. Пока они обдумывали, который истинный путь, к ним подошел

чернокожий человек в светлой одежде и спросил их, почему они тут стоят. Они ответили, что идут в Небесный Град, но не знают, по какой дороге им следует идти. «Идите за мной, — сказал чернокожий, — я также направляюсь туда». Они пошли за ним, и, не замечая того, избрали именно тот путь, который присоединен был к истинному, вследствие чего они стали удаляться от Небесного Града, и скоро их взоры были обращены совершенно в противоположную сторону, однако, не замечая этого, они шли далее. Но прежде чем они могли опомниться, они попали в сеть, в которой ловят зверей, и оба так в ней запутались, что не знали, что делать; при этом белое одеяние спало с плеч чернокожего, и они поняли, кто он и где они.

Горько стали они плакать, чувствуя, что спастись невозможно.

Христианин обратился к своему товарищу: «Теперь я вижу свое заблуждение. Не предупреждали ли нас Пастухи остерегаться Лыстивого? Правду говорил древний мудрец: „Человек, который лыстит ближнему своему, ставит сеть на путях его“» (Прит. 29:5).

Упов.: «Они ведь дали нам даже писанный указатель пути для большей верности. Но мы позабыли заглянуть в него и не хранили себя от путей разорителя. Давид был мудрее нас, когда говорил: „В делах человеческих, по слову уст Твоих, я остерегался путей распутных“» (Пс. 16:4).

Так укоряли они себя, сидя опутанные сетью. Наконец заметили они кого-то освещенного чудным блеском, который подходил к ним, держа в руке бич, свитый из веревок. Когда он подошел, то спросил их, кто они и зачем они тут сидят. Они отвечали, что они бедные пилигримы, отправлявшиеся в Сион, и что чернокожий человек в белой одежде завел их сюда обманом и опутал сетью. Тогда ответил держащий пук веревок: «Это Лыстивый, ложный апостол, который принял вид ангела света». Он разорвал сеть и выпустил их. Потом прибавил: «Идите за Мной, чтоб Я мог указать вам истинный путь». И Он повел их назад на то место, где путь делится надвое. «Где вы провели прошлую ночь?» — спросил Он их. «С пастухами на Отрадных горах», — отвечали они. «Разве не получили от них указателя пути?» — «Да», — отвечали они.

— Почему же вы пошли по ложному пути и послушались Лыстивого? — спросил он.

— Мы забыли заглянуть в него.

— Не дали ли вам пастухи совет, как хранить себя от Лыстивого?

— Да, но увы, мы не знали, что это был он.

Тогда Он их несколько раз ударил бичом, чтобы научить их быть мудрее вперед, и прибавил: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся» (Откр. 3:19). После того Он приказал им идти далее и не забывать всех указаний пастухов. Они благодарили Его за оказанную помощь и пошли вперед по истинному пути, воспевая: «Приди сюда, о ты, ходящий по пути, и взгляни, что ожидает пилигрима, избравшего ложный путь: они пойманы в сеть, потому что пренебрегли добрым советом. Теперь они

освобождены, но видишь, какое претерпели они страдание; да будет это тебе уроком».

После некоторого времени они увидали человека, идущего тихо и одиноко по большой дороге навстречу к ним. Христианин сказал товарищу: «Вот кто-то, который идет спиной к Сиону навстречу к нам».

Упов.: «Я его вижу, но будем теперь осторожнее, пожалуй, и в нем найдем Лыстивого».

Но незнакомец подходил все ближе и наконец стал к ним лицом к лицу и спросил, куда они идут. Имя ему было Атеист.

Хр.: «Мы направляемся на гору Сион». Атеист расхохотался.

Ат.: «Я смеюсь, потому что вижу в вас таких невежд. Вы предприняли трудный путь, и для того только, чтобы ничего не получить и довольствоваться усталостью».

Хр.: «Что вы? Вы полагаете, что нас не примут?»

Ат.: «Принять! Да такого места, о котором вы мечтаете, нет во всей вселенной».

Хр.: «Такое есть место в будущем свете».

Ат.: «Когда я жил дома, на своей родине, я так же слышал, что некоторые толковали, как вы теперь, и, наслушавшись, хотел лично убедиться и увидеть, в чем дело, и вот двадцать лет как ищу такого города и не нахожу, потому что никакого Сиона не существует».

Хр.: «Мы оба слышали и оба веруем, что город Сион в самом деле существует».

Ат.: «Если б я не поверил, то не ушел бы далеко от дома, чтобы отыскать этот город. Но не найдя ничего (а мне бы следовало его найти, так как я был гораздо далее вас), я возвращаюсь назад и буду стараться утешать себя теми наслаждениями, которые я тогда покинул в надежде приобрести то, чего нельзя нигде найти».

Христианин обратился к Уповающему с вопросом: «Ужели правда, что этот человек говорит?»

Упов.: «Берегись, он один из лыстивых. Вспомни, как мы уже поплатились за то, что одного послушали. Как! Чтоб не было города Сиона? Да разве мы не видели с вершин Отрадных Гор врата Небесного Града? Притом, разве не суждено нам здесь жить верой? Идем, брат, не то Тот, Который наказывал нас бичом, снова настигнет нас. Тебе бы следовало дать мне тот совет, который я теперь намерен шепнуть в твое ухо: „Перестань, сын мой, внимать наущениям, отдаляющим от слов истины“. А я говорю, брат, перестань его слушать, и будем веровать ко спасению наших душ».

Хр.: «Милый брат, я не задал этот вопрос оттого, что сомневался в истине твоей веры, но для испытания твоего хотел заставить тебя высказаться. Что же касается этого человека, я знаю, что он ослеплен богом мира. Итак, пойдем от него прочь с убеждением, что мы веруем в истину и нет лжи в этой истине».

Упов.: «Я уже теперь радуюсь надежде узреть славу Божию».

Атеист расхохотался.

Они прибавили шаг и ушли от Атеиста, который снова расхохотался, взглянув на них, и ушел в противоположную сторону.

Я увидел, что пилигримы вошли в страну, где воздух как-то особенно клонил людей к сонливости. И Уповающий стал чувствовать тяжесть в мыслях и непреодолимую склонность ко сну. Он сказал товарищу, что ему невмочь как хочется спать и что у него слипаются глаза: «Давай ляжем здесь и немного уснем».

Хр.: «Ни за что на свете, если мы здесь уснем, то никогда более не проснемся».

Упов.: «Почему же, брат? Сон освежает утомленного человека, и мы наберемся новых сил, если отдохнем».

Хр.: «Разве ты забыл, что один из пастухов предостерегал нас не засыпать в Обворожительной стране? Стало быть, спать здесь нам не следует; не будем действовать по примеру других, но будем бдительны и трезвы» (1 Фес. 5:6).

Упов.: «Я сознаю, что был неправ, и если б я в эту минуту был один, то, конечно, уснул бы на свою погибель. Верно сказал мудрец: „Два лучше одного“. До сих пор твое общество было для меня милостью Божией, и ты получишь хорошую награду за свои труды».

Хр.: «Чтобы развлечь себя от склонности ко сну, пока мы в этой стране, заведем-ка лучше занимательную беседу».

Упов.: «С радостью, брат».

Хр.: «С чего же мы начнем, однако?»

Упов.: «С чего сам Господь начал с нами. Но начни ты первый, пожалуйста».

Хр.: «Сперва я спою песнь: „Когда христиане начинают быть сонливыми, пускай приходят сюда и послушают, как беседуют два пилигрима. Да научатся они от них, как бороться со сном и бодрствовать со Христом. Святое товарищество хранит их от сна погибели и побеждает адские силы“.

А теперь задам тебе вопрос. Расскажи мне подробно, что внушило тебе желание предпринять пилигримство».

Упов.: «Ты хочешь знать, что именно побудило меня заботиться о спасении моей души? Скажу тебе, что я долго жил среди наслаждений и сует, которые были в продаже на ярмарке Суеты. Все это, как вижу теперь ясно, конечно, довело бы меня до погибели».

Хр.: «Но что же это было?»

Упов.: «Всякого рода сокровища и богатства мира. Кроме того, я с упоением предавался всякому распутству, пиршествам, попойкам, неприличным разговорам, божбам, лжи, забывая и не желая даже соблюдать день Господень, и мало ли чего другого, что могло убить навеки душу мою. Наконец, слушая и обсуждая Божественные истины, которые тогда слышал от тебя и от покойного Верного, поплатившегося жизнью за свидетельство истины среди ярмарки Суеты, я постиг, что конец всего этого смерть и что за подобные дела гнев Божий поражает непокорных детей Его».

Хр.: «И ты тотчас отдался во власть этого нового убеждения?»

Упов.: «О, нет. Мне очень не хотелось в это время понимать весь вред греха, ни проклятия, которое последствие его; напротив того, я старался при первом пробуждении души силою Слова Божия закрыть глаза от света, озаряющего дела моей жизни, и не видеть всю гнусность их».

Хр.: «Но какая же была причина тому, что ты так относился неохотно к первым действиям на тебя Духа Господня?»

Упов.: «Причин было много. Первая: я не видал, что это новое во мне чувство было действием Божиим на мою душу и что Господь всегда так начинает обращение грешника — пробуждением совести и убеждением в греховности. Вторая: грех был мной так еще любим, что мне горько было расставаться с ним. Третья: я не мог себе представить, как я покину друзей, коих общество и образ жизни мне так приятны. Четвертая: часы, в которые являлось пробуждение совести, были так беспокойны, утомительны и тяжелы, что я избегал их, отгонял их буйной жизнью и старался даже не вспоминать о них».

Хр.: «И тебе иногда удавалось избавиться от душевного беспокойства?»

Упов.: «Да, это правда, но только на время. Зато когда оно возвращалось в сердце, мне было гораздо тяжелее прежнего».

Хр.: «Что тебе снова напомнило твое состояние греховности?»

Упов.: «Многое. Первое: если встречал на улице хорошего человека. Второе: если слышал кого-нибудь, читающего Слово Божие. Третье: если чувствовал себя больным телесно. Четвертое: если слышал, что такой-то из моих соседей нездоров. Пятое: если раздавался колокол, призывающий на похороны. Шестое: если вспоминал, что сам умру вскоре. Седьмое: если узнавал о чьей-нибудь скоропостижной смерти. Восьмое: но особенно, когда думал, что придется мне предстать на суд Божий».

Хр.: «Но мог ли ты каждый раз, как представлялся тебе такой случай, отгонять от себя сознание твоей греховности?»

Упов.: «О, нет. Это чувство так охватывало все мое существо, что лишь только я задумывал вернуться к какому-нибудь греху, а склонность к тому была все-таки сильна во мне, как мне делалось еще тяжелее на душе».

Хр.: «На что же ты решился?»

Упов.: «Я решил исправить образ жизни или идти на верное проклятие».

Хр.: «И ты пытался исправить себя?»

Упов.: «Я стал избегать не только грех, но и общество порочных людей, и предавался исполнению всяких религиозных обрядностей. Стал молиться, поститься, читать духовные книги, плакать над своими грехами, говорил всегда правду и прочее. Все это я стал исполнять, и многое другое — трудно все передать».

Хр.: «И ты себя тогда чувствовал спокойным?»

Упов.: «На некоторое время только. Но скоро все смущающие меня мысли снова овладевали мной».

Хр.: «Почему же, ведь ты исправился?»

Упов.: «Опять многое было тому причиной. Главное, меня смущали эти изречения: „Вся наша праведность не что иное, как грязные рубища“. „Никакой человек не будет оправдан делами закона“. „Когда вы исполните все, скажите: „Мы только бесполезные люди““, и еще много других слов из Библии. Поэтому я стал рассуждать сам с собой так: если это точно, то ведь это просто было бы безумие стараться достигнуть царствия Небесного делами закона. Если человек должен сто рублей лавочнику, а потом платит ему деньгами за все, что он у него берет, не выплачивая, однако, прежнего долга, то если лавочник зачеркнет в своей книге старый долг этого человека, то всегда имеет право предать его суду и посадить в тюрьму как несостоятельного должника».

Хр.: «Так, но каким же образом ты это применил к себе?»

Упов.: «Вот я и стал обдумывать. Я зашел далеко во грехе, много провинился перед Богом, и мое теперешнее исправление есть только простая обязанность моя, но нимало не может искупить мое прошедшее, поэтому я все-таки пропаду безвозвратно, ибо чем и как вычеркнуть из книги Божией внесенные в нее бесчисленные мои прежние прегрешения?»

Хр.: «Прекрасное объяснение, но продолжай, пожалуйста».

Упов.: «Еще одно смущало меня. С самой поры моего исправления, когда я со вниманием анализировал лучшие мои поступки, я видел в них греховную сторону нового рода, которая примешивалась ко всему хорошему, что я задумывал; так и должен был сознаться, что, несмотря на хорошее мое мнение о себе и об исполненных мною обязанностях, я в один день достаточно грешил, невзирая на мое исправление, чтобы быть достойным геенны».

Хр.: «Что ты тогда придумал?»

Упов.: «Ничего не мог придумать, пока не открыл свою душу покойному Верному. И он мне объяснил, что, пока не получу праведности никогда не согрешившего человека, ни моя личная, ни всего мира праведность спасти меня не могут».

Хр.: «А ты ему поверил на слово?»

Упов.: «Если б он мне это сказал в то время, когда я был так доволен своим исправлением, я счел бы это за безумие. Но, убедясь в моем бессилии и в большой примеси греха в моем исправлении, и главное, вспоминая греховный мой образ жизни до этого, я согласился с его мнением».

Хр.: «Но не подумал ли ты, когда услышал от него эти слова, что нельзя найти такого человека, о котором можно бы по всей истине сказать, что он никогда не согрешил?»

Упов.: «Признаюсь, сначала эта мысль и слова показались мне странными и неясными, но после некоторых бесед с ним я пришел к полному и искреннему убеждению насчет этого».

Хр.: «И ты спросил его, кто же этот человек и как ты можешь быть им оправдан?»

Упов.: «О да, и он мне сказал, что это Господь наш Иисус Христос, Который сидит одесную Бога (Евр. 10:12). Итак, прибавил он, ты должен быть

оправдан Им, уповаю на то, что Он совершил во время Своего воплощения на земле, и на все Его страдания, когда был пригвожден ко кресту. Я еще спросил его, как может праведность этого Человека иметь действием — оправдание другого перед Богом? И он мне ответил, что этот Человек в то же время и Всемогущий Бог, и Он все совершил, умер смертью не за Себя, но за меня, которому все Им совершенное и вся Его праведность будут приписаны, если я уверю в Него».

Хр.: «Как же ты поступил после этого?»

Упов.: «Я отговаривался от такого рода уверования тем, что казалось мне, будто Он этого желать не может, т. е. принять меня, такого грешника и даровать мне оправдание во всем сделанном мною порочном, ибо я этого совершенно недостоин».

Хр.: «Что же на это ответил Верный?»

Упов.: «Он стал меня уговаривать идти к Нему и убедиться на деле. Я ответил, что это было бы с моей стороны высокоумие. Он сказал: нет, потому что ты из званых (Мат. 11:28). Тут он мне вручил книгу, писанную по внушению Самого Иисуса Христа, и в ней указал мне на места, в которых ясно

Я ответил, что это было бы с моей стороны высокоумие.

сказано, что Он призывает всякого, стало быть и меня. Верный к этому еще прибавил, что всякая строка и каждое слово этой книги тверже, чем шар земной и вселенная (Мат. 24:36). Тогда я спросил его, как же мне идти к Нему. И он дал мне совет, что я должен на коленях умолять от всей глубины души и всего сердца Отца Небесного открыть мне Сына Своего. Но я сознался, что не умею об этом молить Его. Он на это ответил мне: „Иди, и ты узришь Его на престоле милосердия, где Он вечно восседает, дабы даровать прощение и оставление грехов всем приходящим к Нему“. Но далее я спросил: что я Ему скажу, когда приду. И он научил меня умолять Его так: „Господи, милостив будь ко мне, грешному, и научи меня познать и веровать в Иисуса Христа, Сына Твоего. Ибо я вижу, что если праведность Его не была бы воплощена на земле, или я бы не умел веровать в эту Его праведность, то я был бы потерян безвозвратно и отвергнут Тобой навсегда. Господи, я узнал, что Ты милосердный Бог и определил Сына Твоего быть Спасителем мира. Он хочет спасти всякого грешника, ибо таковым признаю себя от искреннего сердца. Господи, услышь молитву мою и покажи на мне милость Твою в спасении души моей ради Иисуса Христа моего“».

Хр.: «И ты все-таки исполнил, как он тебе советовал?»

Упов.: «Не однажды только, но много, много раз».

Хр.: «И Бог Отец открыл тебе Сына Своего?»

Упов.: «Нет, ни в первый раз, ни во второй, ни в третий, ни в четвертый, ни даже в шестой раз».

Хр.: «Что же ты тогда делал?»

Упов.: «Что? Да я сам не знал, что делать».

Хр.: «Не приходило ли тебе на мысль перестать молиться?»

Упов.: «О, несколько раз решался более не просить».

Хр.: «Что же тебя удерживало?»

Упов.: «Я чувствовал уверенность, что все мною слышанное истинно, т. е. что без праведности Христа весь мир спасти меня не может, и потому, думал я, если я перестану о том просить, то погибну, а умирать покойно могу только у подножия престола милосердия. А в душе моей слышались слова: „Если бы и замедлило, жди его, непременно сбудется, не отменится“ (Еф. 1:17–19). И я продолжал умолять Бога, и Он наконец открыл мне Сына».

Хр.: «Как же Он тебе открыл Сына Своего?»

Упов.: «Я не видел его телесными очами своими, но очами уразумения, и вот как это было. Однажды я чувствовал себя как-то особенно грустным, как никогда таким в своей жизни не бывал, и эта грусть происходила оттого, что я с новой ясностью разбирал всю гнусность и глубину моего греховного состояния. Я ожидал в это время для своей души только ада и вечного проклятия.

Вдруг мне показалось, что вижу (опять-таки не телесными очами, а душой) Иисуса Христа, Господа нашего, взирающего на меня с Неба и говорящего: „Веруй в Господа Иисуса Христа, и будешь спасен“. Но я ответил Ему:

„Но, Господи, ведь я великий, даже величайший грешник“ (Деян. 16:30–31; 2 Кор. 12:2). Он на это сказал: „Достаточно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи“ (Иоан. 6:35–37). Тогда я возразил: „Но, Господи, что значит веровать?“ На это был ответ: „Приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда“. Тут я познал, что веровать в Него и идти к Нему — одно, и что тот, кто к Нему приходит, т. е. кто от чистого сердца и с любовью стремится ко спасению Христом, истинно верует в Христа. Глаза мои наполнились слезами, и я продолжал спрашивать Его: „Господи, ужели такой грешник, как я, может в самом деле надеяться быть принятым и спасенным Тобой?“ И я услышал Его ответ: „Приходящего ко Мне не изгоню вон“. Но я еще спросил Его: „Но, Господи, приходя ныне к Тебе, как следует мне Тебя признавать, дабы вера моя твердо была на Тебе основана?“ Он ответил: „Христос Иисус пришел в мир спасти грешников. Он есть совершение закона к праведности всякого верующего (1 Тим. 1:15). Он умер за грехи людей и воскрес для их оправдания (Рим. 10, 1). Он возлюбил вас и омыл от греха кровию Своей (Откр. 1:5; 1 Тим. 2:5; Евр. 7:25). Он ходатай между Богом и человеками. Он жив вечно для ходатайства за них“. Из всего этого я убедился, что всю праведность искать в Нем едином.

В наказание за грехи мои была пролита кровь Его; что все, что Он совершил из повиновения к воли Отца и все, что Он вынес из ниспосланных Ему страданий, было исполнено не ради себя, но ради всякого, который принимает это в сердце как свое спасение и воздает Ему за то благодарение. И душа моя вострепелась от радости, из глаз полились слезы, и вся сила любви в моей душе была обращена на имя Иисуса Христа, возлюбившего всех; и на Его народ, т. е. на верующих в Него».

Хр.: «Слушая тебя, убеждаешься, что в самом деле твоей душе открылся Христос. Но расскажи мне подробно, какие были от этого последствия?»

Упов.: «Оно имело на меня то действие, что я вполне убежден теперь, что весь мир, несмотря на свою внешнюю и мнимую праведность в образе жизни, находился под осуждением за грех. Я постиг окончательно, что Бог Отец при Своем правосудии может с правосудием оправдать приходящего к Нему грешника. Я был устыжен гнусностью своей прежней жизни и смущен своим доселе неведением и беззаботностью, ибо никогда до этой поры не понимал я все величие любви к нам Иисуса Христа. Это внушило мне стремление к жизни непорочной и к совершению добрых дел для большого прославления имени моего Господа. Право, мне казалось, что будь в моих жилах тысячи бочек крови, я бы с радостью всю пролил за свидетельство имени Его».

Неведующий

В это время я заметил, что Уповающий оглянулся и увидел Неведующего, который все так же шел один позади обоих товарищей. «Посмотри, — сказал он Христианину, — как этот юноша далеко отстал и вяло идет».

Хр.: «Да, вижу. Он не нуждается в нашем обществе».

Упов.: «Ему было бы невредно все это время ходить с нами».

Хр.: «Правда. Но я уверен, что он на это смотрит иначе».

Упов.: «Вероятно. Все же подождем его немного».

Тогда Христианин обратился к юноше и сказал ему: «Подойди, малый, почему ты так отстал далеко?»

Невед.: «Мне приятно ходить одному, и даже гораздо приятнее, чем быть в обществе, если оно мне не особенно по сердцу».

Тогда Христианин тихо сказал Уповающему: «Не говорил ли я тебе, что он в нас не нуждается? Однако подойдем к нему и начнем с ним беседу для провождения времени в этой пустынной стране». И, обратясь к Неведующему, он дружески сказал: «Добро пожаловать, юноша, ну, как ты себя чувствуешь? Какие отношения между Богом и твоей душой?»

Невед.: «Надеюсь, хорошие. Я постоянно чувствую в себе множество прекрасных стремлений, которые наполняют мою душу и утешают меня во время ходьбы».

Хр.: «Какие же это стремления? Пожалуйста, расскажи».

Невед.: «Какие, вот... думаю всегда о Боге и о Его Царствии».

Хр.: «Так думают иногда и дьяволы, и осужденные в аду».

Невед.: «Но я, думая о том, желаю также обрести небесное».

Хр.: «Так точно со многими, которые никогда не получают жизни вечной. „Душа ленивца желает и не получает ничего“».

Невед.: «Но я, думая о том, все для этого покинул».

Хр.: «В этом сомневаюсь: все покинуть — дело трудное, труднее, чем многие воображают. Но чем мог ты увериться, что все покинул для Бога и Неба?»

Невед.: «Сердце мое это говорит и свидетельствует» (Прит. 28:26).

Хр.: «Мудрец сказал, что кто верит своему сердцу, тот безумный».

Невед.: «Это сказано о дурном сердце... мое же — доброе».

Хр.: «Но чем же ты это докажешь?»

Невед.: «Оно поддерживает мои надежды на небесное блаженство».

Хр.: «Это может быть и следствием его обманчивости. Сердце человеческое может утешаться надеждами на достижение того, на что человек совершенно не имеет ни малейшего права рассчитывать».

«Я постоянно чувствую в себе множество прекрасных стремлений, которые наполняют мою душу и утешают меня во время ходьбы».

Невед.: «Но со мной не так. Сердце мое и образ жизни в совершенном единомыслии и согласии, и потому мои надежды основательны».

Хр.: «Почему ты знаешь, что твое сердце и образ жизни в полном единомыслии?»

Невед.: «Мне сердце это говорит».

Хр.: «Есть поговорка народная: „Спроси соседа, вор ли я!“ Твое сердце тебе это говорит. Если не Бог Сам о том свидетельствует, всякое иное свидетельство не имеет значения».

Невед.: «Но если во мне мысли хорошие, то и сердце хорошо, а жизнь по заповедям Божиим не есть ли жизнь благочестивая?»

Хр.: «То, что ты сейчас изложил, вполне справедливо. Но воображать себя в этом благочестивом состоянии или действительно быть в нем — огромная разница».

Невед.: «Позвольте узнать, однако, что вы называете хорошими мыслями и жизнь по заповедям Божиим?»

Хр.: «Есть хорошие мысли во всяком роде: иные в отношении к нам самим, другие к Богу, ко Христу и другим предметам».

Невед.: «Что же, по-вашему, хорошие мысли в отношении к нам?»

Хр.: «Если мы судим о себе, как судит нас Слово. Для большей ясности скажу, что Слово Божие говорит о людях, что они по природе своей грешны. „Нет праведного ни одного... нет делающего добро, нет ни одного“ (Рим. 3:10–12). Еще сказано: „Воображение сердца — зло с самой юности“. Далее: „Всякая мысль сердца человеческого одно зло, и оно непрестанно“. Итак, если мы судим о себе таким образом, понимая, что это верно, то наши мысли хорошие, потому что они соответствуют Слову Божьему».

Невед.: «Никогда не поверю, что мое сердце такое злое».

Хр.: «И потому ты не имеешь ни одной хорошей мысли в отношении себя. Но дай мне кончить. Точно так же, как Слово судит о нашем сердце, так оно судит и о нашем образе жизни. И если наши сердечные мысли и наши действия соответствуют сказанному в Слове Божьем, тогда все в нас правильно, потому что согласно с Словом».

Невед.: «Изложите яснее».

Хр.: «Если Слово Божие говорит, что пути человека — пути кривые, превратные, этим, конечно, оно объявляет, что они, т. е. люди, покинули хороший путь и не ведают его (Пс. 124:5; Прит. 2:15). Если же и человек судит о своих путях так же, т. е. если он искренно и смиренно осуждает свои пути, то мысли его насчет его образа жизни хороши и правильны, потому что согласуются с суждениями Слова Божия о путях человека».

Невед.: «А что вы понимаете под хорошими мыслями в отношении к Богу?»

Хр.: «Так же, как я объяснял хорошие мысли в отношении к себе. Когда наши понятия о Боге согласуются с тем, что о Нем сказано в Слове, т. е. когда мы познаем Его существо по указаниям Его Слова, мы имеем хорошие и верные понятия. И мы тогда убеждаемся, что Он знает нас лучше, чем мы себя знаем, и видит в нас даже такие грехи и тогда, когда мы сами в себе ничего дурного не замечаем, и знает все наши сокровенные мечты, так как наше сердце со всеми своими закоулками всегда откровенно перед ним. Тогда только мы можем убедиться, что наша мнимая праведность ничто иное, как гниль, и потому Он не может позволить нам ложное и неосновательное упование, даже и на самые лучшие дела наши».

Невед.: «Разве вы меня считаете таким глупцом, чтоб думать, что Бог не видит глубже меня? Или что я могу прийти к Нему, совершая добрые дела?»

Хр.: «Так что же и как же ты думаешь?»

Невед.: «Короче сказать, я думаю, что мне надо верить во Христа для моего оправдания».

Хр.: «Ты думаешь, что надо тебе верить во Христа, не сознавая, однако, всей необходимости быть сокрытым в Нем? Ты еще не познал ни природной, ни действительной своей немощи, и ты о себе и о своих делах высокого мнения,

что ясно доказывает, что ты один из тех, которые еще никогда не чувствовали потребности в Христовой личной праведности для оправдания своего перед Богом. Как же ты говоришь, что веруешь во Христа?»

Невед.: «Я верую достаточно для всего этого».

Хр.: «Но как ты же веруешь?»

Невед.: «Я верую, что Христос умер за грешников, и что я буду освобожден Богом от проклятия, потому что Он милостиво примет мою покорность Его закону. Или так: Христос своими заслугами сделает мои религиозные действия и труды достойными быть принятыми Отцом, и, таким образом, я буду оправдан».

Хр.: «Позволь мне ответить на твоё исповедание веры. Первое: ты веруешь мечтательной верой — таковая вера нигде не описана в Слове. Второе: ты веруешь ложной верой, потому что это отнимает от личной праведности Христа славу твоего оправдания ею, а приписывает его твоей мнимой праведности. Третье: таковая твоя вера представляет Христа не оправдателем твоим, но твоих дел, и ради них только отчасти твоим, что ложно. Четвертое: поэтому эта вера обманчива, а именно такая, которая оставит тебя под гневом в день Суда Всемогущего Бога. Ибо истинная, оправдывающая вера заставляет душу (которая поняла, что она погибла перед законом) искать убежища в Христовой праведности, которую истинная вера признает безусловно. Под этим покровом душа скрыта и в безопасности, и представлена непорочной пред лицом Бога, Который принимает ее и избавляет от осуждения».

Невед.: «Что? Вы хотите, чтобы мы уверовали, будто бы Христос один все совершил без нашего содействия? Такое убеждение распустило бы бразды наших страстей, а дозволило бы нам жить согласно нашим желаниям. Что за нужда заботиться о том, какой образ жизни следует вести, если мы уже спасены и оправданы Христовой праведностью, лишь только мы в нее уверуем».

Хр.: «Твое имя Неведующий, и таков ты и есть, потому что ответ твой это доказывает. Не ведаешь ты, что есть оправдывающая праведность, и не ведаешь ты также, как ею спасти свою душу от тяжкого гнева Божия. Увы! Ты невежда действий этой спасительной веры в праведность Христа, действие истинное, которое состоит в покорении и отдаении сердца Богу, в любви к Христу, к Его Слову, к Его путям, к Его народу, а не к тому, что ты, как несведующий человек, воображаешь».

Упов.: «Спроси его, открылся ли ему Христос с Неба».

Невед.: «Что! Вы из тех, которые признаете откровения! Вижу теперь, что суждения ваши и людей вашего сорта не что иное, как плод расстроенного воображения».

Упов.: «Помилуй, что ты! Христос по существу своему в таком единении с Богом, что никак не может быть спасительно познан людьми, если Бог Отец Сам не откроет Его душе человека».

Невед.: «Эта вера ваша, а у меня своя. Но моя, я не сомневаюсь, нисколько не хуже вашей, хотя во мне нет столько причуд, сколько у вас».

Хр.: «Позволь мне еще прибавить несколько слов. Не следует тебе так поверхностно рассуждать об этом вопросе. Я могу, по крайней мере, утвердительно сказать, как и мой товарищ, что никакой человек не может познать Христа, если ему того не откроет Сам Бог Отец (Мат. 16:17). И даже веру, посредством которой душа прилепляется ко Христу, т. е. истинную веру, не может он иметь иначе, как получив ее в дар по великой милости и по всемогуществу Его (1 Кор. 2:12). О действии на душу такой веры, я вижу, бедный юноша, что ты вовсе не ведаешь. Проснись же скорей и взгляни на твое нищенство, беги к Господу Иисусу и посредством Его праведности, которая есть праведность Божия (ибо Он сам Бог), ты будешь избавлен от вечного осуждения».

Невед.: «Вы ходите так скоро, что я за вами не поспею. Поэтому идите вперед. Я предпочитаю ходить от вас поодаль».

Тогда Христианин обратился к Уповающему:

Хр.: «Так пойдем вперед, добрый товарищ, я вижу, что нам с тобой придется снова идти одним».

И я заметил, что они прибавили шагу, а Неведующий отстал и тащился один.

Хр.: «Меня огорчает этот бедный юноша. В конце пути жутко ему придется».

Упов.: «Увы! В нашем городе множество людей в таком роде, целыми семействами... что я говорю, целыми улицами, и меж ними многие называют себя пилигримами. И ежели так много таких между нашими, сколько, думаешь ты, таковых на его родине?»

Хр.: «Верно гласит Слово: „Он ослепил очи их, дабы они не узрели“ и прочее. Но теперь, между нами, как ты понимаешь этих людей? Ужели ни в какое время они не чувствуют и не сознают своей греховности? И неужто они никогда не догадываются, что они в опасности?»

Упов.: «На эти вопросы отвечай сам, ты ведь старше меня».

Хр.: «Мне кажется, что изредка с ними это случается. Но в своем полном неведении они не понимают, что такие убеждения внушены им Господом ко спасению, и потому они всеми силами стараются заглушить в себе всякое сознание греха и опасности и продолжают с надменностью ласкать себя надеждой, что сердце привело их на испытанный путь и хранит их на нем».

Упов.: «Я разделяю твое мнение и нахожу, что страх часто полезен человеку, потому что принуждает его с самого начала обсуждать путь свой».

Хр.: «Полезен, если это именно страх Божий, а не другой, ибо сказано в Слове: „Страх Господень начало мудрости“» (Иов. 28:28).

Упов.: «Как ты объясняешь этот страх?»

Хр.: «Истинный, полезный страх узнается по трем признакам. Во-первых, по возбудившей его причине, которая должна быть: спасительное сознание греха. Во-вторых, через непреодолимое побуждение увериться, что Христос может и хочет спасти нас Своей праведностью и искупить Своей смертью от осуждения за грех. В-третьих, этот страх должен в нас порождать и поддерживать искреннее Богопочитание и внимание к Его Слову, к Его путям.

Он смягчает наше сердце и внушает боязнь отшатнуться от истинного пути, оскорблять Господа, и мы тогда тщательнее остерегаемся потерять дарованный мир, огорчать Духа и давать право лукавому быть нашим обвинителем перед Богом».

Упов.: «Ты очень хорошо все это объяснил, и я вполне уверен, что все так, как ты сказал. Но разве мы не скоро выйдем из пределов Обворожительного Края?»

Хр.: «Тебя утомляет наша беседа?»

Упов.: «О нет, но я желаю знать, где мы находимся теперь».

Хр.: «Нам недалеко до пределов этой страны. Но вернемся к нашему разговору. Итак, несведущие в Писаниях не ведают, что убеждения, внушающие им страх — для их пользы, и потому заглушают их».

Упов.: «Но как это они заглушают страх?»

Хр.: «Они полагают, что страх этот внушен им лукавым; другие же из них приписывают это (а именно те, которые считают себя людьми образованными) какому-нибудь физическому расстройству здоровья, действующему на их воображение и мировоззрение, и при таком образе мыслей они борются против чувства страха, который неприятно действует на их ежедневные занятия, либо стараются заглушить его рассеянной жизнью в обществе людей суетных. Другие полагают, что малейшее чувство страха может уничтожить в них веру, не разбирая даже, имеют ли они ее в сердце и на чем она у них основана, на предположениях ли, на умствовании, светском мировоззрении или на Слове, и потому ожесточают свое сердце ко всякому признаку страха. Иные гордо уверяют, что бояться совершенно нечего, что они живут по внушению своего разума и потому с каждым днем они все самодовольнее и самоувереннее. Еще другие полагают, что страх порождает недоумение и нерешительность, даже в действиях, признанных всеми за хорошие и религиозные, и что он только смущает людей, стремящихся к совершению добрых дел, внушая некоторое сомнение в действительности их для спасения, и потому они постоянно заглушают в себе страх, который от Бога».

Упов.: «Я кое-что из этого сам испытал: перед тем как я познал себя, таковы были и мои мысли».

Хр.: «Мы теперь на время оставим в покое Неведующего и рассмотрим другой вопрос. Знал ли ты около десяти лет тому назад одного человека по имени Временитель, который жил в нашем околотке и был горазд в исполнении всяких религиозных наружных обрядностей?»

Упов.: «Конечно, знал. Он жил в городе Без Благодати, верстах в десяти от Честности, возле дома некоего Отступника».

Хр.: «Именно, они обитали под одной крышей. Одно время этот Временитель образумился, познал свою греховность и то, что его за это ожидает в жизни будущей».

Упов.: «Я думаю, что в самом деле он одно время опомнился. Мой дом был от него в 15-ти верстах, однако он часто забегал ко мне весь в слезах. Мне его

было искренно жаль, и я даже сильно рассчитывал на него, но вот именно можно сказать, что не все взывающие „Господи, Господи!“ спасутся».

Хр.: «Однажды он мне объявил, что решил отправиться в пилигримство, как мы теперь, но вдруг он познакомился с одним Самоспасаящимся, и мы совершенно с ним раззнакомились».

Упов.: «Давай рассмотрим причины этого внезапного отступничества в тех, которые подобно ему сначала как будто бы искренно одумываются и желают спастись от будущего гнева».

Хр.: «Это нам может быть полезным, но начни сам».

Упов.: «Пожалуй. По-моему, на это бывают четыре причины. Первая: хотя совесть таких людей проснулась, но сердце у них не изменилось. И потому, когда чувство виновности и страха гибели в них остывает, то и побуждение к религии утихает, и они вскоре возвращаются к старым привычкам. Для наглядного сравнения я приведу в пример собаку, которая, объевшись непривычной ей пищей, все из себя извергает, потому только, что это беспокоит ее желудок. Но когда тошнота миновала и желудок успокоился, то она возвращается к изблюенной пище и снова ее проглатывает, как сказано в книге: „пес вернулся к своей блевотине“. Так, говорю я, и эти люди. Они с горячностью мечтают отправиться по пути, ведущему к Небу, возбужденные к тому овладевшим ими страхом вечного осуждения. Но лишь только они высказали свой ужас и он в них затих, то в то же время в них остывает рвение к небу и к своему спасению, и они возвращаются к прежнему образу жизни. Вторая причина, мне кажется, это их рабский страх к людскому мнению, который совершенно связывает их свободу действий. «Страх перед людьми ставит сеть». Они ревностно стремятся к Небу, пока они под страхом вечного осуждения, но вскоре начинают обдумывать и приходят к заключению, что следует быть мудрым в жизни и не рисковать настоящими благами земными, вводя себя в неприятные отношения с людьми ради чего-то неизвестного (Прит. 20:25). Третье: осмеяние и стыд, которыми клеймят истинно верующих, тоже служат для них камнем преткновения. Они горды и своевольны, а жить по вере Христовой по их мнению глупо, пошло и даже низко. И когда проходит в них страх к угрожающей геенне, они возвращаются к ежедневной приятной жизни. Четвертое: чувствовать свою виновность и ужасаться угрожаемого ада для них невыносимо. Они не останавливают своего взора прежде всего на свое недостойнство и падение, что, быть может, подстрекнуло бы их в самом деле покинуть свои пути и броситься с раскаянием к стопам милосердного Бога. Но, избегая невыносимого для них чувства страха и унижения, они разными умствованиями заглушают это в себе и стараются окаменить сердце к подобным волнениям совести, избирая с этой целью пути, которые тому способствуют».

Хр.: «Ты очень порядочно объяснил это. Основательная причина всему этому то, что не изменилось в них ни сердце, ни воля. И потому они как каменный перед судьей. Он дрожит от ужаса и, кажется, искренно раскаивается.

В сущности же, в нем другого чувства нет, как страх казни; у него нет даже и ненависти к совершенному преступлению, и пусти этого человека на свободу, он тотчас покажет себя тем же злодеем, каким был, тогда как если бы душа в нем изменилась, он стал бы другим человеком».

Упов.: «Я тебе указал на причины отступничества, а ты теперь укажи, каким образом это совершается».

Хр.: «Охотно. Они удаляют от себя всякую мысль о Боге, смерти и будущем Суде. Потом постепенно покидают одну за другой личные обязанности, как-то: домашнюю молитву, борьбу со страстями, бдительность над собой, скорбь о грехе и прочее. Они избегают общества ревнителей христианства и вообще искренних христиан, находя их скучными, причудливыми, отсталыми и часто безумцами. После они становятся равнодушными к молитве и обязанностям, как-то к слушанию, к чтению и всякому участию в христианских беседах и собраниях и прочее. Потом с жадностью подмечают слабые стороны чад Божиих и открыто, злобно насмехаются над ними, сами же принимают некоторые наружные виды христиан, чтобы с большим правом осуждать не всегда твердого в исполнении христианина. И это они совершают, как истые ученики сатаны. После они начинают соглашаться и сообщаться с безбожниками, отступниками и развратниками и находят удовольствие в их обществе. Потом они втихомолку вдаются в нечестивые беседы и счастливы, если подметят нечто в этом роде в ком-либо из верующих, дабы исполнять это более открыто, ссылаясь на показанный им пример. Тогда они начинают жить, не скрываясь, в небольших (по мнению мира) грехах, и наконец, ожесточив мало-помалу свое сердце, они себя показывают какими они есть. Итак, они снова ввержены в бездну греховную (если какое чудо благодати не остановит их вовремя) и погибают навеки среди своего самообольщения».

Страна Сочетания

Тут я заметил, что пилигримы в это время вышли из пределов Очарованной страны и вступили в страну Сочетания, где воздух чистый, дорога ровная, и они некоторое время наслаждались всем окружавшим их зрелищем. Птички звучно распевали, и цветы самые благоуханные ежедневно вырастали из земли, а голос горлицы звонко раздавался. Здесь солнце светит днем и ночью. Эта страна далеко от долины Смертной Тени и от Великана Отчаяния, и отсюда нельзя никак разглядеть Замка Сомнения. Зато ясно виден Небесный Град, цель всего путешествия. Тут встретили они и некоторых жителей этого Града, так как это была та страна, где начинались пределы Неба. И там нередко прохаживались светлые существа. Здесь также был заключен новый союз Жениха и Невесты, и как жених радуется невесте своей, так Бог радуется при виде Своих искупленных. Наши странники не нуждались здесь ни в хлебе,

ни в вине, ибо они нашли в изобилии все то, чего с трудом искали во все время своего пилигримства. Они даже слышали голоса из самого Града, громко зывавшие к ним: «Скажите дочери Сиона: вот идет твое спасение; вот приносит Он с собой награду». И обитающие чудной страны восклицали к ним: «Святой народ, искупленный Господом».

В этой дивной стране они встретили более радостей, чем во всех отдаленных местах, через которые проходили, и чем ближе приближались к Граду, тем ясней и полней видели его. Он был выстроен из жемчуга и дорогих камней, а улицы вымощены золотом, так что от блеска города и отражавшихся на нем солнечных лучей Христианин получил такое желание скорее вступить в него, что с ним сделалось дурно. Уповающий почувствовал то же самое. Они прилегали на время и, рыдая от изнеможения, восклицали: «Если увидишь моего Возлюбленного, скажи Ему, что я страдаю от любви!» (Песн. 5:8).

Собравшись с силами, они продолжали путь, встречая на каждом шагу цветники, виноградники, сады с отворенными дверьми для свободного входа. Когда они подошли ближе, они заметили на дороге садовника, которого спросили: «Чьи эти чудные виноградники и сады?» — «Они Царевы, — ответил он, — и устроены здесь для Его удовольствия и для наслаждения пилигримов». И садовник ввел их в виноградник и предложил им вкушать отличных плодов. Он показал им также Царские аллеи и беседки, в которых Царь любил прохаживаться, и в одной из них они остановились переночевать и сладко уснули.

Тут я заметил, что они во сне более говорили, чем во весь день и во все время путешествия. И я над этим призадумался, как вдруг слышу слова садовника: «Зачем ты над этим призадумался? Это качество винограда, которого они вкусили, — засыпать так сладко, что уста спящих начинают говорить!»

Когда они проснулись, то пожелали идти далее. Но, как я уже сказал, отражение солнечных лучей на город (который был весь из литого золота) давало зданиям такой ослепительный блеск, что странники не могли на него смотреть с открытыми глазами, но должны были употреблять инструмент, нарочно для этого изготовленный. И я заметил, что когда они стали подходить к Небесному Граду, к ним вышли навстречу двое юношей в одеждах, блестящих, как золото, лица же светились, как солнце.

Эти двое юношей спросили пилигримов, откуда они и где ночевали, и какие трудности имели на своем пути, также какие радости и утешения. На все они дали верный и подробный ответ. Тогда один из юношей сказал им: «Вам предстоит вынести еще две трудности, после чего вы войдете в Небесный Град».

Христианин и его товарищ попросили юношей идти с ними вместе, на что они согласились. «Но, — прибавили они, — вы должны получить это по вере вашей». И я увидел, что они пошли вместе до самых ворот Града.

Страшная река

Но между ними и Воротами протекала река по имени Смерть, через которую не видать было моста, а река была глубокая. При виде этого пилигримы смутились, на что юноши объявили им, что им должно перейти реку, иначе нельзя дойти до Ворот.

Однако они стали расспрашивать, нет ли другой дороги. «Да, но по ней только двум было дозволено проходить с самого сотворения мира, а именно Еноху и Илии, и никому это не будет дозволено до той поры, пока не раздастся последний трубный звук». Пилигримы, а в особенности Христианин, впали в тоску, услышав это, и глядели вправо и влево. Но ничего не представилось их взорам такого, что бы могло избавить их от реки. Они тогда спросили юношей, не теперь ли время полноводия. «Нет, — отвечали они, — и мы вам помочь не можем никак, ибо воды покажутся вам глубже или мельче, смотря по вере вашей в Царя этой страны».

Оба товарища решились войти в воду, но лишь только Христианин увидел себя в реке, как испугался, начал тонуть и закричал своему другу: «Я тону в водах глубоких; волны покрывают голову мою, и все струи текут надо мной».

Уповающий ответил ему: «Мужайся, брат, я чувствую дно, и оно твердо». Но Христианин воскликнул: «Увы, друг мой, скорбь смерти овладела мной, и не увижу я страны, где струятся молоко и мед».

При этих словах страшная тьма и ужас объяли Христианина, и он ничего не видел перед собой. Он был в беспамятстве и не мог ни вспоминать ни о чем, ни говорить. Изредка произносил он несвязные слова, доказывающие, что его душа в ужасе и что сердце дрожит от страха погибнуть в реке и не вступить в Небесные Ворота. Притом память прежних совершенных им грехов до путешествия и после терзала его и мучила. Ему казалось, что над ним радуются злые духи, готовые унести к себе оскверненную грехом душу его. Уповающий с трудом поддерживал своего товарища над водами, иногда от утомления выпускал его из рук, и тогда Христианин совсем исчезал под волнами, чтобы снова явиться на поверхности после некоторого времени полуживым. Уповающий всеми силами старался ободрить его, говоря: «Брат, вот я уже вижу Ворота, и там стоят люди, готовые принять нас». Но Христианин слабо отвечал: «Тебя, тебя одного они ожидают, друг мой, ты всегда был Уповающим, с самого начала». «И ты также, брат», — утешал его товарищ. «Нет, друг, если б я был таким, Он бы пришел теперь спасти меня, но за грехи мои я теперь попал в эту западню и погибну».

Уповающий возразил: «Милый брат, разве ты забыл слова: «Они смертью будут связаны, ибо тверда их сила: они не смущены подобно другим, и не будут мучимы как другие». Это смущение и ужас, которые объяли тебя, не знак,

что тебя Господь оставил, но это тебе дано для испытания твоего, вспомни все, что ты получил по Его милости, и возложи на Него всю свою скорбь». Тогда я увидел, что Христианин стал ободряться и размышлять. И тут Уповающий прибавил: «Мужайся, друг, и не страшись: Иисус Христос оживит тебя!» Вдруг Христианин громким голосом воскликнул: «О, вот Он! Я снова вижу Его, и Он мне говорит: „Когда ты пройдешь через воды, Я буду с тобой, и реки не накроют тебя“». И тут оба ободрились, а враг при этих словах остался недвижим, как окаменелый. Христианин вскоре почувствовал под ногами дно, и оставшая часть реки показалась им мелководной. Таким образом прошли они эту страшную реку.

Таким образом прошли они эту страшную реку.

Вдруг Христианин громким голосом воскликнул: «О, вот Он! Я снова вижу Его...»

Отчизна

На том берегу встретили их два светлых существа, которые были при них у входа в реку. Увидев обоих пилигримов выходящими из воды, они приветствовали их словами: «Мы служащие духи, посланные для служения тем, которые наследуют спасение». Все направились к Воротам. Надо здесь заметить, что Небесный Град стоял на возвышении, но пилигримы поднялись по ней с большой легкостью, потому что светлые духи поддерживали их. Они оставили в реке свои земные одеяния и вышли из воды нагими. По горе подымались они быстро и легко, хотя эта гора была выше облаков, и, проходя различные слои воздуха, они, однако, не чувствовали ни малейшего утомления, поддерживаемые светлыми духами, с которыми радостно беседовали. Разговор их касался исключительно славы и блеска этого края. Духи передали им, что описание Небесного Города невозможно ни на каком человеческом языке. «Там увидите, — говорили они, — гору Сион, небесный Иерусалим и бесчисленное множество ангелов и душ искупленных. Вы войдете теперь в Божий Рай, где увидите дерево жизни и вкусите плоды его, и там вы получите белые одежды и постоянно будете в присутствии Царя во все дни вечности. Там вы не узрите более того, что встречали на земле: скорбь, болезнь, воздыхания и смерть, ибо все прежнее миновало. Вы найдете здесь Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков, и тех, которых Господь избавил и удалил от будущих страданий, и здесь все ныне покоятся, живя в праведности». Пилигримы спросили их: «Какое будет там наше занятие?» — «Вы там станете получать утешение за ваши скорби и труды, и радость за вашу печаль на земле. Вы будете пожинать, что посеяли, а именно: обретете плоды ваших молитв, слез и страданий за Царя. Там наденут на ваши головы золотые венцы, и вы постоянно будете наслаждаться присутствием Святого, ибо вы там увидите Его каким Он есть. Вы будете Ему служить, воспевая Ему хваление и благодарение. Ему, Которому вы так желали служить на земле, хотя с затруднениями и непостоянством по немощи вашей. Очи ваши с восторгом узрят лик Царя царей, а уши ваши будут внимать гласу Всемогущего. Вы снова свидитесь с прежними друзьями, которые вам предшествовали, и там встретите с радостью и тех, которые придут после вас. Вы будете облечены славой и величием и сядете в колесницах в обществе Царя Славы. Когда Он явится на облаках небесных с трубным звуком, и вы явитесь с Ним, как на крыльях ветра, и когда Он воссядет на престол Свой в день Судный, вы будете при Нем. И когда Он произнесет приговор Свой против всех творящих нечестие, будь они ангелы или человеки, и вы будете иметь голос на Суде, потому что они были врагами Его и вашими. И когда наконец Он вернется в Свой Град, и вы вернетесь с Ним при звуке трубном и будете с Ним вечно».

Как только подошли они к Воротам, то к ним вышли навстречу целое множество небесных духов, которым два светлых духа, сопровождавшие пилигримов, сказали: «Се мужи, возлюбившие Господа нашего, когда еще были

на земле. Они оставили все ради Его святого имени, и Он послал нас за ними, чтобы привести их сюда, дабы они получили радость узреть своего Икупителя». Небесный хор с громкими возгласами воскликнул: «Блаженны званные на брачную вечерю Агнца». Тут подошли к ним и много Царских трубачей, одетые в белые светящиеся одежды, с чудной музыкой и громкими возгласами, которым вторило небесное эхо, и они присоединились к прочим для сопровождения пилигримов. Они приветствовали Христианина и Уповающего трубным звуком и громкими восклицаниями радости.

После того все распределились по своим местам. Часть из них шла впереди, другие по обеим сторонам, а остальные позади, и им показалось, что все жители Неба пришли к ним навстречу с пением, трубным звуком и возгласами торжества, так что, не доходя еще до Неба, они предвкушали радость быть в обществе ангелов и служителей Господних. Они видели перед собой Небесный Град, в котором звонили во все колокола, дабы приветствовать их с большей торжественностью. Но более всего этого видимого торжества утешало их внутреннее чувство, что здесь будет для них вечная обитель среди бесчисленных духов и ангелов. Каким языком или пером можно описать эту небесную радость?

Царский трубач

Они дошли до Ворот. На дверях была надпись: «Блаженны соблюдавшие Его заповеди, ибо получили они право на дерево жизни», и странники вошли в Город через Ворота.

Тут оба светлые их спутники приказали им постучать. Как только они это исполнили, кто-то выглянул над воротами. То были Енох, Моисей, Илия и другие, которым было сказано: «Эти пилигримы вышли из града Разрушения из любви к нашему Царю». Тут пилигримы вручили полученные ими в начале путешествия свидетельства, которые были тотчас отнесены к Царю. Он спросил: «Где эти люди?» Ему ответили: «Они вне Ворот». Царь приказал отворить Ворота, дабы «праведный народ, хранящий истину, мог войти», — сказал Он.

Тут увидел я, что пилигримы вошли в Ворота, и когда перешли через них, они вдруг преобразились и были облечены в одеяния, блестящие как золото. К ним подошли некоторые с арфами и венцами и вручили каждому арфу для хваления и венец славы. И все колокола зазвонили с ликованием, и слышан был голос, обращенный к ним: «Войдите в радость Господа вашего». А окружающие громко воспели: «Благословение, честь, слава и сила Ему, сидящему на Престоле, и Агнцу во веки веков». Пока ворота были отворены, я туда заглянул и увидел, что город блестит как солнце, улицы вымощены золотом, а по ним прохаживаются люди с пальмами в руках, с венцами на головах и с арфами, на которых они играли хваления. Тут были и крылатые духи, которые вторили друг другу и безостановочно воспевали: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф». Но тут же затворились ворота, и мне сильно захотелось быть с ними в Небесном Граде.

Но пока я размышлял о всем виденном и слышанном, я случайно обернулся назад и увидел Неведующего, который был на берегу реки. Он ее переплыл почти без всякого затруднения. Тут случился некий перевозчик по имени Напрасноуповающий, который перевез его на своей лодке. Я видел, что Неведующий поднялся на гору совершенно один и никто не приветствовал его нигде. Когда он подошел к Воротам и прочел надпись, то стал стучать в дверь, рассчитывая, что тотчас будет ему разрешен вход в Город. Но кто-то над воротами спросил его: «Откуда и что нужно?» Он отвечал: «Я ел и пил в присутствии Царя, и Он учил на наших улицах». Его просили показать свидетельство для передачи его Царю. Но он напрасно шарил в пазухе — ничего не мог представить. Его спросили: «Нет разве у тебя свидетельства?» Человек молчал. Пошли доложить Царю, который не пожелал идти Сам, а повелел двум светлым духам, сопровождавшим Христианина и Уповающего, выйти к Неведущему и, связав ему руки и ноги, выбросить вон. Они его подняли и понесли по воздуху до самой двери, которую я заметил на левом склоне горы, и ввергли его туда. Я тогда убедился, что есть путь, ведущий в ад не только из города Разрушение, но и от самых Ворот Неба. И я проснулся, и вот все это было одно сновидение.

Они его подняли и понесли по воздуху до самой двери, которую я заметил на левом склоне горы, и ввергли его туда.

Послесловие

Я рассказал мой сон, друзья! Постарайтесь его объяснить для пользы своей, моей и ближнего. Но не поймите его ложно, ибо тогда получите только один вред. Остерегайтесь и того, чтобы не принимать буквально аллегорию моего сновидения, и да не внушит она вам только смех и критику. Предоставьте такое воззрение безумцам и мальчишкам, но сами выберите из нее суть моей идеи. Одерните занавес, подымите покрывало и разьясните мои метафоры, но не забудьте употребить в пользу то, что найдете хорошим. А когда заметите мусор, не бойтесь отбросить его, сохранив одно золото. Быть может, мое золото еще закрыто в руде? Никто не бросает яблока из-за сердцевины, но если вы бросите от себя здесь описанное, считая за бессмыслицу, то мне, пожалуй, приснится другого рода сновидение...

Часть II. Христиана и ее дети

Христиана и ее дети

Любезные спутники! Я недавно передавал вам, что видел относительно Пилигрима-Христианина и его трудного путешествия в Небесный Град. Этот рассказ был для меня приятным, а для вас полезным занятием. Помнится мне, что я вам сказал кое-что о жене его и детях, как они не сочувствовали его желанию покинуть родину. Поэтому он и решился с ними расстаться и уйти один, не смея оставаться долее, чтобы не погибнуть со всеми жителями города Разрушение.

По моим различным и многочисленным занятиям я долго не мог путешествовать по тем странам, по которым он проходил, и не успел осведомиться о тех, которых он покинул. Недавно, однако, я снова посетил эти пределы, поселился в соседнем лесу, версты полторы от города, и когда однажды заснул, мне приснилось следующее:

Вижу человека пожилых лет, который проходил мимо того места, где я лежал, и так как он шел по одному пути со мной, я подумал, что приятнее будет мне идти вместе с ним, и потому поднялся с места и подошел к нему. Отправились мы, и, как водится, вступили в разговор. Речь наша случайно коснулась Христианина и его пилигримства. Я начал так:

«Не знаете ли, почтенный, что это за город там внизу с левой стороны от нашей дороги?»

Г-н Проницательный, так его называли, отвечал мне: «Это город Разрушение, очень населенное место, но в котором жители в худом состоянии и притом страшно беспечны». «Так я и думал, что это именно этот город и есть, —

сказал я. — Я однажды посетил его, и потому могу подтвердить, что ваше мнение о нем справедливо».

Прониц.: «Увы! И очень верно. Мне приятнее было бы, не уклоняясь от истины, дать лучший отзыв об этом месте».

«Я вижу, вы человек благомыслящий, которому отрадно и слышать, и говорить доброе. Прошу вас, скажите мне, не слышали ли вы, что случилось с одним жителем этого города по имени Христианин, который несколько времени назад отправился в пилигримство к высшим областям?»

Прониц.: «Как не слышать! Еще бы, и даже узнал, через какие неприятности, смущения, сражения, ужасы и страх он прошел во время путешествия. Притом я должен вам сказать, что весь наш околоток о нем толкует. Мало домов, знавших его и его приключения, которые бы не интересовались подробностями его пилиgrimства. Мне кажется, и даже могу утвердительно сказать, что его смелое решение внушило многим глубокое к нему сочувствие. Пока он жил там, его считали безумцем, но лишь только он от них вышел, то о нем возымели высокое мнение. Говорят, он отлично зажил там, где находится теперь; даже те, которые никогда не решатся следовать его примеру, завидуют его счастливой участи».

«По-моему, — отвечал я, — они здраво рассуждают, сознавая, что ему там жить привольно. Он живет в Источнике жизни, без труда и печали. Но скажите, что же о нем говорят?»

Прониц.: «Говорят много и различно. Иные, что он теперь облечен в белую одежду, а на шее носит золотую цепь. На голове его будто бы золотой венец с жемчугом (Откр. 6:11). Другие толкуют, что светлые существа, которые иногда ему являлись во время путешествия, теперь его близкие товарищи, и что он с ними в таких же дружеских отношениях, как здесь сосед с соседом. Притом утверждают, что Царь той области, где он находится, наградил его богатой и роскошной обителью в Его чертоге, и что он ежедневно ест, пьет, беседует и прохаживается с Ним, получая улыбки и милости от Того, кто Судья всех. Кроме того, толкуют, будто бы Царь этой области вскоре прибудет в наши места и спросит причину, почему здешние жители так его презирали и осмеяли, когда он решился начать странствование (Зах. 3:7). И даже уверяют, что он, Христианин, в такой милости теперь у Царя, что за несправедливости, соделанные ему здесь, Монарх осудит их, как за соделанные Ему Самому. И немудрено, ведь из одной любви к Царю он решился совершить путешествие».

«Я в этом уверен, — отвечал я, — и радуюсь за этого бедного человека, что он теперь отдыхает от своих трудов. Он пожинает радость за пролитые им слезы, он теперь в безопасности от всяких стрел врага, и от тех, которые ненавидели его. Я очень доволен также, что слух об этом распространился по всему околотку. Кто знает, это может быть полезным для оставшихся! Но позвольте спросить, пока я не забыл, не знаете ли вы чего о его жене и детях? Бедняжки! Что стало с ними?»

Автор и г-н Проницательный

Прониц.: «Христиана и ее сыновья? Они, кажется, на хорошем пути, также как и он был. Хотя они вначале показали себя безумными и, не внимая просьбам и слезам Христианина, решились не идти с ним, однако впоследствии одумались. И потому, собрав все пожитки, пошли его отыскивать» (Лук. 10:16; Откр. 14:15).

«Отлично, — сказал я, — так неужели и жена его и все дети пошли?»

Прониц.: «Да. Я могу это сказать утвердительно, так как был личным свидетелем этого события и знаю все подробности дела».

«О, в таком случае, — сказал я, — можно считать это за истину».

Прониц.: «В этом будьте уверены. Я повторяю, что они все, мать и ее четыре сына, пошли в пилигримы. И так как я вижу, что нам с вами еще долго предстоит ходить вместе, то могу вам рассказать в подробности, как все это случилось. Женщина эта, Христиана (она приняла это имя в самый день, когда пустилась с детьми в путешествие), лишь только муж ее перешел через реку Смерти и она о нем не могла более иметь известий, стала раздумывать свое прошедшее и будущее. Во-первых, она страдала от незаменимой потери доброго мужа, чувствуя, что меж ними теперь прерваны все узы любви,

...Христиана... стала раздумывать свое прошедшее и будущее.

и проливала немало горьких слез. По природе нашей, говорила она мне, мы, живые, не можем не грустить о дорогих сердцу, которых лишились. Потом Христиана стала обсуждать свое дурное обращение с мужем и думала, что эта единственная причина их разлуки. И тут стали осаждать ее душу все ее жесткие, несправедливые выходки против дорогого ей друга, и эти мысли так заполнили ее совесть, что бремя виновности камнем лежало на ней. Притом она сильно скорбела, вспоминая его бессонные ночи в слезах и стенаниях, как он ее упрасивал сопутствовать ему с детьми и как она ожесточила свое сердце против него. И всякое слово и всякое действие Христианина перед тем, как он решился искать избавления от бремени, живо представлялось ее памяти, и сердце ее разбивалось надвое от жгучего горя. В особенности последний его возглас из глубины души: „Что мне делать, чтобы спастись?“ раздавался в ее ушах раздирающим воплем (Прит. 13:14; Иоан. 8:12).

Тогда она обратилась к своим детям со словами: „Милые сыновья мои, мы погибли! Я согрешила против отца вашего, и он теперь далеко от нас. Он хотел меня взять с собой, а я воспротивилась его желанию. И вам я помешала получить жизнь“. При этих словах мальчики залились слезами, умоляя ее идти с ними отыскивать отца. „О, — вопила Христиана, — зачем мы не пошли с ним! Нам было бы теперь гораздо лучше, и притом сколько горя мы еще должны ожидать! И хотя я прежде, по безумию своему, воображала, что печаль вашего отца происходила от одного расстроенного воображения или от склонности к меланхолии, теперь не выходит у меня из головы, что тому была иная причина, а именно, что ему был дарован свет жизни, и при помощи этого он, как я теперь вижу, избежал сетей смерти“. И все снова воскликнули: „О, горе нам, несчастным!“ На следующую ночь Христиане приснился сон. Она видела, что кто-то развертывает перед ее глазами длинный сверток пергамента, на котором были записаны все ее прегрешения, и они ей показались такими многочисленными и черными, что ужас овладел ею... Она громко воскликнула во сне: „Господи! Милостив будь ко мне, грешной!“ (Лук. 18:13). И дети услышали ее возглас.

Тут ей показалось, что перед ее постелью стоят два человека неблагоприятной наружности и о чем-то рассуждают между собой. Голоса их все более и более возвышались, и она ясно услышала: „Что нам делать с этой женщиной? Днем и ночью она все призывает помилование Господне. Надо нам найти средство отвлечь ее от подобных мыслей, ибо если она так будет продолжать, мы ее упустим, как упустили ее мужа. Чем бы помешать ей заботиться о будущности? А то позднее никакая земная власть не будет в силах ее удержать“.

Когда она проснулась, то почувствовала, как будто мороз пробегает по ее жилам, и сильная дрожь напала на нее. Но после некоторого времени она снова заснула. И вот видит она своего мужа, Христианина, стоящего между бессмертными с лирой в руке, на которой он играл перед Кем-то, сидящим на престоле, над головой Которого стибалась яркая радуга. Она увидела, что в это время ее муж пал ниц на землю (которая была вымощена драгоценными

каменьями и служила подножием престола) и сказал: „От глубины души благодарю Тебя, Господи Царь мой, что привел Ты меня в сие место!“ И множество светлых существ, стоящих вокруг престола, заиграли на лирах и чудно запели, но никто не мог понять их слов, кроме Христианина и его товарищей в этом блаженном краю.

На другое утро, когда она встала, помолилась и побеседовала с своими детьми, кто-то сильно постучался в ее дверь. На этот шум она ответила так: „Если ты приходишь во имя Господа — войди“. На что услышала она: „Аминь“, и дверь отворилась, и кто-то вошел и приветствовал ее словами: „Мир дому сему!“ Потом это существо спросило ее: „Знаешь ли, Христиана, зачем я сюда пришел?“ Она смутилась, и сердце ее сильно забилося желанием узнать, откуда он и что ему от нее нужно. Он продолжал: „Имя мое Тайна, и я обитаю с теми, которые в горних. И там проводали, что ты возымела желание отправиться туда; также известно там, что ты познала зло, которое ты когда-то причинила мужу, уговаривая его не избирать пути, ведущего туда, и что ты удержала и детей своих от того же, Христиана! Милосердный прислал меня возвестить тебе, что Он готов тебя простить и что вся Его радость состоит в даровании прощения за соделанные прегрешения. Он еще желает известить тебя, что ты Им приглашена к трапезе, где будешь пред лицом Его, и что Он угостит тебя всем наилучшим в доме Его и вручит тебе наследство Иакова, отца твоего. Там находится теперь и Христианин, бывший муж твой, с целыми легионами своих товарищей, вечно пред лицом Того, Кто живет взирающих на Него, и все они возрадуются, когда услышат шаги твои при входе в обители Отца твоего“.

Христиана в сильном смущении опустила низко голову. Гость продолжал: „Христиана! Вот тебе письменное послание от Царя, при котором ныне твой муж“. Она взяла от него писание, которое издавало самое чудное благоухание. Письмена были золотые и заключали следующее: что Царь желает, чтоб она поступила, как муж ее, Христианин, ибо это единый путь ко Граду, где он обитает в Его присутствии среди вечного блаженства. Тут Христиана совершенно растерялась и воскликнула своему гостю: „Возьми меня и детей моих с собой, дабы и мы пошли поклониться Царю“.

Но гость ответил: „Христиана! Горькое достается прежде сладкого. Ты пройдешь через горе и трудности (как тот, который отправился прежде тебя), и только напоследок вступишь в Небесный Град. Поэтому советую тебе поступить, как поступил муж твой. Иди к Тесным Вратам, которые там за поляной, они начало того пути, по которому тебе следует идти. Желаю тебе успеха. Еще советую тебе хранить это писание на твоём сердце, и читай его себе и детям, доколе вы его выучите наизусть, так как это одна из песней, которые ты должна петь в твоём доме до твоего пилигримства, и притом ты должна будешь вручить это писание у отдаленных Врат“.

Я заметил при этом, что сам гость во время своей речи был сильно взволнован. Он замолк. Тогда Христиана, подозвав сыновей своих, обратилась

Тогда она обратилась к своим детям со словами: «Милые сыновья мои, мы погибли!»

к ним: „Милые дети! Вы, вероятно, заметили, как я расстроена духом с некоторого времени; кончина вашего отца огорчила меня, хотя я нимало не сомневалась в его счастии. Теперь же я узнала достоверно, что ему там хорошо. Но меня мучили мысли о моем и вашем состоянии душевном, которое, я вполне убеждена, в самом жалком виде. Мое поведение в отношении отца вашего во время его скорби также тяжело гнетет мою душу, так как я себя и вас ожесточила против него, и мы не отправились с ним в пилигримство. Эти впечатления могли бы совершенно убить меня горем, если б в прошлую ночь не приснился мне чудный сон, и наш гость незнакомец не внушил бы мне новую бодрость своими утешительными речами. Итак, милые дети мои, давайте соберем наши пожитки и отправимся к Вратам, ведущим в Небесный Град, где мы найдем отца вашего и будем блаженствовать с ним и с его товарищами по законам той страны“.

Дети ее заплакали от радости, что сердце матери их стремится в чудную страну. Гость вскоре с ними простился, и они стали готовиться к отъезду.

Но только что они собрались выходить из дому, как две из соседок пришли к ней и постучали в дверь. Она обратилась к ним с тем же вопросом: „Если вы от имени Господа — войдите“. Но при таких ее словах женщины пришли в недоумение, потому что не привыкли к такому роду речи из уст соседки их Христианы. Однако они вошли и увидели, что она готовится покинуть дом свой. Вот они обратились к ней с расспросами: „Соседка, скажи на милость, что это такое значит?“

Христиана ответила г-же Боязливой: „Я готовлюсь к путешествию“. (Эта Боязливая была дочь того, которого Христианин встретил на горе Затруднение и который старался убедить его вернуться назад из страха быть растерзанным львами.)

Боязл.: „Какое это ты путешествие предпринимаешь?“

Хр.: „Хочу идти по следам моего покойного мужа“. И она заплакала, вспоминая о нем.

Боязл.: „Полно, добрая соседка! Ради детей твоих опомнись и не решайся так опрометчиво“.

Хр.: „О! Ведь я и детей беру с собой. Ни один из них не согласится покинуть меня“.

Боязл.: „Понять не могу, кто внушил тебе подобную мысль?“

Хр.: „Соседка милая, если бы ты узнала, что узнала я, наверное, и ты бы со мной отправилась“.

Боязл.: „Какое же ты приобрела новое познание, которое отдаляет тебя от друзей твоих и гонит тебя, никто не знает куда, скажи на милость?“

Хр.: „Я сильно тосковала с тех пор, как покинул меня муж, но в особенности когда он прошел через реку. Но что меня более всего мучает, это воспоминание моего резкого с ним обращения, когда он чувствовал душевную скорбь.“

Притом, я теперь точно то же чувствую, что он в то время, и ничто не может меня успокоить, как только если отправлюсь в пилигримство. В прошлую

ночь он мне приснился. Так и рвалась душа моя к нему! Он обитает теперь в присутствии самого Царя того края; он сидит за Его трапезой, он в обществе бессмертных. Ему дана обитель, с которой если сравнить самый великолепный земной дворец, то он покажется лишь мусорной кучей. Царевич чертога прислал мне письменное обещание принять и меня, если я согласна идти туда. Его посланный был сейчас здесь и вручил мне пригласительное Его послание“.

При этих словах она вынула из пазухи письмо и прочла его, громко прибавив: „Что теперь можете вы сказать против этого?“

Боязл.: „Ах, какое безумие овладело тобой и твоим мужем, что вы сломя голову кидаетесь на подобные трудности! Ведь ты слышала, вероятно, что приключилось с ним при самом начале его путешествия. Наш сосед Упрямый был тому свидетелем, и Сговорчивый также, но они, как разумные люди, сочли лучшим вернуться назад. Мы слышали во всех подробностях, как он наткнулся на львов, на Аполлиона, на Тень Смерти и тому подобное. Разве ты забыла, в какой он был опасности на ярмарке Суэты? И если он, мужчина, еле мог вынести все это, что станет с тобой, слабой женщиной? Взгляни, ведь эти милые дети твои утробные, кость от костей твоих. Поэтому, если ты уж так безумна, что решаешься идти на погибель, то, по крайней мере, пожалей их и оставь их дома“ (Втор. 13:5–9).

Хр. „Не искушай меня, соседка. Мне в руку положили ценность, с которой могу добыть великую прибыль, и я была бы в самом деле безумной, если б не умела воспользоваться случаем.“

Что же касается до угрожающих мне опасностей, о которых ты мне сейчас говорила, то они не только меня не пугают, но служат доказательством, что я действую справедливо. Горькое достается прежде сладкого, и оттого сладкое кажется еще слаще. И так как вы пришли ко мне в дом не во имя Господа, как я вас спрашивала, то прошу вас уйти и далее меня не беспокоить“.

Тогда Боязливая стала ее всячески ругать и обратилась к подруге своей Любви со словами: „Пойдем, друг мой, и оставим ее на произвол судьбы, она отвергает наши советы и наше общество“.

Но Любовь не трогалась с места по двум причинам. Во-первых, сердце влекло ее к Христиане, и она сама себе твердила: когда моя соседка пойдет в путь, и я с ней отправлюсь на короткое расстояние. Во-вторых, душа ее была сильно взволнована речью Христианы, и она внутренне утешала себя, что после некоторой беседы с ней, если она убедится в истине и живительной силе этой истины, то она с полной радостью готова ей сопутствовать, и вследствие таких размышлений она ответила соседке Боязливой так:

Любовь: „Соседка, я, конечно, пришла сюда с тобой навестить Христиану. Но так как она намерена навсегда покинуть нашу страну, мне хочется воспользоваться нынешним солнечным утром, чтобы проводить ее на некоторое расстояние и быть ей полезной в пути“.

Но она не высказала второй причины, побудившей ее оставаться с Христианой.

Боязл.: „Так, я вижу, и тебе хочется с ней безумствовать. Но одумайся, пока время, и будь разумна. Пока мы вне опасности, мы спокойны, но уж когда мы раз попадем в опасность, трудно из нее выбраться“.

Итак, г-жа Боязливая отправилась к себе, а Христиана пошла в путь с детьми своими и соседкой.

Когда Боязливая вернулась домой, то послала звать к себе соседок, с которыми была в дружбе, а именно: г-жу Слепоту, г-жу Неосновательную, г-жу Легкомысленную и г-жу Невежду. Когда они собрались у нее, она рассказала о своем посещении Христианы и о ее задуманном путешествии, и начала так:

Боязл.: „Слушайте меня, соседки. Сегодня утром от нечего делать я отправилась посетить Христиану, и когда дошла до ее двери, то, как водится, постучала в нее. Она мне почему-то ответила: „Если вы приходите во имя Божие, то войдите“. Я вошла, полагая, что все благополучно, и что же? Вижу, что она укладывается и готовится покинуть наш город, взяв с собой и детей. Я ее спросила, что все это значит? И она в коротких словах объявила мне, что она решилась начать пилигримство, как покойный муж ее. Еще рассказывала она мне

«Так, я вижу, и тебе хочется с ней безумствовать».

Г-жа Слепота, г-жа Неосновательная, г-жа Легкомысленная и г-жа Невежда

свой сон, и как Царь того края, в котором теперь обитает ее муж, прислал к ней пригласительное послание звать ее туда с детьми“.

Невежда: „И ты думаешь, что она в самом деле отправится туда?“

Боязл.: „О, да, пойдет непременно, что бы ее ни ожидало на пути. И вот почему я так думаю: я ее сильно уговаривала остаться и говорила ей резонно, что ее ожидают множество трудностей и печалей на пути, на что она мне ответила: „Горькое предшествует сладкому, и оттого сладкое кажется еще слаще“.

Слепота: „Эдакая слепота, безумная женщина! И не хочет даже взять себе в соображение, какие были скорби у ее мужа! Что до меня касается, я вижу ясно, что если бы он мог сюда вернуться, он бы, верно, предпочел оставаться в покое и сохранить свою шкуру, чем пускаться в погоню за несбыточными мечтами“.

Неосновательная: „Ну их, фантазеров и сумасшедших фанатиков! Прочь бы их всех от нашего города! По-моему, большое счастье быть избавленным от ее общества! Если б она вздумала остаться с сохранением подобного воззрения на жизнь, с ней никто бы не мог жить в ладу! Она сидела бы с сумрачным лицом, либо несла чепуху, которой нет сил внимать разумным людям. По-моему, пусть она и отправляется отсюда; оставьте ее действовать как хочет, и, быть может, лучшие личности займут ее квартиру. Мир ужасно испортился с тех пор, как в нем появились этого рода фанатики“.

Легкомысленная: „Довольно, оставим этот скучный разговор. Я лучше вам расскажу, как я вчера провела вечер у г-жи Беспутной, где нам было чрезвычайно весело. Нас там собралось немного, но все очень приятные и любезные личности, а именно: г-жа Плотолюбие, г-н Разврат, г-жа Грязева и еще некоторые другие. Там занялись пляской, музыкой и всяким веселием. Сама хозяйка премилая женщина, высшего полета дама, да и собеседник наш — прекрасный мужчина“.

Тесные врата

В это время Христиана уже пустилась в путь, и Любовь шла с ней. Пока они шли, окруженные детьми, Христиана завела беседу со своей спутницей: „Милая моя, — сказала она ей, — я принимаю как особый знак твоей дружбы, что ты решилась оставить родительский дом и проводить меня на некоторое расстояние“.

Юная Любовь (она была очень молода годами) ответила ей: „Если бы я постигла настоящую цель твоего путешествия, быть может, я бы никогда более не вернулась в наш город“.

Хр.: „Так послушай, Любовь, соединим вместе нашу судьбу. Я знаю, какой будет конец нашему путешествию. Муж мой в таком месте, которое нельзя добыть за все золото мира. И ты не будешь отвергнута, хотя придешь лишь

по моему личному приглашению. Царь, который прислал звать меня с детьми, исполнен любви. Притом, если хочешь, я тебя найму в служанки к себе, и мы будем постоянно вместе, и все будет у нас общее... только согласишься идти со мной.“

Любовь: „Но как могу я быть уверенной, что меня там примут? Если б кто мне сказал лично, что я могу на это рассчитывать, я бы не задумалась ни на минуту, как бы тяжел и труден ни был путь, уповая на помощь Того, Кто помочь может“.

Хр.: „Послушай, милая Любовь, вот что я предложу тебе. Пойдем вместе до Тесных Врат, и там я спрошу все нужное для тебя, и как тебе поступать далее. И если ты там не встретишь поощрения, я не стану тебя удерживать, и ты вернешься назад. Я также тебе дам плату за то, что ты так к нам добра и согласилась идти со мной и с моими детьми“.

Любовь: „Изволь, я пойду туда с тобой, и что будет, то и будет, и пошли Господь, чтоб и мне досталось в удел, чтоб Царь Небесный полюбил меня и пожелал бы впустить в свое царство“.

Христиана была в большой радости, не только потому, что приобрела подругу для путешествия, но и потому, что ей удалось внушить этой бедной девице такое сильное желание заботиться о своем спасении. Они шли все вместе, но Любовь тихонько отирала слезы. Тогда Христиана спросила ее: „О чем плачешь ты, милая сестра?“

Любовь: „Увы! Кто верно обсуждает положение свое в мире, может ли не скорбеть, вспоминая о своих близких, которые по неведению своему остаются в грешном городе. И для меня это тем более прискорбно, что некому их научить истине, и никто не придет предупредить их о том, что ожидает этот город“.

Хр.: „Пилигримам следует иметь чувство сострадания к ближним, и ты в отношении своих, как покойный Христианин в отношении меня. Он скорбел и плакал, что я не обращаю внимания на его слова, но Господь собрал все его слезы в чашу, и теперь и я, и мои дети, и ты пожинаем от них плоды. Я сильно убеждена, что и твои слезы не пропадут, ибо сказано в Слове, что сеющие со слезами пожнут с радостью, или кто идет и плачет, неся посев, пойдет с пением, неся снопы свои“.

Когда пилигримы дошли до Топпи Уныния, Христиана остановилась в недоумении: она вспомнила, что на этом месте ее муж чуть было не погиб, утопая в грязи. Притом она заметила, что, несмотря на приказание Царя исправить это место для пилигримов, оно находилось в еще худшем состоянии».

Я спросил у своего собеседника г-на Проницательного, в самом ли деле это место стало хуже или оно только ей таким показалось? «Да, — ответил мне старик, — увы, совершенно правда, оно в худшем положении, ибо многие, называющие себя работниками Царя, приходили сюда с целью исправить Царский путь, и вместо камней приносили лишь грязь и мусор и потому портили, а не чинили». Здесь Христиана и ее малютки остановились.

Но Любовь обратилась к ним со словами: «Пойдемте, испытаем, но будем осторожны». И, рассмотрев внимательно ступени, они ловко по ним спустились, и хотя не совсем твердым шагом, однако все же удачно перешли на другую сторону. Однако Христиана раза два-три поскользнулась и чуть было оттого не утонула. Лишь только они перешли на другой берег, как услышали голос: «Блаженна верующая, ибо она узрит исполнение того, о чем слышала от Господа».

Они пошли далее. Любовь после некоторого размышления сказала Христиане: «Если бы я имела такое же твердое основание, как ты, надеяться на благосклонный прием у Тесных Врат, мне кажется, что никакая Топь Уныния меня бы не испугала».

Хр.: «Знаешь что: тебе знакома твоя рана, а мне моя, и поверь мне, милый друг, что мы все должны будем выносить немало худого в своем путешествии, прежде чем дойдем до конца. Невозможно, чтоб люди, стремящиеся к получению такой великой славы, какая нас ожидает, и такого всеми завидуемого блаженства, не встречали на своем пути разного рода страха, труда, скорби и даже хитрых ловушек и сетей от тех, которые нас ненавидят и стараются погубить прежде достижения нашей цели».

«Пойдемте, испытаем, но будем осторожны».

В это время г-н Проницательный покинул меня, и мне продолжалось сниться без него. И вот вижу, что Любовь, Христиана и все мальчишки подходят к Вратам. Как только они к ним дошли, то стали обдумывать и рассуждать между собой, каким образом дать о себе знать у Ворот и что ответить тому, кто отворит им дверь. Наконец они решили, что Христиана, как старшая, должна постучать в Ворота и отвечать за всех остальных.

Христиана стала стучать, и, как поступил прежде и муж ее, много раз стучала, прежде чем что-нибудь послышалось в ответ на ее стук. Вдруг вместо ожидаемого ответа раздался громкий лай большой собаки. Это сильно смутило женщин и детей. Несколько минут они не смели стучать в дверь, боясь, что собака кинется на них и всех искушает. Они совершенно смутились, не зная, на что решиться: стучать не смели от страха к собаке; удалиться тоже не смели, боясь, что привратник заметит их уходящими и этим будет оскорблен. Наконец они решились снова стучать, и на этот раз громче прежнего. Тогда привратник Ворот спросил: «Кто там?» И собака тотчас перестала лаять, и он отворил им дверь. Христиана низко ему поклонилась и сказала: «Да не прогневается наш Господь на служанок своих, что осмелились стучать в Царскую дверь». Тогда спросил их привратник: «Откуда вы и чего желаете?»

Христиана отвечала: «Мы пришли оттуда, откуда пришел Христианин, и по той же причине и для той же цели, т. е. при милостивом вашем дозволении войти в эти Тесные Врата, мы желаем идти по пути, ведущем в Небесный Град. А я при этом, смею доложить, жена Христианина, который ныне в горних, и зовут меня Христианой».

Привратник ответил ей с удивлением: «Как, ужель ты ныне в пилигримстве, а еще недавно ненавидела подобного рода жизнь?»

Она нагнула голову, утвердительно сказав: «Да, вот я и дети мои».

Тогда он взял ее за руку и ввел через Ворота, говоря: «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им», — и с этими словами он снова приотворил дверь. После того он кликнул трубача, который находился над воротами, и приказал ему трубить радостную песнь для увеселения Христианы. Он тотчас стал трубить, и в воздухе раздались самые гармонические звуки.

Однако все это время Любовь стояла за дверью, дрожа и плача от страха быть отверженной. Но когда Христиана перешла через порог двери со своими детьми, то стала просить привратника впустить и Любовь, говоря: «С нами пришла также и моя подруга, которая теперь стоит за дверью, и пришла сюда по той же причине, как и мы. Она сильно унывает духом и беспокойна сердцем, потому что идет по одному моему приглашению, тогда как я получила письмо от самого Царя, у которого в услужении муж мой».

Тут Любовь, которая долее не в силах была ждать, вдруг так громко стала стучать в дверь, что стук покрывал голос Христианы и даже привел ее в испуг. Но привратник Ворот спросил: «Кто там?» Христиана ответила: «Это моя подруга». Он отворил дверь и взглянул, но в эту минуту Любовь уже лежала

на земле без движения. Она была в обмороке, мучимая страхом, что Врата для нее не будут открыты.

Он взял ее за руку и сказал: «Девушка, тебе говорю, встань». «О Господи, я изнемогаю, — простонала она, — жизнь меня покидает!»

Но он ответил ей: «Сказано, что когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о тебе, Господи, и молитва моя дошла до Тебя, в храм святости Твоей (Ион. 2:8). Не бойся, встань и скажи мне цель твоего прихода».

Любовь: «Я пришла за тем же, как моя подруга Христиана, хотя не получила, как она, особого зова от Царя. Ее звал сам Царь; меня же — она. И я боюсь, не дерзость ли это с моей стороны?»

Привр.: «Уговаривала она тебя прийти с ней до этого места?»

Любовь: «Да, и вот я пришла. И если здесь можно получить благодать и прощение грехов, молю, чтоб и моя недостойная душа сделалась причастницей сих благ».

Он милостиво взял ее за руку и тихо ввел чрез Тесные Врата, говоря: «Молюсь о всех верующих в Меня по слову их, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою» (Иоан. 17:19).

Тогда, обратясь к окружавшим, Он сказал: «Принесите, что нужно для девушки сей, Любви, также и благоухание, которое остановило бы ее обмороки». Ей тотчас поднесли пучок мирры, и немного спустя она совсем ожила.

Тогда все пилигримы вместе были приветствованы Господом, Главой пути, который ласково беседовал с ними. И они ему сказали смиренно: «Мы оплакиваем согрешения наши и молим Господа о прощении и о наставлении, как нам поступать отныне».

«Дарую помилование, — сказал Он, — словом и делом. Словом — в обетовании прощения, делом — в средстве, которое Я употребил для получения его. Примите первое в этом лобзании Моем, а второе вам будет указано».

Он еще сказал им несколько милостивых слов и потом повел на вершину Ворот, и оттуда показал им, каким средством они спасены от осуждения и получили помилование, и прибавил при этом, что то же знамение они узрят для усиления веры во время путешествия.

Потом он оставил их одних на время в беседке, где обе подруги стали разговаривать о всем случившемся.

Хр.: «Как я рада, что мы сюда вошли».

Любовь: «Я понимаю, что ты радуешься, а я так чуть не прыгаю от восторга!»

Хр.: «Я подумала после того, как я несколько раз напрасно стучала, что весь наш труд был напрасен, особенно когда услышала лай этого отвратительного пса».

Любовь: «Но каков мой был ужас, когда я увидела, что ты принята с детьми, а я нет. Ужели, думала я, исполнилось, что сказано: „Две мелющие в жерновах, одна берется, а другая оставляется“. Я с трудом могла удержаться от вопля и возгласа: „Погибла!“ (Мат. 18:11). И я еле посмела опять стучать, как, увидев

Трубач над воротами

надпись на двери, почувствовала отважность. Притом я сознавала, что либо я должна снова стучать, либо решиться погибнуть. Я и стала стучать и теперь не знаю, громко или нет. Дух у меня замирал от страха быть отверженной».

Хр.: «Ну, так я могу тебе сказать, что ты сильно стучала. Могу тебя уверить, что стук твой был до того громок, что просто пугал меня. Я в жизни своей не слыхала такого стука. Я уже думала, что ты ворвешься силой и возьмешь царство приступом».

Любовь: «Увы, в моем положении кто бы мог действовать иначе! Ты видела, как дверь затворили перед самым моим лицом, и как ужасно лаяла злая собака. Кто при таком духовном изнеможении, как мое, не решился бы стучать во всю мочь? Но скажи на милость, что же сказал Господь, когда услышал мое неприличное стучание в дверь? Не разгневался ли Он на меня за это?»

Хр.: «Когда он услышал твой оглушающий стук, он удивился и улыбнулся. Мне кажется, твоя решимость понравилась ему, ибо он не показал никакого чувства недовольствия. Но я решительно не понимаю, зачем он держит такую собаку. Если б я об этом знала прежде, пожалуй, духу бы не хватило идти сюда с детьми. Но теперь, конечно, мы здесь и в самом деле вошли, и я от души этому радуюсь».

Любовь: «Мне хочется спросить Его, когда Он к нам опять сюда сойдет, почему Он держит на своем дворе такого гадкого пса. Надеюсь, я Его этим не прогневаю».

«О да, спроси Его, — подхватили мальчики, — и убеди Его повесить собаку, мы боимся, что она нас всех перекусает».

Наконец Он снова сошел к ним, и Любовь пала ниц перед Ним и, поклонившись Ему, сказала: «Прими, Господи, жертву хваления, которую приношу Тебе ныне устами моими».

Он ей ответил: «Мир тебе, встань!» Но она не трогалась со своего коленопреклоненного положения и продолжала: «Правосуден Ты, Господи, и если я нашла милость перед Тобой, дай мне и ныне понять пути Твои! Почему содержишь Ты на дворе Своем такого злобного пса, при виде которого женщины, как мы, и дети готовы в страхе бежать от Ворота?»

На это Он ей ответил: «Пес этот имеет другого хозяина; он на соседнем дворе, и пилигримы только могут слышать его лай, так как он принадлежит хозяину того замка, который вы видите отсюда, но он может только подходить к стенам этого двора. Он уже напугал не одного честного пилигрима своим громким рычанием, но зло его произвело добро. Без сомнения, тот, которому пес принадлежит, не держит его из доброго чувства ко Мне и к моим, но с намерением помешать им приходить ко Мне и дабы они убоялись стучать во входную дверь. Иногда даже он до того расходился, что утомлял тех, которых я люблю, но пока, на некоторое время, Я выношу это с терпением. Притом Я всегда вовремя поспеваю на помощь пилигримам, так что они не могут подпасть под его власть и он не может сделать им того зла, которое требует его собачья порода. Что же, искупленная моя, вероятно, ты бы так

*Он отворил дверь и взглянул, но в эту минуту
Любовь уже лежала на земле без движения.*

не испугалась пса, если бы все это узнала прежде. Нищие, идущие от одной двери к другой просить милостыню, рискуют не только слышать лай и вой собак, но даже быть укушенными, а из-за одного страха не станут отказываться от подаяния. Неужели же пес на чужом дворе, лай которого я обращаю в пользу пилигримов, может кому-нибудь помешать приходить ко Мне? Я своих возлюбленных ограждаю от львов, не только от злого пса».

Любовь: «Сознаю свое неведение; я говорила о том, чего не понимала до сих пор. Все, что Ты говоришь, хорошо и верно». Тогда Христиана стала расспрашивать о предстоящем путешествии и осведомилась о пути. Он их накормил, омыл им ноги и поставил на ту дорогу, по которой Он проходил Сам. Словом, сказал им все попечения, которыми окружал когда-то Христианина.

И я видел во сне, что они отправились по этому пути, и погода была им благоприятна.

Тогда Христиана запела песнь: «Блажен тот день, когда я начала свое пилигримство, и будь благословен Тот, кто внушил мне это желание. Много утекло годов, прежде чем мысль о вечной жизни начала меня беспокоить, зато теперь стремлюсь к ней всеми силами души, и лучше начать позднее, чем никогда. Наши слезы превращаются в радость, наш страх — в веру, таким образом, начало нашей жизни предвещает, каков будет ее конец».

Путь, по которому шли пилигримы, был окаймлен с одной стороны стеной, а за ней был фруктовый сад, и ветви некоторых из деревьев, покрытые плодами, висели над стеной, как будто заманивая пешеходов воспользоваться висящими фруктами. Сад же этот принадлежал хозяину собаки. Но всякий вкушающий от этих плодов причинял себе вред. Мальчики, сыновья Христианы, прельстились чудными плодами и стали их срывать и есть. Мать, видя это, но не зная, какие оттого выйдут дурные последствия, стала их бранить за такое поведение, но юноши не обратили внимания на ее слова.

«Дети мои, — сказала она наконец, — вы грешите, ибо плоды это чужие». (Она тогда не знала, что сад принадлежит врагу их, не то бы умерла со страха.) Они шли далее, и пока не случилось ничего особенного. Но не прошли они более двадцати шагов, как уже заметили на пути двух людей очень подозрительной наружности. Христиана и Любовь закрылись вуалями, мальчики продолжали идти вперед, и наконец они все сошлись лицом к лицу с незнакомцами. Эти люди бойко подошли к женщинам, делая вид, что желают их обнять, но Христиана грозно обратилась к ним: «Назад, проходите смирно, как этого требует ваша обязанность». Но эти два человека, не внимая ее словам, подошли к женщинам и уже было схватили их, как Христиана с негодованием оттолкнула одного, а Любовь другого. «Отойдите прочь, — закричала она на них, — денег у нас нет, вы видите, что мы бедные пилиgrimки и живем благотворительностью друзей наших».

Один из них ответил: «Нам ваших денег не нужно. Мы вышли только спросить вас, согласны ли вы исполнить одну нашу просьбу, тогда будете нашими женами навеки».

*Мальчики, сыновья Христианы,
прельстились чудными плодами и стали их срывать и есть.*

Два человека очень подозрительной наружности

Христиана, понимая, чего они от них хотят, ответила им: «Мы не желаем исполнять вашу просьбу. Мы торопимся, и стоять нам некогда. Наше дело — дело жизни или смерти». И подруги попытались идти далее, но враги стояли перед ними. «Мы не желаем делать вам вреда, — сказали они, — мы добиваемся иного».

«Да, — возразила Христиана, — вы добиваетесь погубить нашу душу и тело: вот что привлекло вас сюда. Но я скорей согласна умереть на месте, чем отдаться в ваши сети, что позднее приведет нас к верной гибели». И с этими словами обе громко закричали: «Убийство! Помогите!» Но злые люди, не вникая их крикам, старались пересилить их. Они еще раз и громче закричали.

Так как Тесные Врата, откуда они вышли, были не в дальнем расстоянии, то туда долетел голос отчаяния Христианы. Кто-то поспешил к ним на помощь. В эту минуту женщины отчаянно боролись против негодяев, а дети громко кричали и плакали. Тогда пришедший на помощь грозно обратился к злодеям, говоря: «Вы что тут делаете? Вы хотите погубить народ Господа?» Он хотел было их схватить, но они торопливо перелезли через забор в сад того, кому принадлежала собака, которая их защищала.

Избавитель подошел тогда к женщинам и осведомился о их здоровье. Они ответили: «Мы благодарим тебя, нам теперь хорошо, только мы были сильно ими напуганы. Искренно благодарим мы Царя и тебя за твою помощь, без нее мы бы, конечно, погибли».

Избавитель после некоторого молчания сказал им: «Я немало удивился, что вы отправились в путь, одинокие, слабые женщины с детьми, не испросив у Господа путевого. Он не отказал бы вашей просьбе, и вы избегли бы весь этот страх и опасность».

Хр.: «Увы, мы были в таком чаду радости, что совсем забыли о предстоящих нам опасностях. Притом, кто бы мог думать, что так близко от Царского чертога мы встретим подобных скверных людей. В самом деле, следовало бы нам испросить себе защитника для нашего пути, но ведь Господь Сам знал, что это нам будет нужно, поэтому я удивляюсь, что Он никого с нами не послал».

Изб.: «Не всегда следует даровать непрошеное, от того дары могут потерять свою ценность. Но кто в чем чувствует нужду, тот при желании получить познает всю цену желаемого и старается испросить оное. Если бы Господь дал вам спутника, вы бы не так глубоко сожалели о своей беспечности и нерадении обратиться к Нему с этой просьбой, как вы сожалеете о том теперь. Все способствует к добру и пользе духовной, а вас это научит быть осмотрительнее».

Хр.: «Не вернуться ли нам к Господу, чтоб признаться Ему в нашем безумии и испросить проводника?»

Изб.: «Я сам передам Ему ваше желание, возвращаться вам нет нужды. Во всех местах, где вы будете отдыхать, вы найдете все нужное, а Господь приготовил таких мест немало в пользу пилигримов, и там они будут защищены от всякого нападения. Но Он хочет, чтоб Его просили о том, что желают получить».

После этих слов он пошел обратно к себе, а пилигримы отправились далее.

Люб.: «Какое неожиданное испытание, Христиана! А я полагала, что всякая опасность теперь миновала и мы никогда более не узнаем горя».

Хр.: «Твоя молодость и неопытность могут извинить подобные мечты. Но я старше тебя, и вина моя непростительна, я знала, что нас ожидают опасности, начиная от самого нашего порога, и я не приняла меры предосторожности, когда это было так возможно. Я сильно виновата».

Люб.: «Но как ты могла это предвидеть, живя еще дома, я никак понять не могу, объясни мне это, Христиана».

Хр.: «Пожалуй. Я еще была у себя, и однажды ночью мне приснился сон именно относительно этих двух злодеев».

И Христиана передала своей подруге в точности свой сон о двух мужчинах подозрительной наружности.

Люб.: «Это нерадение с нашей стороны еще более доказывает нам, насколько мы несовершенны. Но Господь воспользовался этим, чтоб представить нам все богатство Своей милости, ибо Он, как мы видим, следил за нами, хотя мы забыли Его просить о том, и по единому Своему благоволению избавил нас от рук злодеев, против которых мы были не в силах бороться».

Дом Истолкователя

Беседа, пилигримы незаметно дошли до одного дома, стоящего у самого пути. Он был построен с целью предоставить отдых утомленным путешественникам и был описан более подробно в истории путешествия Христианина.

Подошед к дому (там обитал Истолкователь), они остановились у входной двери. До них долетали разные голоса, и из слышанного разговора они могли ясно разобрать, эта речь шла о них, ибо беседующие личности нередко произносили имя Христианы. Кстати, надо заметить, что даже до выхода их из города много здесь толковали о Христиане и ее детях, о намерении их идти в пилигримство. И тут они приятно изумились, услышав лестные отзывы относительно решимости их покинуть прежний образ жизни, чтоб идти по примеру покойного Христианина по трудному пути в Небесный Град. Христиана стала стучать в дверь. Тотчас девица по имени Невинность отворила дверь и увидела двух женщин с детьми.

Невинность

«Кого желаете видеть здесь?» — спросила девица.

Хр.: «Мы слышали, что тут место отдыха для пилигримов, и в качестве их просим, чтобы нас впустили в дом. Мы надеемся, что нам будет дозволено здесь переночевать, так как день уже идет к закату и мы так утомлены, что далее идти было бы трудно».

Нев.: «Позвольте узнать, как вас зовут, чтобы мне о вас доложить хозяину дома».

Хр.: «Мое имя Христиана. Я была женой Христианина, того пилигрима, который проходил здесь несколько лет тому назад, а это его дети. Девица же — моя подруга, и с нами совершает пилигримство».

Невинность тотчас вбежала назад в дом и живо объявила личностям, находящимся там, что Христиана с подругой и с детьми стоят у двери и просят быть принятыми. Все вскочили от радости и отправились доложить об этом хозяину. Тогда он сам вышел к пилигримам и, обратясь к Христiane, спросил: «Ты ли Христиана, которую добрый человек Христианин должен был покинуть, отправляясь в пилигримство?»

Хр.: «Я именно та женщина, которая так была жестока сердцем, что не приняла участия в горестях мужа и оставила его совершать свое путешествие в одиночестве. Это его четыре сына. Но теперь я также покинула родину, потому что убедилась, что нет истинного пути, как только тот, по которому мы идем».

Исток.: «Так исполняются слова Писания относительно человека, сказавшего сыну своему: пойдя сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу, а после, раскаявшись, пошел» (Мат. 21:28).

Хр.: «Да будет так. Помогите Бог, чтобы эти слова были верны относительно меня и чтоб я также была принята Им в мире».

Исток.: «Но почему же ты стоишь у двери? Войди в дом, дочь Авраама. Мы только что говорили о тебе, так как к нам недавно дошли вести, что и ты сделалась пилигримкой. Войдите, дети, и ты девица, подойди». Таким образом, он всех радушно пригласил в дом. Когда они вошли, им предложили сесть и отдохнуть, после чего обитатели дома, которых обязанность служить пилигримам, пришли навестить их в отведенной им комнате. Улыбка радости оживляла лица их, так им утешительно было видеть Христиану, избравшую путь покойного ее мужа. Они дружески и ласково обращались с детьми и с Любовью, уверяя их, что присутствие их в доме для всех большая отрада.

Спустя несколько времени, пока готовили ужин, Истолкователь предложил своим гостям осмотреть замечательные комнаты и увидеть то, что он показывал Христианину. Они навестили человека в железной клетке и человека, мучимого сном, и того, кто пробил себе путь среди врагов; смотрели на изображение величайшего из людей и разные другие предметы, которые так были полезны Христианину.

После того Истолкователь дал им немного времени на обдумывание всего виденного и потом повел их в одну комнату, где они нашли человека, который

иначе не мог глядеть, как вниз, имея в руке грабли. Кто-то держал над его головой небесный венец, предлагая его взамен граблям. Но этот человек не понимал глаз своих и нисколько не внимал этому предложению, но продолжал собирать своими граблями на земле соломинки и мусор.

«Мне кажется, я понимаю, что это значит, — сказала Христиана, — это изображение человека земного, которого сердце принадлежит миру, не так ли?»

Исток.: «Совершенно верно, и грабли изображают его плотской дух. Ты видишь, что он продолжает собирать соломинки и мусор с земли и не обращает внимания на голос Того, кто предлагает ему взамен всей этой дряни венец небесный. Это доказывает, что Небо для некоторых одна басня и что только земное они считают истинным благом. Еще ты заметила, вероятно, что, когда человек овладевает любовью к земному, то он так подчиняется этому чувству, что сердце его совершенно отдаляется от Бога и он не может более ни видеть Его, ни слышать, ни понимать».

Хр.: «Господи, избавь меня от такой любви к земному!»

Исток.: «Эта молитва давно лежит нетронутой и без употребления. „Не дай, Господи, мне богатства“, — молитва, которую едва ли можно теперь слышать. Солома, сухие палки, мусор и мох — цель жизни большей части людей». Любовь и Христиана воскликнули: «Это горькая правда!» После того Истолкователь повел их в самую лучшую комнату и просил их осмотреть ее внимательно, не увидят ли они чего поучительного. Как они ни смотрели, ничего не могли заметить: комната была пустая, а на стене ворочался огромный паук, которого, однако, они сперва не заметили.

Любовь сказала, что она решительно не видит ничего особенного, но Христиана молчала. «Посмотри внимательнее», — сказал Истолкователь.

Она снова начала рассматривать все окружающее и наконец сказала: «Ничего я не вижу, кроме этого отвратительного паука, висящего лапами на стене».

«Как ты думаешь, один ли только паук находится в этой комнате?» — спросил он.

Христиана со слезами на глазах, потому что она поняла намек, отвечала: «Увы, более одного, и даже такие пауки, которых яд вреднее яда этого паука».

Истолкователь взглянул на нее благосклонно и возразил: «Ты отвечала истину».

Это заставило Любовь покраснеть до ушей, также и мальчики закрыли лица своими руками, поняв смысл загадки.

Истолкователь продолжал: «Паук держится лапами, как вы видите, и обитает во дворце Царя. И потому о нем упоминается, чтоб доказать, что как бы человек ни был исполнен греховного яда, он может рукой веры ухватиться и удержаться в лучшей части Царской обители».

Хр.: «Я воображала нечто в этом роде, но не могла себе ясно всего объяснить. Я думала, что мы, как пауки, представляем отвратительную картину, где бы мы ни находились. Но я не воображала, что это ядовитое и отвратительное

...нашли человека, который иначе не мог глядеть, как вниз, имея в руке грабли.

насекомое может нас научить, какое имеет действие вера. Паук висит с трудом на стене, цепляясь лапами, но все-таки обитает в лучшей Царской комнате. Господь ничего не сотворил без пользы».

Все остались довольны объяснением, но взглянули друг на друга молча и вышли, низко поклонившись Истокователю.

Потом он повел пилигримов в другую часть дома и обратил их внимание на курицу с цыплятами. Один цыпленок подошел к корыту с водой, чтобы напиться, и после всякого глотка он поднимал голову и глаза кверху. «Посмотрите, что делает цыпленок, — сказал Истокователь, — и научитесь от него воздавать хвалу и благодарение Богу, когда от Него получаете блага земные и душевные. Еще заметьте внимательно поведение курицы в отношении к цыплятам». И вот что они увидели:

Первое. Обыкновенное кудахтанье, которое было постоянное весь день.
Второе. Кудахтанье особенное, изредка.

Третье. Кудахтанье наседки, употребляемое ею при собирании цыплят под крылья.

Четвертое. Тревожный крик.

«Вот, — продолжал Истокователь, — сравните эту курицу с вашим Царем, а ее цыплят — с покорными Его детьми. Подобно ей, Он избирает различные пути для приближения к себе человечества. В обыкновенном ходе жизни Он только напоминает о Своем постоянном присутствии; в особых случаях Он желает вручить нечто, либо дар, за который ждет благодарение, либо дело, которое должно прославить имя Его. У Него также особое обращение с теми, которых Он хранит в деснице Своей. И Он тревожно будит тех, которые не заметили приближающегося к ним врага. Я с намерением привел вас сюда смотреть на подобные зрелища, мои возлюбленные, для того, чтоб это было для вас нагляднее и понятнее».

Хр.: «Покажите нам еще что-нибудь, добрый Истокователь!»

Он повел их в бойню, и там мясник готовился резать овцу; она лежала спокойно и с терпением ожидала смерти.

«Научитесь по примеру этой овцы страдать и выносить всякие несправедливости от мира без ропота и жалоб. Смотрите, как она спокойно принимает смерть и без всякой борьбы дает сдирать с себя кожу. Ваш Царь называет вас Своими овцами».

После того Истокователь повел их в сад, где росло множество различных цветов и растений.

«Видите ли вы это?» — спросил он их. «Да», — отвечали все. «Заметьте, что все эти цветы различны в отношении роста, качества, цвета, запаха и силы. Иные лучше, другие хуже, и как и куда посадил их садовник, там они и растут, не враждуя между собой».

Потом он повел их в поле, где росли рожь и пшеница, и когда они увидели, что колосьев нет и на корню одна солома, он им сказал: «Эта почва была унавожена, запахана, заборонована и засеяна. Но что сделаем мы с соломой?» —

«Часть можно сжечь, — отвечала Христиана, — а другую часть употребить для навоза». Тогда ответил Истолкователь: «Вы ожидали плода, не находя его, вы осуждаете солому на сожжение и на попираание ногами человеческими. Остерегайтесь, произнося такой суд, не осудить и самих себя».

Оттуда, возвращаясь обратно домой, они заметили птичку-реполова, держащего во рту огромного паука. Истолкователь и на это обратил их внимание. Любовь удивилась этому реполову, а Христиана сказала с негодованием: «Какой позор для такой прекрасной птички! Она более других птиц в столкновении с людьми, и я думала, что она питается крошками хлеба или чем-нибудь в этом роде, а она несет себе в пищу такую гадость!»

Истолкователь возразил: «Эта птица может также служить аллегорией для имянных последователей христианства. Они подобно реполову пленяют своим звуком, цветом, наружным обращением в мире и как будто очень любят общество искренних христиан, скромно питаюсь крохами добрых душ. Они уверяют даже, что из-за этого они и посещают верующих и собрания во имя Господа, но когда они сами с собой и покидают свою роль, то, подобно реполову, они способны глотать пауков, т. е. немедленно изменяют образ жизни, испивая полной чашей всякое беззаконие и проглатывая грех, как воду».

Когда они вернулись домой, ужин еще не был готов, и Христиана упростила Истолкователя рассказать или указать еще на что-нибудь поучительное.

Он начал так: «Чем откормленнее свинья, тем более она желает валяться в навозе. Чем жирнее бык, тем игривее отправляется он на бойню. Чем здоровее и похотливее человек, тем более склонен он ко злу.

В женщинах есть врожденная любовь привлекать красотой и нарядами, но им следует украшаться только тем, что драгоценным считает Господь.

Легче не ложиться спать ночи две, чем сидеть в бдении целый круглый год, и также легче начинать жить благочестиво, чем сохранить себя в благочестии до конца.

Всякий капитан корабля среди сильной бури охотно кидает за борт то, что менее ценно на судне, но кто решится выбросить сперва самое драгоценное? Конечно, не боящийся Бога (Мат. 16:26).

Одна течь может причинить погружение корабля; один грех может погубить грешника.

Забывающий друга своего — к нему неблагодарен. Забывающий своего Спасителя — безжалостен к самому себе.

Живущий во грехе, а между тем рассчитывающий на блаженство в будущем, похож на сеющего куколь в надежде наполнить свою житницу пшеницей или рожью.

Если человек хочет жить праведно, пусть ежедневно воображает себе, что настал его последний день на земле.

Если мир, которому Господь не придает большой ценности, так дорог людям, какой ценности должно быть Небесное Царство, которое Господь так восхваляет?

Если нам так трудно расстаться с этой жизнью горечи, какое будет наше чувство к той жизни, в которой одно блаженство?

Всякий громко превозносит доброту человека, но кто тронут как следует благостью Божией?

Когда мы садимся за трапезу, то, насытившись, оставляем лишнее. Таким образом, в Иисусе Христе столько достоинств и праведности, что достаточно на нужды целого мира».

Когда Истолкователь досказал свои поучения, то снова повел всех пилигримов в сад, где указал на дерево, которое внутри совсем прогнило, а на наружной его коре росли листья, доказывающие остаток его жизни. Любовь спросила, что это означает.

«Это дерево, — отвечал он, — снаружи благовидное, а внутри гнилое, похоже на многих людей, составляющих рассадник Божий. Они устами прославляют Господа, но, в сущности, ничего для Него совершить не желают. Их листья, т. е. наружность благовидна, но сердце их ни к чему не годно, как только чтобы служить фитилем сатанинской огневицы».

В это время ужин был готов. Они уселись и стали вкушать яства после воздаяния славы Творцу Небесному. По обыкновению своему, Истолкователь угощал своих гостей музыкой во время кушанья. Музыканты заиграли. Один из них даже запел чудным голосом, вот слова его песни:

«Господь единый мой помощник, и Он один меня питает. Могу ли я в чем нуждаться? Он дарует мне в жизни все необходимое».

Когда прекратилась музыка и пение, Истолкователь спросил Христиану, что ей внушило мысль предпринять пилигримство.

Христиана ответила: «Сперва горе мое об утрате мужа, но это была скорбь по плоти. Мало-помалу я стала думать о его пилигримстве и о всех затруднениях, через какие он проходил в последнее время, и о том, насколько мое поведение в отношении к нему было сухо и бессердечно. Укоры совести стали повторяться чаще, и тоска так овладела мной, что я готова была броситься в колодезь. К счастью, я увидела чудный сон, что ему отлично живется в присутствии Царя, от которого мне вскоре вручили письмо, призывающее меня идти туда же. Сон этот и письмо так сильно подействовали на меня, что я решилась отправиться в путь».

Истолк.: «Неужели ты перед уходом не встретила никаких препятствий?»

Хр.: «Конечно, особенно от одной соседки моей по имени г-жа Боязливая. Она родственница того, который чуть было не уговорил моего мужа вернуться назад, напугав его рассказом о львах. Она меня осмеивала за мое, как она выражалась, безумное предприятие, старалась всячески отговорить от принятого решения, представляя все трудности и скорби, встретившиеся моему мужу во время пути. Все это я перенесла довольно легко. Но когда мне приснились два человека подозрительной наружности, я почему-то стала думать, что они сговорятся помешать счастливому совершению моего пилигримства. До сих пор эта мысль меня не покидает, боюсь всякого встречного,

как бы кто не втянул меня в дурное или не заставил бы покинуть путь (Мат. 16:23). Да, признаюсь вам, добрый Истолкователь, и только потому, что мы здесь промеж себя, что прежде чем дойти сюда, недалеко от Тесных Врат мы обе выдержали нападение двух мужчин, напоминающих мне виденных мною во сне, и мы вынуждены были кричать: „Режут! Караул!“»

На этот рассказ Истолкователь ответил: «Твое начало хорошо, твой конец будет лучше».

Потом, обратясь к девице, он спросил ее: «А что тебя побудило прийти сюда, милая?»

Любовь покраснела, испугалась и продолжала молчать.

Истолк.: «Не бойся, только веруй. Говори правду». Любовь начала так: «Уверяю вас, добрый наш Истолкователь, что только недостаток опытности причина, что я предпочитаю молчать, и также страх, что не умею ясно передать свои мысли. Я не имела ни видения, ни сна, как мой друг Христиана, и даже не скорбела о том, что отвергла добрые советы добрых людей».

Истолк.: «Что же подействовало на тебя, милая, и побудило прийти сюда?»

Люб.: «Когда мой друг Христиана готовилась к отъезду, я к ней случайно зашла с другой соседкой. Мы постучали в ее дверь и вошли в дом. Увидев, что она собирает свои пожитки, мы спросили ее, что это значит. Она отвечала нам, что ей прислано приглашение идти в то место, где находится ее муж. Потом она нам рассказала свой сон, что будто бы он живет между бессмертными, носит на своей голове венец, играет на лире, всегда находится в присутствии Царя, разделяя с ним трапезы и прочее. Во все время рассказа мне чудилось, что сердце мое горело. Вот, думала я, если все это истинно, то я готова оставить отца и мать, и родину свою и пойду, если возможно, с Христианой. Я стала расспрашивать ее подробнее о всем слышанном и спросила, хочет ли она меня взять с собой, ибо я убедилась, что в нашем городе нельзя найти места жительства, которому бы не угрожало разрушение. Однако я покинула все с грустным сердцем: мне не хотелось оставаться, но я скорбела о своих близких по плоти. И вот я пришла сюда и со всей искренностью сердца хочу идти, если можно, вместе с Христианой к ее мужу и к Царю».

Истолк.: «Твое начало хорошо, ибо ты свидетельствовала об истине. Ты как Руфь, которая из любви к Ноемине и к Господу Богу покинула отца и мать, и родину, чтоб идти к людям, которых она никогда прежде не знала. Господь да благословит твое дело, и великая награда будет тебе дана Господом Богом Израилевым, под сению крыл Которого ты ныне приютилась».

После ужина все стали собираться на отдых. Спальни были приготовлены. Каждой из подруг была дана отдельная комната. Мальчиков поместили в другой части дома. Любовь долго не могла уснуть от радости, так как все ее опасения насчет того, что она может быть не принятой, исчезли после слов Истолкователя. И в постели она продолжала еще благословлять и восхвалять Господа за Его милость к ней.

Утром они все поднялись с восходом солнца и стали готовиться в путь, но Истокователь уговорил их остаться еще немного. «Ибо, — сказал он, — вы должны выйти отсюда с честью». Потом, обращаясь к девице, которая отворила им дверь, он сказал: «Покажите им дорогу в сад, где находится купель, и там омойте их и очистите от всякой нечистоты, которая к ним пришла во время путешествия». Тогда Невинность, так звали девицу, повела их в сад и привела в купальню. Она объявила им волю хозяина, и все они омылись чистой водой и вышли не только очищенные, но и оживленные и укрепленные в членах своих. Когда они вышли из воды, то стали гораздо красивее прежнего.

Истокователь взглянул на них, и, заметив чудную в них перемену, сказал: «Светлы, как луна», и тотчас велел принести печать, чтобы запечатлеть всех омытых в купели. Он взял печать и сделал ею знак на челе их, чтобы их могли узнавать там, где они будут находиться во время пути. Эта печать служит памятованием пасхальной трапезы, которую вкушали чада Израиля (Исх. 13:8–10), когда выходили из земли Египетской, и знак был сделан между глазами. Запечатление много придало им красоты и степенного вида, и наружность их напоминала лик ангелов (Рим. 8:16).

После того Истокователь снова обратился к девице Невинность и сказал: «Пойди в ризницу и принеси оттуда одеяния, подобающие этим пилигримам». Она отправилась и принесла белые одежды, которые разостлала перед ним. Он приказал им облечься в них. Эти одеяния были из тонкого полотна, белые и чистые. Когда женщины в них облеклись, они почувствовали, что внушают друг другу чувство уважения. Ни одна из них не могла заметить в самой себе славу, озаряющую ее, зато каждая видела блеск славы другой. И они стали почитать одна другую более, чем саму себя. «Ты лучезарнее меня», — говорила одна. «Ты важнее меня», — отвечала другая. Дети стояли в изумлении, рассматривая полученные ими одежды.

Кровь Иисуса Христа, очищающая нас от всякого греха (Иоан. 1:7). Источник для омытия греха и нечистоты (Зах. 1:13). Христос единственное омовение души. И только прибегая ко Христу, мы можем получить утешение, силу и очищение от греха.

Истокователь призвал тогда своего слугу по имени Дух Твердости и приказал ему взять с собой меч, шлем и щит и сказал: «Отведи сих дочерей моих в Чертог Украшенный, в котором они могут остановиться на отдых». Дух Твердости взял с собой все указанные оружия и пошел перед ними, и Истокователь воскликнул им вслед: «Бог в помощь». И все члены этого дома вышли провожать пилигримов, желая счастливого пути.

Путешественники в полной радости отправились в путь, запев громким голосом гимн хваления.

Дух Твердости

Крест и действие его

Вот вижу во сне, что пилигримы весело идут вперед, имея во главе путевода Духа Твердости. Пришли они к тому месту, где бремя Христианина спало с его плеч и укатилось в могилу. Они тут остановились и воздали хвалу Богу. «Теперь, — сказала Христиана, — мне припомнилось, что нам было сказано у Тесных Врат, а именно: словом — значит по обетованию, а делом — т. е. указание на средства к получению его. Мне уже теперь известно прощение по обетованию, а что касается прощения посредством дела или действия, то ты, добрый наш Путеводитель, потрудись объяснить нам».

Дух Тв.: «Прощение вследствие дела есть то прощение, которое заслужено одним существом в пользу другого, нуждающегося в нем. Заметьте, что тот, который получил прощение, не нуждался в нем лично для себя, но приобрел его через совершенное им действие. И потому прощение, полученное тобой, Любовью и детьми твоими есть последствие дела искупления, совершенного Тем, Который впустил вас через Дверь. Он совершил это дело двояко. Он удовлетворил всевышнее правосудие, чтобы облечь вас в праведность, и Он пролил кровь Свою, чтобы омыть вас ею от греха».

Христ.: «Но если Он облакает нас Своей праведностью, во что будет Он Сам облечен?»

Дух Тв.: «Его праведность превышает все то, что Он дарует, и притом никак оттого уменьшиться не может».

Христ.: «Растолкуйте мне это, прошу вас».

Дух Тв.: «Очень охотно. Прежде всего должен вас предупредить, что Тот, о Котором мы говорим, таков, что подобного Себе не имеет. В Нем два существа в одном лице, которые легко можно отличить, но разделить невозможно. Каждому из сих двух существ принадлежит присущая ему праведность, так что невозможно отделить от одного из сих существ праведность, Ему присущую, как нельзя уничтожить ни единого из Его существ. Но эти два вида праведности, присущие каждому из Его двух существ — человеческому и божескому, не те, которыми Он вас делает причастниками, ни через которых вы получаете жизнь и становитесь праведными.

Кроме этих двух видов, Он вмещает в Себе еще и третий вид праведности. Этот третий вид не присущ ни Божеству Его, ни человечеству Его, но происходит от единения сих двух существ и необходим Ему для исполнения порученной Ему от Бога миссии посредничества. Если б Он сообщил вам первый вид Своей праведности, Он бы сложил с Себя свое Божество, если б Он даровал вам второй вид, Он бы отнял чистоту Своего человеческого существа. Если б, наконец, Он даровал нам третий вид правдивости Своей, Он бы не вмещал в Своем лице ту полноту совершенства, которая обуславливает миссию посредничества. Итак, есть в Нем еще иная праведность, которую можно назвать оправдывающей. Ее Он приобрел чрез повиновение воле Бога, ею Он облакает преступивших эту волю, ею покрывает Он преступление закона.

Поэтому Он говорит, что как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание» (Рим. 5:7).

Христ.: «Но разве те три вида Его праведности остаются для нас без пользы?»

Дух Тв.: «О да! Хотя два первые вида присущи Его двум существам, а третий Его миссии посредника, и ни один из них вам сообщен быть не может, но совокупная сила их может произвести успешное действие в дарованной вам оправдывающей праведности.

Праведность Его божества дает силу Его повиновению; праведность Его человечества дает этому повиновению способность оправдывать; а праведность, происходящая от единения Его двух существ, дает власть оправдывающей праведности совершить дело, для которого определена Его миссия.

Итак, в этой оправдывающей праведности Христос, как Бог, не имеет нужды, ибо Он Бог; как человек Он в ней так же не нуждается, ибо вмещает в Себе полноту совершенства. И потому эту оправдывающую праведность, которую Ему ни в каком отношении не причисляет иметь для Себя, Он предлагает, как дар; вот почему ее зовут в Писаниях: „дар праведности“.

Христос, став по человеческому Своему существу под законом, обязался исполнить его, и потому должен даровать эту оправдывающую праведность просящему у Него, ибо закон требует не только дела правды, но и дела милости и любви. А так как по закону следует имеющему две одежды дать одну неимеющему, то Господь, имеющий полноту праведности, присущей Его лицу, предлагает и дарует оправдывающую праведность тем, кто в ней чувствует нужду.

И теперь понимаете ли вы, Христиана, Любовь и все предстоящие, что ваше прощение есть плод действия или дела другого существа. Господь Иисус Христос тот, Который совершил это дело, и всякому просящему у Него Он дает безвозмездно то, что Он приобрел в качестве Заступника и Искупителя. Но для того, чтобы прощение было безусловно и неизменно, следовало сперва выплатить долг, требуемый правосудием Божиим за грех, и приготовить нечто прикрывающее всецело беззаконие. Люди осуждены были на заслуженное ими проклятие за преступление правосудного закона. От этого проклятия могло только избавить искупление. Сам Господь, воплотившись, святой и непорочный стал на ваше место, праведный за неправедных, и вынес на Себе определенное для вас проклятие и смерть за ваше беззаконие. Таким образом, Он искупил вас Своею кровью и прикрыл наши обезображенные грехом души оправдывающей праведностью, которую Он с таким страданием приобрел для вас. И отныне, когда настанет для мира день суда и возмездия. Господь не тронет вас Своим гневом, ибо на вас одежда праведности».

Хр.: «Как славно и дивно хорошо. Теперь я понимаю, что означает прощение словом и делом. Милая подруга, и вы, дети мои, будем вечно помнить, что сделал для нас Христос. Скажите мне, добрый наш путеводитель, не это ли, о чем вы нам рассказали, было той причиной, что у мужа моего вдруг свалилось бремя с плеч?»

Дух Тв.: «Вера его в искупление прорезала узы, которые связывали его с бременем греховным и не могли ничем иным быть прорезаны. И дабы он познал силу и действие этого искупления, ему было велено нести бремя на плечах до самого подножия креста. Вид и размышление о том приносят нам не только мир и облегчение, но и внушают глубокую и действительную любовь к Тому, Кто совершил это искупление своей смертью».

Хр.: «О, будь Имя Его благословенно! Он воистину искупил нас дорогой ценой, и мы по праву — Его. Увы! Как сильно желал муж мой, чтоб я отправилась с ним в пилигримство, а я как бездушная тварь воспротивилась его желанию. Милая Любовь, почему и твои родители не с нами теперь! Мне жаль всех своих знакомых и друзей, которые так над нами насмехались. Я уверена, что самые худшие из них почувствовали бы слезы умиления и раскаяния, если бы видели, что мы видим, и слышали, что мы слышим» (Гал. 3:13).

Дух Тв.: «Ты теперь так говоришь в пылу горячей любви и благодарности; не думаю, однако, чтоб это чувство в тебе было всегда одинаково сильно. Впрочем, не всякий способен душой взирать на умирающего за нас Исккупителя. Некоторые стояли вблизи от Него, видели проливающуюся за них кровь, между тем были от Него так далеко душой, что вместо того чтобы соболезновать Ему, они насмехались над Ним, и не только не сделали Его учениками, но ожесточили свое сердце против Него. Помните наставление, которое вы получили при виде насадки; при обыкновенном звуке ее, когда она созывает цыплят, она только напоминает о себе, но не дает им ничего. При особом роде звука она вручает им нечто. Ныне ваш духовный свет особая благодать, данная вам свыше».

Вот вижу, что пилигримы пошли далее и увидели около своего пути трех повешенных людей. То были Безумный, Медленный и Надменный, которые во время путешествия Христианина спали на дороге, а теперь в цепях были повешены.

Любовь с ужасом воскликнула: «Кто эти три человека и зачем они повешены?»

Дух Тв.: «Эти трое были дурные люди: не только сами не желали быть пилигримами, но и другим мешали в этом; сами были ленивы и безумны, и старались других сделать такими, уверяя, что в конце концов с ними не хуже поступят, чем с настоящими пилигримами. Они спали, когда проходил Христианин; теперь, как видите, они повешены».

Любовь: «Неужели же им удавалось внушать свои воззрения другим?»

Дух Тв.: «Да, и не однажды. Они совратили нескольких, например, Тигохода, Бездушного, Празднолюбца и Ленивца, также и молодую женщину по имени Трусость. При этом они ложно перетолковывали слова и действия Господа и уверяли всех, что Он суровый и взыскательный Повелитель. Кроме того, они рассказывали о небесном крае, будто там вовсе не так хорошо, как это думают. Они чернили верных служителей Господа, называли хлеб Божий — мякиной, утешение и радость детей Божьих — фантазиями, труд и борьбу пилигримов с грехом — бесцельным и пустым занятием».

Тихоход

Хр.: «Если они были такие дурные люди, то, конечно, я о них жалеть не стану. Я нахожу даже хорошо, что они повешены так близко к пути, чтоб каждый мог их видеть; но следовало бы тут же написать на железной или медной доске, за какое преступление они наказаны. Это было бы другим полезно».

Дух Тв.: «Так и сделано, как вы сейчас увидите, когда подойдете поближе к стене».

Любовь: «Пусть они висят, пусть имена их будут преданы забвению! Они получили должное, но пусть преступления их останутся памяtnы. Это особенная милость Божия, что они погибли до нашего прихода сюда. Кто их знает, какое зло они бы вздумали сделать нам, бедным женщинам».

Они продолжали идти таким образом и незаметно дошли до Горы Затруднения, где проводник их рассказал им, что случилось с Христианином на этом месте. Указывая на источник, он начал так: «Вот вода, которую пил Христианин перед тем, как подняться на гору. В то время она была чиста и вкусна, а теперь совершенно мутна от грязных ног тех, которые не желают, чтобы пилигримы утоляли здесь свою жажду». На это Любовь воскликнула:

Бездушный

«Ах, к чему такая зависть!» «Однако, — возразил проводник, — этому горю можно помочь; налейте воды в чистый глиняный сосуд, в нем нечистота отстоится, и вода сделается чистой».

Христиана и ее спутники так и поступили и напились чистой и освежающей воды.

Потом он указал им на обе проселочные дороги у подножия горы, по которым Формалист и Лицемер пошли на свою погибель. «Эти две дороги очень опасны, — прибавил он, — двое погибли на глазах Христианина. И хотя, как вы видите, эти дороги теперь оцеплены и окаймлены столбами и канавой, однако находятся такие люди, которые лучше предпочитают идти по ним, чем взять на себя труд подниматься в гору».

Хр.: «Путь беззаконных жесток. Странно, что они не могут идти по этому пути, не ломая себе шеи».

Дух Тв.: «Они идут на авось; когда случалось, что кто из служителей Царя видел их избирающих эти пути и предостерегал их, они отвечали грубым отказом».

Ленивец

Хр.: «Они ленивы и стараются избегать всякий труд, а подыматься на гору для них утомительно. С ними случается то, что написано: „Путь ленивого — терновый плетень“. Они готовы ради спокойного пути ходить среди сетей, только бы не взбираться на гору и не следовать указанному пути».

Настала минута, когда им надлежало подыматься в гору. Но еще далеко до вершины Христиана почувствовала такую одышку, что сказала: «И в самом деле, это утомительная гора. Неудивительно, что те люди предпочли путь, который спокойнее, если они ценят спокойствие свое дороже своих душ».

Любовь с оханьем и утомлением прибавила: «Не могу идти далее, я здесь сяду». Меньший из мальчиков расплакался.

«Нет, нет, — возразил тут Дух Твердости, — не садитесь здесь, пойдемте выше, скоро дойдем до княжеской беседки».

Он взял за руку плачущего мальчика и уговорил всех идти далее.

Когда дошли они до беседки, то с удовольствием сели отдыхать, так как от утомления пот градом катился по их лицу.

«Как приятен отдых после труда, — сказала Любовь, — и какая заботливость к пилигримам приготовить такое место отдыха для них. Я много слышала об этой беседке, но в первый раз вижу ее. Но будем осторожны, чтобы нам здесь не заснуть. Я слышала, что сон в этой беседке причинил много горя Христианину».

Дух Твердости обратился к детям: «Ну, мои милые мальчики, как вы себя теперь чувствуете? Скажите мне, нравится вам быть пилигримами?»

«Я совсем ослаб, — отвечал самый юный, — и очень вам благодарен, что вы взяли меня за руку. И теперь вспоминаю, что мама мне не раз говорила, что путь на небо — лестница, а путь в ад — под гору. Но я предпочитаю подыматься по лестнице».

Любовь: «Есть поговорка: легко идти под гору в ад».

Яков (так звали мальчика): «Подходит время, в которое, по-моему, путь под гору в ад будет самым трудным».

Дух Тв.: «Вот умный мальчик, ответил хорошо». Любовь улыбнулась, а Яков покраснел.

Хр.: «Идите сюда; не хотите ли что поесть, чтобы освежиться, пока ваши ноги отдыхают? У меня гранатовое яблоко, которое я получила от Истолкователя перед уходом нашим. Еще есть кусок медового сота и склянка с вином».

Любовь: «Я так и думала, что он тебе что-то вручил, когда позвал тебя в сторону».

Хр.: «Так точно; но, как я уже сказала, выходя из дому, ты будешь иметь часть во всем, чем я буду пользоваться, потому что ты так охотно вызвалась сопутствовать нам».

Она разделила провизию на многие части между всеми и, обращаясь к проводнику, спросила: «Не хотите ли и вы с нами покушать, наш добрый покровитель?»

Дух Тв.: «Благодарю, я не голоден. Вы отправляетесь в пилигримство, и вам нужно подкрепить силы свои. Но я скоро возвращаюсь назад, а дома каждый день вкушаю все это».

Когда они насытились и побеседовали немного, проводник обратился к ним: «День идет к закату, не пора ли нам подняться с места и идти далее?»

Они тотчас встали, и мальчики пошли впереди всех. Но Христиана вспомнила, что забыла взять с собой склянку с вином, и потому послала за ней одного из своих сыновей.

Любовь заметила, что это место внушает забывчивость. «Здесь, — продолжала она, — Христианин позабыл свой сверток, а Христиана свою бутылку. Какая этому причина, проводник?»

Дух Тв.: «Причина этому либо сон, либо забывчивость. Иные спят, когда им следовало бы бодрствовать, другие же забывают, когда им следовало бы помнить. И часто случается, что на местах отдыха и покоя пилигримы в некотором отношении бывают в проигрыше. Пилигримы должны бодрствовать и помнить, что они получили отдых для утешения и радости своей.

Вместо того они забывают это, и часто радость их заменяют слезы, и ясное солнце покрывается тучей. Доказательством тому приключение Христианина на месте».

Когда они дошли до того места, где Недоверчивый и Боязливый хотели напугать Христианина рассказами о двух львах, они увидели нечто похожее на возвышенную арену, а перед ней столб, на котором была прибита медная доска с надписью:

«Прохожий! Не давай воли твоему языку. Эта арена устроена для людей, подобных Боязливому и Недоверчивому, которые пугают пилигримов, уговаривая их не идти далее. На этом месте оба были преданы смерти, раскаленным железом сожгли их языки за то, что ложными рассказами они старались убедить Христианина вернуться» (Иак. 3:6).

Любовь: «Как это соответствует тому, что написано: „Господи, избавь душу мою от уст лживых, от языка лукавого. Что даст тебе и что принесет тебе лукавый язык? Острые стрелы сильного с углями горящими“».

Они шли далее, и вот дошли до львов. Дух Твердости был силен и не боялся их, но мальчишки, которые до тех пор шли впереди, остановились и, наконец, все спрятались за проводником, так они испугались грозного вида львов. Он улыбнулся и сказал им: «Эге, мальчуганы, вы любите быть впереди, когда не видите опасности, но лишь только ее завидели, пошли назад».

Тут он, однако, вынул меч из ножен, чтобы защитить пилигримов от львов. Но вдруг явился некто с намерением быть одно со зверями и, обращаясь к проводнику, спросил его грубо: «Что привело тебя сюда?» Этого человека звали Гнусным или Кровожадным, потому что он старался убивать пилигримов, а сам был из породы Великанов.

Дух Тв.: «Эти женщины и дети мне вверены и идут в пилигримство. По этому пути следует нам идти, и они по нему пройдут, невзирая ни на тебя, ни на львов».

Кровожадный: «Этот путь не их, и не пойдут они по нему. Я вышел сюда, чтобы им помешать с помощью львов».

Если сказать всю правду, то следует здесь заметить, что из-за грозного вида львов и гнусной наружности великана путь был редко посещаем и даже почти зарос травой. Христиана на это сказала: «Хотя большая дорога оставлена и путешественники от страха ко львам предпочитали идти по проселочным дорогам, теперь это быть не должно, ибо „восстала я мать в Израиле“» (Суд. 5:7).

Кровожадный поклялся львами, что он их не пропустит, и приказал им отступить. Но проводник подошел к великану и так сильно ударил его мечом, что тот должен был отступить.

Кровожадный: «Ты хочешь меня убить на моей земле?»

Дух Тв.: «Мы находимся на пути Царевом, и на этом пути ты поставил львов, но эти женщины и дети, хотя и слабы, однако устоят на пути, несмотря на львов».

При этих словах он опять его ударил с такой силой, что тот сперва повалился на колени. Потом одним ударом проводник пробил шлем великана, а другим отрезал ему руку. Кровожадный заревел так ужасно, что его голос испугал женщин. Львы были на цепи и причинить вреда не могли. И когда великан в страшной агонии испустил дух, то проводник обратился к ним со словами: «Теперь идите за мной и не бойтесь ничего, львы вас не тронут».

Они пошли далее, но от испуга и страха не могли говорить. Мальчики были бледны и с трудом успокоились.

Украшенный чертог

Вскоре пилигримы дошли до дома привратника, куда они спешили добраться до наступления ночи. Проводник постучал в дверь, и раздался голос привратника: «Кто там?» Но только он услышал ответный голос стучащего: «Это я!», то немедленно узнал знакомую ему личность и поспешил сойти к ним. Не в первый раз приходилось этому проводнику приводить сюда пилигримов. Привратник отворил калитку, и, увидя стоявшего у ней проводника (женщины и дети были в некотором отдалении и потому сначала не были им замечены), он обратился к нему с удивлением: «Как так, Дух Твердости, — спросил он, — что тебя сюда занесло в такую позднюю пору?»

«Я привел сюда, — отвечал проводник, — несколько пилигримов, которые по повелению Господа должны здесь переночевать. Я бы давно был у вас, но мне помешал великан, который был заодно со львами. Но после долгого и утомительного боя мне удалось его сразить, и я благополучно привел пилигримов до сего места».

Привратник: «Не войдешь ли, чтоб дожидаться утра?»

Дух Тв.: «Нет, я сегодня же ночью вернусь к Господу».

Хр.: «О, добрый наш проводник, как нам прискорбно, что ты нас покидаешь! Ты нас так дружески и верно ограждал в опасностях, такие мудрые давал советы, что я этого никогда не забуду».

Любовь: «О, нельзя ли нам сохранить тебя до конца нашего путешествия? Как станем мы, слабые женщины, продолжать путь, усеянный опасностями, без друга и защитника?»

Яков (младший из всех): «Умоляю вас, добрый проводник, согласитесь остаться с нами: мы так беспомощны, а путь опасен».

Дух Тв.: «Я под властью Господа. Если Он прикажет мне идти с вами до конца, я это охотно исполню. Но вы сами виноваты; ибо, когда Он мне приказал проводить вас до сего места, вам бы следовало упросить Его дозволить мне идти с вами до конца, и Он исполнил бы вашу просьбу. Теперь пока я должен уйти. Итак, добрая Христиана, Любовь и милые дети — прощайте!»

*Этого человека звали Гнусным или Кровожадным,
потому что он старался убивать пилигримов, а сам был из породы Великанов.*

Тогда привратник по имени Бдительный стал расспрашивать Христиану о ее родне, и она ему ответила, что они пришли из города Разрушения и что она вдова Христианина пилигрима. «Так он был муж твой?» — с изумлением спросил привратник. «Да, — ответила она, — и вот его дети, а эта (указывая на Любовь) из одного города со мной, моя подруга».

После того привратник позвонил, и к двери подошла девица по имени Смирение. К ней он обратился со словами: «Поди, скажи в доме, что Христиана, жена Христианина, прибыла сюда с своими детьми». Она вышла, чтоб передать эту весть. И в доме раздались возгласы радости, как только о том узнали.

Все поспешили выйти к привратнику, который все еще стоял у калитки с пилигримами. Некоторые из самых важных обратились к Христиане с приветствием: «Войди к нам, Христиана, войди, жена того хорошего человека, войди, благословенная, со всеми, которые с тобой».

Все последовали за хозяевами. Им указали на просторную комнату, где предложили сесть. Глава дома явился принять гостей. Они поклонились и приветствовали один другого лобзанием мира, после чего главный хозяин промовил: «Приветствую вас, сосуды благодати Божией; с радушием принимаем вас, верные наши друзья!»

Так как время было позднее и пилигримы были утомлены ходьбой и душевными волнениями во время опасности, то они изъявили желание скорее отдохнуть. «Сперва, — сказал глава дома, — укрепитесь пищей и вкусите мяса» (Исх. 12:21). Им изготовлен был агнец с особенной приправой, ибо привратник уже был извещен об их скором прибытии, и кушанье их ожидало (Иоан. 1:29). Когда они отужинали и кончили молитвой и пением псалма, то изъявили желание отправиться на отдых.

«Дозвольте нам, — сказала Христиана, — если вас это не стесняет, ночевать в комнате, которую когда-то занимал муж мой».

Их отвели туда, и они устроились все в одной комнате. Когда они остались одни, Христиана вступила в разговор со своей подругой насчет всего с ними случившегося.

Христиана: «Ну уж не мечтала я, когда мой муж отправился в пилигримство, что и я скоро за ним последую».

Любовь: «А еще менее думала ты, что станешь отдыхать на его постели и в его комнате».

Хр.: «И даже не думала, что когда-нибудь увижу его снова с радостью и что с ним вместе буду восхвалять Царя и Господа, а теперь верую, что будет так».

Любовь: «Т-с! Слышишь? Шум какой-то?»

Хр.: «Да, это гармонические звуки радости о нашем прибытии сюда».

Любовь: «Чудо! Гармония в доме, гармония в сердце, восклицания радости в небе, все это потому, что мы здесь!»

Они побеседовали еще немного и потом уснули. Поутру, когда проснулись, Христиана спросила Любовь: «Что с тобой было, что ты всю ночь прохотала? Тебе что-нибудь веселое приснилось?»

Любовь: «Я видела чудный сон. Но неужели я в самом деле хохотала?»

Хр.: «Да, и от души. Но Расскажи мне твой сон».

Любовь: «Вижу, что сижу одна в уединенном месте, и сожалею, что у меня такое жесткое сердце. Но мне показалось, что я недолго оставалась одна и что вокруг меня стали собираться другие, внимая моим словам. Они слушали, а я продолжала громко выражать свое сожаление. При этом некоторые стали насмехаться надо мной, другие называли меня дурой, а остальные начали меня отталкивать от себя прочь. Вдруг я подняла глаза и увидела кого-то с крыльями, прилетающего ко мне. Он подошел и спросил меня: „Любовь, о чем ты печалишься?“ Когда я ему сказала причину моей скорби, он ответил: „Мир тебе“. Потом отер мои глаза своим платком и облек меня в серебро и золото. На шею надел он мне цепь, в уши вдел серьги и чудный венец возложил мне на голову. Потом, взяв меня за руку, он сказал: „Любовь, иди со мной“. Он пошел, а я за ним, и мы дошли до Золотых Ворот. Тут он постучался и, когда ему отворили, он вошел, и я за ним, и подошли мы к престолу, на котором кто-то сидел, который мне сказал: „Приветствую тебя, дочь моя!“ Место это было светлое,

*«Вижу, что сижу одна в уединенном месте, и сожалею,
что у меня такое жесткое сердце».*

злачное, как звезды на небе или скорее как само солнце, и мне показалось, что я увидала там твоего мужа — и я проснулась. Но неужели я хохотала?»

Хр.: «И еще как смеялась, но, впрочем, было тебе о чем радоваться, ибо я тебе скажу, что сон твой чудный. Ты же могла убедиться, что начало верно, и ты узнаешь, что конец также исполнится. Впрочем, Бог говорит однажды, и если того не заметят — в другой раз. Во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе (Иов. 32:14–15). Нам не нужно бодрствовать на постели, чтобы беседовать с Богом. Он может посетить нас спящими и заставить внимать Его голосу. Нередко сердце наше бодро, когда мы во сне, и Господь может к нему обратиться либо словами, или видениями, или притчами, так же ясно, как будто бы наяву».

Любовь: «Я очень довольна моим сном. Надеюсь скоро увидеть его исполненным, и тогда снова стану смеяться от радости».

Хр.: «Однако нам пора вставать и узнать, что нам делать».

Любовь: «Пожалуйста, если нас станут уговаривать оставаться далее, примем приглашение. Я очень была бы рада прожить здесь некоторое время и ближе познакомиться с девицами: Мудрость, Благодетель и Милость, которые все такой кроткой и скромной наружности».

Хр.: «Увидим, что они нам скажут».

Они встали и, одевшись, сошли в общую комнату, где их спросили, покойно ли они провели ночь.

Любовь: «Очень покойно; ночь была из лучших в моей жизни».

Мудрость и Благодетель стали их уговаривать продлить на некоторое время пребывание у них, уверяя, что все будет исполнено для доставления им спокойствия. «И от всего сердца будем стараться угодить вам», — прибавила Милость.

Пилигримы дали свое согласие и провели около месяца в доме Привратника, что оказалось весьма для них полезным.

Мудрость пожелала убедиться, какое воспитание дала Христиана своим детям, и просила у нее позволение поставить им некоторые вопросы из христианского катехизиса. Она с радостью дала на то согласие. Тогда девица начала с меньшего по имени Яков.

Мудр.: «Пойди сюда, Яков, и скажи мне, знаешь ли ты, кто тебя сотворил».

Яков: «Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой».

Мудр.: «Хорошо. Ну, а кто же спас тебя?»

Яков: «Бог Отец, Бог Сын и Бог дух Святой».

Мудр.: «Так, но как спас тебя Бог Отец?»

Яков: «Своею благодатью».

Мудр.: «А как спас тебя Бог Сын?»

Яков: «Своей праведностью, кровию, смертью, воскресением».

Мудр.: «А как спас тебя Бог Дух Святой?»

Яков: «Своим просвещением, обновлением и хранением».

Тогда девица начала с меньшого по имени Яков.

Тогда, обратясь к Христиане, сказала: «Ты достойна похвалы за воспитание, которое ты дала своим детям. Мне кажется, с него теперь довольно, и я займусь с другим его братом, постарше».

Мудрость: «Ну, Иосиф, хочешь отвечать на мои вопросы?»

Иосиф: «Очень охотно».

Мудр.: «Что такое человек?»

Иосиф: «Разумное творение Божие, как о том говорил брат».

Мудр.: «Что подразумевается под словом спасенный?»

Иосиф: «Что человек посредством греха вовлек себя в состояние рабства и скорби, из которого спас его Господь».

Мудр.: «Что значит, что человек спасен Св. Троицей?»

Иосиф: «Что власть греха так велика, что никто не может вырвать человека из его когтей, кроме Бога, а что Господь так благ и так любящ к своим созданиям, что действительно вырывает их из этого жалкого состояния».

Мудр.: «Какая цель у Бога, спасая их?»

Иосиф: «Прославление имени Его, благодати и правосудия Его, и вечное блаженство Его творения».

Мудр.: «Кто те, которые будут спасены?»

Иосиф: «Которые сердцем веруют и принимают спасение».

Мудр.: «Хорошо, Иосиф. Мать твоя учила тебя как следует, а ты хорошо внимал ее учению».

Тогда, обратясь к Самуилу, немного его старше, спросила: «А ты, Самуил, станешь отвечать на мои вопросы?»

Самуил: «Конечно, сколько вам угодно».

Мудр.: «Что такое небо?»

Самуил: «Состояние и место блаженства, ибо там обитает Бог».

Мудр.: «Что такое ад?»

Самуил: «Состояние и место страдания, ибо там обитают грех, дьявол и смерть».

Мудр.: «Почему желаешь ты идти на небо?»

Самуил: «Дабы мне узреть Бога и служить Ему неустанно, чтобы видеть Христа и любить Его вечно и получить в сердце ту полноту Духа Святого, которую здесь чувствовать в совершенстве не могу».

Мудр.: «Очень хорошо. И ты хорошо воспользовался уроками твоей матери».

Тогда она обратилась к самому старшему по имени Матвей и сказала ему: «Теперь ты, Матвей, подойди ко мне и позволь задать несколько вопросов».

Матвей: «Очень рад».

Мудр.: «Было ли что или могло ли что получить бытие перед Богом, т. е. до Него?»

Матвей: «Нет, потому что Бог предвечный и ничто кроме Него не существовало до начала первого дня: „Ибо в шесть дней сотворил Бог небо и землю и все, что в них“».

Мудр.: «Какое твое мнение о Библии?»

Матвей: «Это святое слово Божие».

Мудр.: «Не находишь ли ты там чего, что понять не можешь?»

Матвей: «Очень многое».

Мудр.: «Как же ты поступаешь, когда встречаешь в ней места, совсем для тебя непонятные?»

Матвей: «Я думаю, что Господь мудрее меня. Я также молюсь, чтобы Он дал мне понять все то, что может послужить к пользе моей души».

Мудр.: «Как ты веруешь в отношении воскресения мертвых?»

Матвей: «Я верую, что воскреснет тоже тело, которое было погребено, одинаковое по существу, но нетленное. И я верую этому по двум причинам: во-первых, потому что Господь обещал сие; во-вторых, потому что Он властен исполнить это».

Тогда Мудрость, обратившись ко всем юношам вместе, сказала им: «Продолжайте слушаться вашей матери, ибо она может еще многому научить вас. Вы также должны внимательно слушать беседы других на этот счет, ибо для вашей же пользы говорят хорошее. Старайтесь также с особой заботливостью учиться полезному у неба и земли, а главное, углубляйтесь в чтение той книги, которая сделала из вашего отца пилигрима. Милые дети, я стану вас учить чему могу во время вашей бытности у нас и с радостью дам вам ответы на все вопросы относительно божественного».

Неделю спустя к Любви пришел посетитель, который оказывал ей всякое внимание. Имя ему было Весельчак, хорошо воспитанный по-светски человек, имеющий некоторые притязания на религиозность, но внутренне очень преданный миру и делам мирским. Он несколько раз навестил ее и наконец признался ей в любви. Надо сказать, что Любовь была очень красивой наружности и потому легко могла нравиться.

Она постоянно была занята работой, и когда ей нечего было делать для себя, то готовила одежды и обувь для раздачи неимущим. Г-н Весельчак, не зная, куда она распределяет все ею сшитое, был в восхищении от ее трудолюбия, и думал, что в ней найдет отличную домохозяйку. Любовь с своей стороны рассказала об этом обстоятельстве девицам дома и расспрашивала о нем, зная, что они его лучше знают, чем она. Они ей передали, что он весьма суетный молодой человек с некоторыми претензиями на религию, но что, по их мнению, он совсем чужд доброму влиянию веры.

«Если так, — сказала Любовь, — я не намерена обращать на него ни малейшего внимания, ибо я твердо решила не ставить никакого препятствия моей душе». Мудрость дала ей заметить, что совершенно бесполезно давать ему формальный отказ, но что он сам отойдет, как только убедится, что она трудится в пользу бедных, а не для своих выгод.

Когда он пришел на следующий день, он снова застал ее дома за работой для неимущих и сказал ей: «Как, опять за трудом?» — «Да, — отвечала она, — иногда для меня, иногда для других». — «А сколько можете вы зарабатывать

за день?» — спросил он. «Я делаю эти вещи, чтобы сделаться богатой добрыми делами, чтоб положить твердое основание для будущего и достигнуть жизнь вечную». — «Но что же вы со всем этим делаете? Скажите на милость», — возразил он. «Одеваю нагих», — отвечала она. При этих словах лицо его вытянулось, и с тех пор он более к ней не возвращался. Когда его спрашивали почему, то он отвечал сухо: «Девушка эта красива, но страдает умопомешательством».

Когда он скрылся, Мудрость сказала Любви: «Не говорила ли я тебе, что г-н Весельчак скоро оставит тебя? Теперь он, конечно, станет недоброжелательно о тебе отзываться, ибо, несмотря на свои претензии на религию и на воображаемое нежное чувство к тебе, вы оба самых различных свойств, так что меж вами ничего общего нет».

Любовь: «Я бы давно могла быть замужем, хотя не люблю об этом говорить. Но все желавшие получить меня не принимали моих условий, хотя всегда были довольны моей наружностью. Поэтому я ни с кем не могла сойтись».

Мудр.: «В наше время любовь не считается необходимостью, и кто не понимает любви, не в силах подчиниться ее условиям».

Любовь: «Ну, что делать. Если никому я не нужна, умру девицей, и мои условия будут служить мне замужеством. Я изменить себя не могу и никогда не позволю кому-нибудь помешать мне в том, что отныне сделалось целью моей жизни. У меня была сестра, по имени Добродушная, замужем за подобным шалопаем: они никогда не могли ладить. Сестра взяла решимость продолжать, как начала, т. е. быть доброй к бедным, мужу же это не нравилось, и он сперва обесславил ее и привел ко Кресту, а потом выгнал из дому».

Мудр.: «А между тем, я уверена, что он устами исповедывал христианство».

Любовь: «Да, но такое христианство, каким он сам был представителем и какими полон мир в наше время. Но я не достанусь никому из подобных».

Вскоре Матвей, старший сын Христианы, сильно заболел желудком. Недалеко от них жил г-н Разумение, пожилой, известный врач. По желанию Христианы за ним послали, и он прибыл. Когда он вошел к больному юноше и рассмотрел, в чем дело, то решил, что он страдает коликами, и, обратясь к матери, спросил: «Какая была его пища в эти последние дни?» — «Самая простая и здоровая», — отвечала мать. «О, нет, — прервал ее врач, — он ел нечто неудобоваримое, что еще и до сих пор камнем давит ему желудок, и потому его надо очистить, не то он умрет».

Самуил: «Мама, что такое было, что брат сорвал с дерева и съел после нашего выхода из Тесных Врат? Помнишь, на левой стороне был палисадник за стеной, и ветви некоторых деревьев висели с прекрасными плодами над самой стеной?»

Христиане: «Правда, мой милый, он ел от этих плодов, шалун такой, и я его побранила за это, все-таки он поел несколько».

Разумение: «Я знал, что он съел чего-то, что было для него нездорово, а эта пища, или, вернее, этот плод, самый вредный. Это плоды из фруктового сада Веельзевула, и удивляюсь, что вас никто вовремя от них не предостерег. Многие от этого даже уже умерли!»

Весельчак

Христиана громко зарыдала, повторяя: «О, негодный малый! Ах, я несчастная мать! Чем теперь спасти сына?»

Разумение: «Однако вы не отчаивайтесь, сын ваш может еще выздороветь, если примет рвотное и слабительное».

Христиана: «Прошу вас, доктор, употребите все ваше искусство, чтобы вылечить его, как бы дорого это ни стоило».

Разумение: «Надеюсь быть невзыскательным». Он приготовил лекарство, которое, однако, оказалось слабым и недействительным, потому что оно было сделано из крови козла, из золы телки с соком иссопа и пр. Тогда врач решился употребить самое сильное средство, которое неминуемо действует целебно, а именно: он дал больному *ex carne et sanguine Christi*¹. (Доктора употребляют иногда самые непонятные для нас вещества.) Он приготовил это лекарство в виде пилюль, смешал с двумя обещаниями и прибавил порядочное количество соли. Принимать их больной должен был три раза в день, натошак, в четверти стакана слез покаяния. Когда оно было поднесено юноше, он не пожелал это проглотить, хотя страдания его все увеличивались.

«Нечего толковать, — сказал врач, — вам следует это принять».

«Но оно противно моему желудку», — отвечал юноша.

«Я требую, чтобы ты это принял», — твердо возразила Христиана.

«Мне оно произведет рвоту», — простонал юноша.

«Скажите, доктор, какой вкус у этого лекарства?» — спросила его мать.

«Дурного вкуса оно не имеет», — отвечал врач.

Тут Христиана сама попробовала лекарство:

«О, Матвей, средство это слаще меда. Если ты любишь меня, мать свою, если тебе дороги братья твои, если тебе мила Любовь, если, наконец, дорога тебе твоя жизнь — прими это средство!»

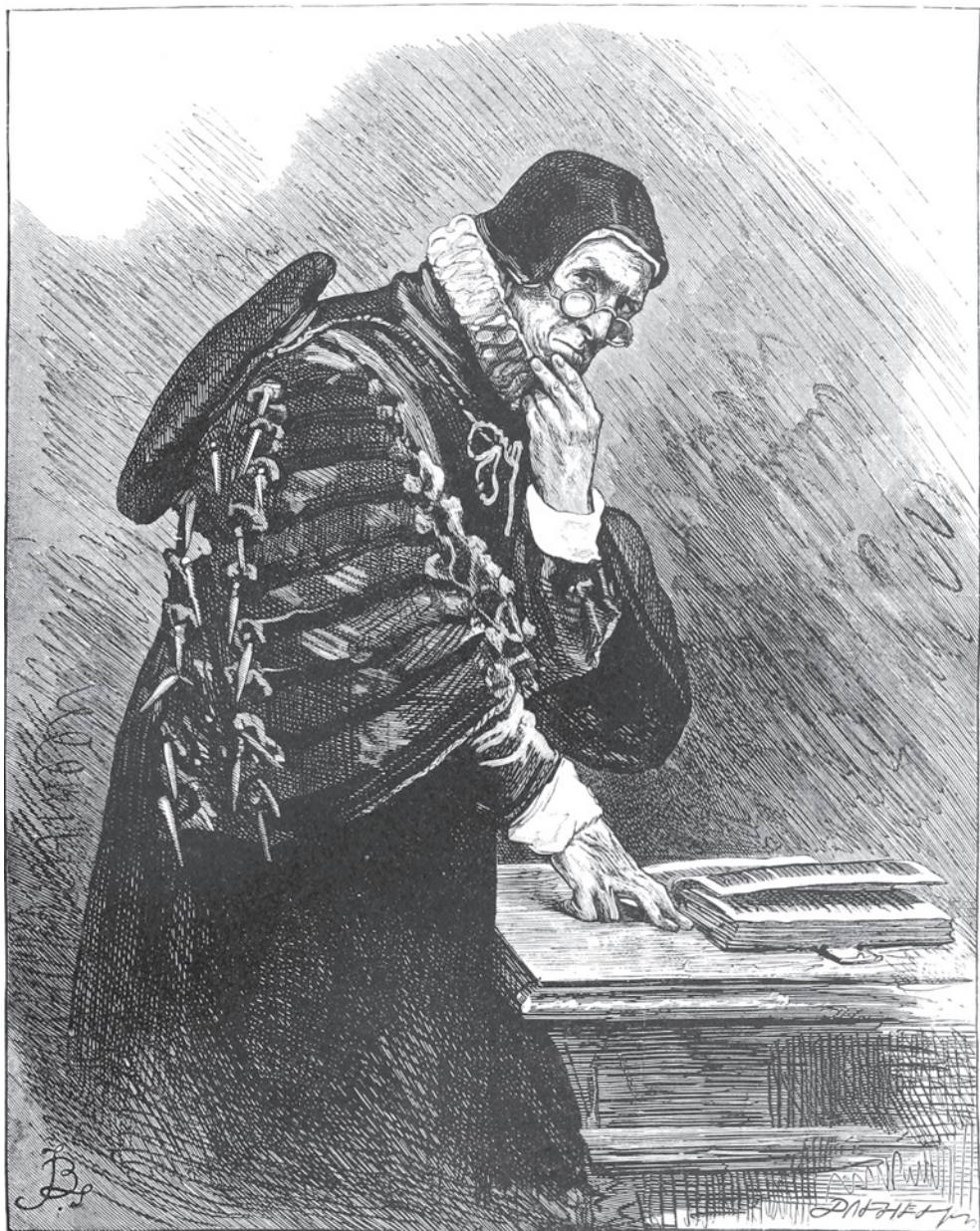
После некоторого колебания и короткой молитвы для испрошения благословения Божия на лекарство юноша проглотил предложенное ему и тотчас почувствовал облегчение. Оно очистило его от зла, давящего его внутренности, он спокойно и тихо уснул и более не метался в постели от страданий. Жизненная теплота заменила озноб, от которого посинели его члены, испарина выступила по телу, изгоняя всю испорченность, и он дышал ровно, с радостной улыбкой на устах.

Вскоре он так оправился, что встал с постели и с посохом в руке стал прохаживаться из комнаты в комнату, разговаривая с Мудростью, Благодетелем и Милостью о своем дурном нраве, от которого он ныне вылечен.

Когда юноша совсем окреп, Христиана спросила врача, что ему следует получить за его попечение о сыне. На это он отвечал: «Вы должны поднести Главе общества врачей, что следует по предписанию в этих случаях» (Евр. 13:15–16).

Христиана: «На что еще полезны эти пилюли?»

¹ Из плоти и крови Христа (*лат.*).

Г-н Разумение

Разумение: «Они от всех болезней, особенно от тех, к которым более склонны пилигримы, и когда хорошо изготовлены и приняты как следует, то неминуемо излечивают. Их можно хранить всегда, не боясь порчи».

Христиана: «Прошу вас, доктор, изготовить мне двенадцать коробочек подобных пилюль, тогда я никогда не стану употреблять иного лекарства».

Разумение: «Эти пилюли могут даже предохранить от будущих болезней. Да, я твердо убежден и отвечаю, что, принимая их как следует, можно жить вечно. Но, добрая Христиана, не употребляй этого средства ни на что другое, как на то, что я тебе указал» (Иоан. 6:58).

И он вручил это лекарство ей, ее детям и Любви, увещевал Матвея впредь быть осторожным и, расцеловав их, простился.

Я уже прежде говорил, что Мудрость предложила мальчикам заняться своим образованием во все время их пребывания в доме. Поэтому она их однажды подозвала к себе и спросила, не хотят ли они побеседовать с ней. Они собрались около нее.

Матвей: «Почему большею частью лекарство горько в устах?»

Мудр.: «Это доказывает, насколько плотской нашей природе неприятно принимать действие Слова Божия».

Матвей: «А почему, если желаешь получить облегчение, следует принять очистительное средство?»

Мудр.: «Это доказывает, что действующее на нас Слово Божие очищает сердце. Что лекарство для тела, то Слово для души».

Матвей: «Что должны мы заключить, когда видим пламя в очаге, восходящим кверху, а лучи и живительную теплоту солнца нисходящими к нам?»

Мудр.: «Восходящим пламенем огня мы научаемся стремиться к небу искренними и пламенными желаниями, а солнце, ниспосылающее нам свою теплоту, лучи и живительные силы, научает нас, что наш Спаситель, хотя стоит над нами высоко, однако ниспосылает нам свою благодать и любовь».

Матвей: «Откуда берут тучи свою воду?»

Мудр.: «Из морей, рек и озер».

Матвей: «Чему это нас научает?»

Мудр.: «Тому, что проповедники должны искать в Боге учение, которое желают передавать».

Матвей: «А почему тучи изливаются на землю?»

Мудр.: «Потому что проповедники должны передавать миру все, что им дано знать о Боге».

Матвей: «Почему радуга происходит от солнца?»

Мудр.: «Чтобы нам доказать, что завет благодати Божией утвержден Христом, Солнцем Правды».

Матвей: «Почему источники исходят из морей и доходят к нам через землю?»

Мудр.: «Чтоб доказать, что благодать приходит чрез Христа».

Матвей: «Почему некоторые источники выбиваются из земли на вершинах высоких гор?»

Мудр.: «Чтоб доказать нам, что Дух благодати может засиять в великих и сильных, и также в смиренных и слабых».

Матвей: «Почему огонь окружает светильню?»

Мудр.: «Чтобы научить нас, что только когда благодать воспалит наше сердце, мы получаем истинный свет жизни».

Матвей: «Почему светильня и сало улетучиваются для поддержания света в свечах?»

Мудр.: «Чтоб показать, что тело и душа, и все должно быть отдано в жертву и совершенно исчезнуть для полного проявления в нас благодати Божией».

Матвей: «Почему пеликан сам разрывает свою грудь?»

Мудр.: «Чтоб накормить своих птенцов своею кровью. Этим мы научаемся помнить, что Христос, благословенный наш Спаситель, так любит малых Своих (народ Свой), что кровью Своею спасает их от смерти».

Матвей: «Чему можем мы научиться, внимая пению петуха?»

Мудр.: «Научись вспоминать о грехе Петра и о его покаянии. Пение петуха возвещает нам также, что настает новый день; да напомним же оно тебе всякий раз, что настанет и последний, страшный день суда Божия».

Месяц, назначенный для пребывания пилигримов в доме Привратника, пришел к концу, и они объявили хозяевам дома о своем намерении продолжать путешествие. Один из сыновей Христианы сказал матери: «Не худо было бы тебе, матушка, послать Прощение к Истолкователю о возвращении нам нашего Проводника, без которого мы будем не в силах бороться с опасностями во время пути». — «Ты прав, милый мальчик, — сказала она, — а я совсем забыла об этом». Она написала просьбу и просила г-на Бдительного Привратника отослать ее с верным посланным к другу их — Истолкователю. Получив прощение, Истолкователь ответил посланному, что он может вернуться и сказать, что просьба им принята и будет исполнена.

Когда семейство дома узнало о намерении Христианы уходить, то все собрались для совершения молитвы. Они воздали хвалу Царю своему, что прислал им в дом таких полезных для них гостей. Потом, обратясь к Христиане, они сказали: «По обычаю нашего дома мы перед отъездом твоим покажем тебе нечто, о чем нелишне пилигримам рассуждать во время пути». Они повели Христиану и все общество в комнату, где показали им яблоко, от которого вкусила Ева, и другое, от которого дала она вкусить Адаму, за что оба были изгнаны из рая, и спросили ее, как она об этом рассудит. Христиана ответила: «Это пища или яд, но не могу определить, что именно». Они ей объяснили, и она подняла руки от удивления.

После того повели они ее на одно место, где указали ей Лестницу Иакова. В это время несколько ангелов подымались по ней. Христиана остановилась посмотреть на поднимавшихся ангелов, и все ее семейство также следовало за ними глазами. Только что хозяева надумали увести их в другое место, как Яков

сказал матери: «Пожалуйста, останемся здесь подолее, это такое чудное видение!» И они продолжали восхищаться видом светлых ангелов.

Потом они все отправились смотреть на Золотой Якорь. Хозяева предложили Христиане снять его, сказав: «Возьми якорь с собой, он тебе будет необходим в то время, когда тебе будет нужно взяться за него для входа во внутреннее, за завесу, и остановиться от бурной погоды». Она приняла якорь с благодарностью. После того их повели на гору, на которой Авраам принес в жертву сына своего Исаака, и показали им жертвенник, дрова, огонь и нож его. Увидя все это, пилигримы воскликнули: «О, какой великий человек был Авраам! Какая любовь к Творцу и самоотвержение».

После осмотра всего их отвели в столовую, где стояли гусли, на которых Мудрость заиграла и запела следующую песнь: «Ты видела яблоко Евы, да будет оно тебе уроком; ты узрела лестницу Иакова, по которой поднимаются ангелы, и здесь получила ты якорь, но не давай себе покоя, пока не принесла, как Авраам, в жертву то, что самое дорогое твоему сердцу».

В эту минуту кто-то постучался в дверь. Привратник отворил ее, и вошел Дух Твердости, их проводник. Радость пилигримов была неописуемая! Они только что вспомнили, как он убил великана Кровожадного и избавил их от львов.

Вошедший обратился к Христиане и Любви: «Господь мой прислал каждой из вас по бутылке вина, молотого хлебного зерна и по две гранаты. Мальчикам же прислал он винограду и несколько винных ягод на дорогу».

Они отправились в путь, и до некоторого расстояния Мудрость и Благодетель пошли их провожать. Когда они дошли до забора, Христиана спросила у привратника, не проходил ли кто недавно?

«Нет, — отвечал он, — один только, и то уже несколько времени тому назад, и он мне передал, что недавно был сильный разбой на Царской боковой дороге, по которой вы идете. Однако мошенники схвачены и скоро будут судимы». Женщины смутились, но Матвей, старший из юношей, прибавил: «Не бойтесь, пока с нами Дух Твердости, никакая опасность не должна нас страшить».

Христиана, прощаясь, сказала привратнику: «Много вам благодарна, добрый хозяин, за ваше радушное гостеприимство и за все ваши ласки к моим детям. Не знаю, чем могу выразить вам мою признательность, но примите в знак памяти от меня эту малую вещь». И она положила ему в руку золотого ангела, за что он почтительно наклонился и прибавил: «Да будет одежда твоя всегда непорочной белизны и голова твоя покрыта елеем. Да будет жива Любовь и дела ее многочисленны». И, обратясь к юношам: «Храните себя чистыми от страстей юности и стремитесь к святости с теми, которые мудры. Вы исполните радостью сердце вашей матери и получите награду, назначенную смиренным душам».

Они благодарили привратника и отправились. Но лишь только дошли они до подножья одного пригорка, как Благодетель, которая их провожала,

вспомнив о чем-то, воскликнула: «Ах, я забыла вручить Христиане, что я приготовила для нее и ее спутников. Я пойду назад и принесу сейчас». Как только она ушла, Христиане показалось, что она слышит из ближайшей рощи, на правой руке, чудное пение, в котором они могла различить слова: «Во всей моей жизни Твоя ко мне милость так ясно высказывается, что я жажду поселиться навеки в Твоих жилищах».

Вслушиваясь далее, ей показалось, что раздалось ответное пение другим голосом: «Почему? Потому что Господь и Бог наш столь благ. Он утвердил на нас милость Свою, истина Его во все времена неизменна, и от века до века твердо гласит Его святую волю». Христиана спросила у Мудрости, откуда раздается такое замечательное пение? «Это наши лесные птички, — ответила она. — Они редко поют, только весной, когда расцветают цветы и солнце жаркое греет — тогда пение их слышно весь день. Я часто хожу в рощу прислушиваться к ним, иногда приносим некоторых домой накормить их, и они нас знают. Их общество особенно отрадно, когда мы задумчивы: ими увеселяются и рощи, и леса, и самые уединенные ущелья».

В это время вернулась Благодетель и сказала Христиане: «Я тебе принесла начертание всего тобою виденного в нашем доме, и когда ты станешь забывать о том, стоит тебе только на это взглянуть, и ты все опять припомнишь для своего наставления и пользы душевной».

Долина Уничуждения

Тут они дошли до места, где им надо было спускаться в долину Уничуждения. Спуск был крутой и дорога скользкая, но они осторожно спускались и без особых приключений спустились вниз. Когда они сошли в долину, Благодетель сказала Христиане: «Вот место, где твой муж встретил Аполлиона и где они схватились в сильном рукопашном бою. Ты, вероятно, слышала об этом, но не бойся для себя и для своих, пока Дух Твердости — ваш путеводитель и проводник, вы будете в безопасности». После этого Мудрость и Благодетель передали пилигримов на попечение проводника и, простившись со всеми, пошли обратно к себе, а те далее.

Дух Тв.: «Нам нечего бояться этой долины; здесь ничто повредить нам не может, кроме того, что мы по собственной воле причиним себе. Конечно, Христианин здесь сражался против Аполлиона, но это было последствием тех оступей, которые он имел, сходя с горы, ибо оступающие с горы не минуют боя в долине. И вот почему такая худая молва о ней. Вообще, когда люди слышат, что страшное приключение случилось с кем-то в таком-то месте, то они тотчас того мнения, что место это нечисто и обитаемо тайным врагом или злым духом; а между тем не понимают, что, когда неприятность с ними приключается — это только плод их собственных действий. Долина Уничуждения

сама по себе плодородная земля; я почти уверен, что мы найдем причину, почему Христианин вынес в ней такие тяжелые испытания» (Пс. 106:12).

Тут Яков воскликнул: «Посмотри-ка, вон там стоит столб, и на нем как будто надпись... Пойдем туда, увидим, что это такое». Они пошли по этому направлению и прочли следующее: «Да будут оступи Христианина, когда он спускался с горы, и его бой с врагом — предостережением для тех, которые пойдут по этому пути».

«Видите, — сказал проводник, — я вам сказал, что мы найдем здесь кое-что, что объяснит трудности, встреченные Христианином в этой долине». Потом, обратясь к Христиане, он сказал: «Да не будет это бесчестьем для Христианина или кого другого, кто здесь оступился. Легче подыматься на гору Затруднение, чем спускаться с нее в долину Уничуждения, а этого нельзя сказать о всех горах в мире. Однако оставим этого доброго человека — он покоится. Он все-таки одержал славную победу над врагом. Да ниспошлет Всевышний и нам совершить путь наш не хуже его, когда мы встретим испытание, как он. Но вернемся к долине, о которой мы рассуждали. Это самая лучшая и плодородная земля во всей здешней окрестности. Почва тучная и, как вы можете убедиться, богата пастбищами. И если бы кто пришел сюда в летнюю пору, как мы теперь, не зная ее назначения, а желая только приятного зрелища для глаз, он был бы в восторге. Посмотрите, какая чудная зелень в этой долине! Я знаю многих тружеников, которые получили отличные поместья в долине Уничуждения (ибо Бог гнушается гордыми, смиренным же дает благодать), так как почва в самом деле благодарная и приносит во сто крат. Иные даже желали, чтоб ближайший путь к дому Отца был здесь, дабы так не утомляться постоянным карабканием по горам и пригоркам, но какой ни есть путь, такой и быть должен, а умствовать не следует».

Между тем, когда они шли и разговаривали между собою, они увидали неподалеку юношу, который пас овец своего отца. Этот мальчик, несмотря на свою простую одежду, был красивой и приятной наружности. Он сел в уединении и начал петь. «Обратите внимание, — сказал Дух Твердости, — на то, что поет этот молодой пастух». Они вслушались, и вот слова: «Если мое сердце будет бороться против гордости и спокойно переносить унижение, Господь всегда будет моим руководителем и сохранит меня от падения. На что мне богатства? Довольствуюсь немногим, люблю голубым небом; прошу Бога вразумить меня. Когда идешь в путь, не бери с собою лишней тяжести, потому что при опасности она стесняет. Выносить беду и горе с веселым сердцем, жить в Боге, Царе Небесном, вот в чем заключается земное поприще человека пилигрима!»

«Слышите? — спросил путеводитель. — Мне кажется, что этот юноша вполне счастлив и в сердце его гораздо более спокойствия духа, чем у тех, которые одеваются в шелк и бархат. Но возвратимся к нашей беседе. В этой долине в старину наш Господь имел временное жительство. Он им был доволен и любил прогуливаться по лугам, вдыхая чудный воздух полей. Кстати заметим, что человек только здесь избавлен от шума и волнений житейских, тогда как

Молодой пастух

повсюду встречаются ссоры и смятение. Для человека, любящего уединение, эта долина Уничтожения единственное место, где он чувствует себя вполне свободным; здесь ничто его не раздражает, как в других местах. Никто не проходит по этой долине, как только те, которые любят жизнь пилигрима. И несмотря на то, что Христианин имел несчастную встречу с Аполлионом и должен был выдержать его сильное нападение, я должен вам сказать, что в древние времена к некоторым людям в этом самом месте являлись ангелы, многие здесь находили драгоценные жемчужины и слышали слова жизни. Сказал ли я вам, что Господь имел здесь Свою обитель и любил в ней отдыхать? (Ос. 12:4). Я прибавлю к этому, что Он оставил ежегодную плату в пользу тех, которые тут поселяются. Эта сумма выдается им аккуратно в известные времена года. Она служит им как средство к существованию во время дороги, чтобы они могли бодро идти вперед».

Таким образом они продолжали свой путь. Самуил сказал Духу Твердости: «На этом месте происходила битва между моим отцом и Аполлионом; но пространство этой долины так велико, что я бы желал, — прибавил он, — знать, где именно случилась их встреча?»

Дух Тв.: «Твой отец схватился с Аполлионом там, в очень узкой ложбине, которая открывается перед нами; на нее вступаешь только тогда, когда пройдешь луг Забвения. Это самое опасное место всего околота, потому что если пилигримы испытывают какую-нибудь неудачу, то это случается потому, что они забывают милость Божию. Многие прошли чрез это испытание. Когда мы дойдем до этого места, тогда поговорим о том подробнее, потому что я уверен, что до сего дня остались некоторые признаки битвы или памятник, свидетельствующий о происшедшем».

Любовь вступила в разговор: «Эта долина мне очень нравится, также как и те места, которые мы проходили в начале нашего путешествия, и они вполне сходны с моими вкусами. Мне так хорошо здесь, в этой тишине, где не слышишь ни шума людского, ни стука колес. Мне кажется, что здесь можно углубиться в себя и размышлять сколько душе угодно о том, кто Он, откуда исходит, что Он совершил и к чему Царь Его предназначил. И можно думать и мечтать на свободе, предаваться сердечной печали и сокрушению духа, и проливать слезы умиления так, чтобы глаза стали подобны озерам Есевонским. Проходящие чрез долину Плача обратят их в водоем, а дождь, ниспосланный Господом на идущих по долине, наполнит углубления. Из этой долины Царь станет раздавать своим избранным виноградники, и те, которые пройдут чрез все ее пространство, воспоют, как Христианин после победы над Аполлионом» (Пс. 83:7).

«Правда, — прибавил проводник, — я проходил несколько раз по этой долине, и нигде так хорошо себя не чувствовал, как здесь. Я и с другими пилигримами был в этой стране, и они все заявили то же самое. „А вот на кого Я призрю, говорит Господь, на смиренного и сокрушенного духом, благоговящего пред словом Моим“».

Пилигримы дошли наконец до того места, где происходило сражение. «Мы пришли к тому месту, — сказал проводник, — где Христианин стоял твердо, когда на него напал ужасный Аполлион. Посмотрите, — сказал он, обращаясь к Христиане, — эти камни облиты кровью вашего мужа, и ничто не может смыть ее. Если вы обратите внимание вокруг себя, вы найдете еще кое-где обломки стрел Аполлиона. Взгляните также, как земля затоптана ими во время битвы, и даже камни раскололись от необдуманных ударов. Христианин сражался с такой храбростью, что будь на месте его сам Геркулес, и тот не нашел бы в себе более силы и неустрашимости. Поэтому Аполлион и был разбит и должен был искать убежища в соседней стране, называемой долиной Тени Смерти, куда мы сейчас придем. Взгляните там, на этом памятнике, начертание той знаменитой борьбы, из которой Христианин вышел победителем».

Им стоило только свернуть немного с дороги, чтобы увидеть памятник; они подошли к нему, и вот такую надпись прочли слово в слово: «Здесь пал Аполлион, раненный в кровавом бою с Христианином. Долго не решен был вопрос, чья сторона возьмет верх, но Христианин удвоил удары, борясь, призывал Господа — и победил».

Вскоре они приблизились к границам долины Тени Смерти, которая по своему пространству была гораздо обширнее первой и служила обиталищем большого числа злых духов, как об этом свидетельствуют очевидцы. Но женщины и дети прошли по ней благополучно, тем более что это было днем и под предводительством Духа Твердости. Пройдя известное пространство, им показалось, что они услышали вопль, похожий на стон умирающего человека. Звуки этого голоса были заунывны и продолжительны; они слышали также жалобный стон, как будто глухое рыдание людей, издыхающих в мучениях. При этом дети затрепетали, женщины также смутились и побледнели. Но проводник их успокоил, убедив не терять присутствия духа. По мере того как они подвигались, слышался шум, как будто готовилось землетрясение и под их ногами открывалась пропасть. Среди глубокой тьмы вдруг раздался свист, похожий на шипенье змей, но страшного они ничего не видали. Тут мальчики начали кричать: «Когда же мы окончим этот печальный путь?» Услышав эту жалобу, проводник стал уговаривать их не терять бодрости духа и быть внимательными к тому, на что они наступают: «Укрепи стезю ног твоих, и все пути твои да будут тверды: не уклоняйся ни направо, ни налево» (Прит. 4:26–27). Яков, один из юношей, стал жаловаться на нездоровье; оно было лишь следствием страха. Мать дала ему выпить из склянки вина, которую она получила от Истолкователя, и три пилюли, приготовленные врачом Пониманием¹. Приняв эти лекарства, мальчику стало лучше, так что они могли продолжать путь свой до половины долины.

Вдруг Христиана обратила внимание детей на какой-то предмет: «Взгляните, — сказала она, — я еще ничего подобного не видала».

¹ Ранее в тексте — Разумением.

Это замечание возбудило любопытство Иосифа: «Матушка, — сказал он, — что бы это могло быть?» — «Что-то нехорошее, сын мой, — отвечала она, — очень нехорошее».

«Но на что оно похоже, матушка?» — «Я не могу тебе точно объяснить, на что оно походит, — прибавила она, — но вижу, что оно теперь очень близко от нас, даже почти что касается нас», — прибавила она с беспокойством.

Дух Твердости ответил: «Пусть самые робкие не отходят от меня». В эту минуту враг приблизился к ним с намерением напасть на них, но проводник так сильно отразил его, что он в виду всех быстро обратился в бегство.

Они тогда вспомнили слова Писания: «Противостаньте диаволу, и он убежит от вас» (Иак. 4:7).

Собравшись с силами, они отправились далее, но едва лишь тронулись с места, как Любовь, обернувшись, увидала зверя, похожего на льва, который быстро приближался к ним. Его рыкание было потрясающее, и по всей долине эхо разносило тот ужасный рев, наводящий страх на всех, исключая проводника. Это ужасное животное приблизилось, и Дух Твердости готовился вступить с ним в бой. Он послал вперед всех пилигримов, а сам решил их защищать. Но когда лев увидел, что его противник не намерен уступать ему, то тихо отошел и вскоре совсем скрылся (1 Пет. 5:8).

Итак, они продолжали путь в прежнем порядке, под предводительством того же проводника, и дошли до места, где должны были остановиться, потому что поперек всей дороги был ров. Они не успели даже приготовиться перепрыгнуть через него, как густой туман и темнота лишили их возможности видеть друг друга. В этом отчаянном положении путники возопили: «Увы! Что с нами будет?» Но проводник нисколько не смутился и успокаивал их: «Не бойтесь, будьте тверды, и вы увидите, что и этому придет конец». Они должны были остановиться, потому что дорога им была загромождена; им показалось, что они слышат шум и приближение шагов врага. А потом, с помощью появившегося света, они увидели дым и пламя, выходящее из этого рва.

«Ах! — сказала Христиана своей подруге Любви, — я вижу теперь, сколько мой бедный муж должен был страдать здесь, я слышала много рассказов об этом месте, но никогда сама тут не бывала. Бедный друг! Он проходил здесь один и ночью, эти демоны блуждали вокруг него, как будто желая его поглотить. Существует много людей, которые рассказывают об этой долине Тени Смертной, но некоторые, в сущности, не знают ее значения, разве только те, которым случалось быть поставленными в такое положение. Сердце знает свое собственное горе, и чужой не поймет его радости. Ужасно быть здесь».

Дух Тв.: «Нас можно здесь сравнить с теми, которые делом занимаются среди глубоких вод или спускаются в самую глубь их. Здесь мы как будто на дне морском или в сердцевине горы, и земля навеки теснит нас своими преградами. Но ходящий во тьме и неимеющий света да уповает на имя Господне и положится на Бога. Что касается меня, я часто проходил по этой долине, как я об этом уже говорил, и встречал в ней очень сильные испытания, однако,

как вы видите, остался жив. Не хочу хвастаться (так как я не был своим собственным спасителем), но я верю, что мы будем спасены. Будем просить света у Того, Который может осветить мрак и рассеять не только этих злых духов, но и все сатанинские силы ада».

Они с воплем стали молиться, и Бог послал им свет и избавление. Они не встречали более препятствий на пути, даже в том краю, где были остановлены глубоким рвом. Но так как они не прошли еще всей долины, то, идя далее, им стало тяжело дышать от нестерпимой вони и смрада, которые вдруг поднялись из-под земли и наполнили воздух.

«Ах! — сказала Любовь, — здесь не так хорошо, как в Тесных Вратах, или у Истолкователя, ни даже в том доме, где мы останавливались в последний раз».

«Но, — возразил один из мальчиков, — еще ужаснее, если б суждено нам было остаться здесь навсегда; я думаю (хотя не приписываю себе большого значения), что если для достижения предназначенного нам места мы принуждены идти по этой тропе, так это, собственно, для того, чтобы более ценили счастье, которое нас ожидает в уготованном нам жилище».

Дух Тв.: «Очень хорошо, Самуил; ты говоришь как разумный человек».

«Ах, — продолжал мальчик, — раз вышедши отсюда, я буду ценить более, чем когда, свет и истинный путь».

«Итак, — сказал проводник, — если Богу будет угодно, мы скоро из него выйдем».

Иосиф: «Эта долина очень длинна, нельзя ли из нее скорее выйти?»

«Смотри себе под ноги, — сказал проводник, — мы скоро должны будем проходить мимо ловушек». Они рассудили о некоторых мерах предосторожности и продолжали путь, но мысль о ловушках очень их смущала.

Когда они до них дошли и с трудом меж ними пробирались, то заметили человека, лежащего в овраге, который находился вправо от них. Тело этого человека было избито и истерзано.

«Вот, — сказал тогда проводник, — некий по имени Беспечный, который также проходил по этому пути. Он уже давно лежит на этом месте. Заботливый его товарищ нашел средство спастись, в то время как этот был схвачен и убит. Вы можете вообразить, сколько подобных ему здесь погибают, но вместе с тем люди так безрассудны, что пускаются в путь без проводника. Бедный Христианин! Он только чудом спасся. Бог его очень возлюбил, без чего он никогда бы не смог справиться».

Они уже прошли это темное пространство, как вдруг очутились на том самом месте, где Христианин увидал Великана Пасть, сидящего у входа в пещеры. Этот Великан имел привычку развращать своими софизмами бедных пилигримов. Великан прежде всего приблизился к Духу Твердости, которого он назвал по имени, сказав ему угрожающим голосом: «Сколько раз запрещали вам делать это?»

«Что именно?» — спросил Дух Твердости. «Вы знаете очень хорошо, что, — возразил Великан, — но я положу скоро конец вашему промыслу».

Беспечный

«Однако, — возразил проводник, — прежде чем вступать в бой, нужно знать, в чем вы нас обвиняете» (в эту минуту женщины и дети дрожали от страха, не зная, что с ними станется).

Великан: «Вы только разоряете край и соединяетесь в преступных деяниях с самыми ужасными разбойниками».

Дух Тв.: «Но это только неопределенные обвинения; объяснитесь яснее, выскажите ваши недовольствия точнее».

Великан: «Твое ремесло — похищать детей у родителей, собирать в разных странах жен и детей, чтобы их переселять после в страну, совершенно чуждую нашей, из чего следует, что владения моего господина постоянно слабеют».

Дух Тв.: «Я — слугитель Бога Небесного, мое назначение — убеждать грешников и приводить к раскаянию согласно данному мне приказанию. Я тружусь насколько возможно приводить мужчин, женщин и детей из тьмы к свету и из царства сатаны к Богу. Но если в этом состоит твое главное обвинение, то я согласен вступить с тобою в борьбу, если это нужно по твоему мнению».

Великан Пастъ

После этих слов Великан приблизился для решительного нападения. С своей стороны, Дух Твердости подошел к нему для отражения его ударов, но пока он одной рукой вынимал меч из ножен, противник его уже держал в своих руках тяжелую дубину. И так без дальних рассуждений борьба началась, и с первого неожиданного удара дубиной Дух Твердости упал на одно колено. В эту ужасную минуту женщины и дети громко закричали, но Дух Твердости немедленно поднялся и бросился с неустрашимой храбростью на своего противника и сильно ранил его в руку. Бой был упорный и длился целый час. Великан напряг все свои силы, так что грудь его походила на кипящий котел, из которого выходил густой пар. Наконец они условились сесть на несколько времени, чтобы собраться с силами; Дух Твердости стал на молитву, а женщины и дети стонали и плакали во все время боя. Потом оба противника снова подошли друг к другу, и Дух Твердости одним ловким и сильным ударом свалил своего противника, который просил дозволения подняться, и Дух Твердости разрешил ему опять занять свое место. Итак, бой снова начался, и Великан своим смертельным оружием чуть было не раскроил череп Духу Твердости. Но когда последний увидел свою жизнь в опасности, то бросился на противника с свойственной ему храбростью

и вонзил ему меч под пятое ребро. Тогда Великан стал ослабевать и не имел достаточно сил, чтобы держать оружие в руках. Дух Твердости удвоил свои удары по неприятелю, и ему удалось снести ему голову. Дети и женщины возрадовались, а он воздал хвалу Богу за это избавление. После этого они воздвигли на этом месте колонну, на которой они повесили голову Великана, а внизу поместили следующую надпись, чтобы привлечь внимание пилигримов:

«Здесь голова того, который так долго мучил пилигримов. Он заграждал им путь и не щадил никого, пока я, Дух Твердости, получивший назначение быть проводником пилигримов, не разбил окончательно их врага».

Честный и Боязливый

Вот вижу, что они дошли до возвышения, которое находится немного далее, и оттуда они могли обозреть большое пространство. С этого места Христианин увидал в первый раз своего собрата Верного. Пилигримы сели, чтобы немного отдохнуть, подкрепили свои силы и поздравили себя, что избежали такого опасного врага. Во время того, как они отдыхали и ели, Христиана спросила проводника, не пострадал ли он в этом жестоком бою.

«Нет, — отвечал ей Дух Твердости, — только я слегка ранен в тело, но это не только не послужит мне ко вреду, но будет доказательством моей преданности Господу и вам и увеличит награду, обещанную по благодати» (2 Кор. 4:10–11).

Христиана: «Но вы не испугались, когда он явился пред вами с дубиной?»

Дух Тв.: «Это мой долг сомневаться в самом себе, чтобы довериться всецело Тому, Чья сила превосходит все остальные вместе».

Христиана: «Но что вы подумали, когда он вас сразил в первый раз?»

Дух Тв.: «Тогда я вспомнил, что он действовал также относительно моего Господа, который все-таки в конце остался победителем».

Матвей: «Если вы все высказали свой взгляд на это, дайте и мне сказать свое мнение. Бог был к нам бесконечно милостив, когда Он нас вывел из этой темной долины, а также и тогда, когда избавил нас от руки врага. Я не понимаю, как можем мы не иметь надежды на Бога, когда Он сегодня дал нам такое блестящее доказательство своей любви к нам».

Тут они встали и пошли далее. Невдалеке от этого места они увидели дуб, а под дубом старика, погруженного в глубокий сон. По его одежде, палке и поясу они узнали в нем пилигрима. Дух Твердости подошел к нему и начал будить его; после первой попытки старик открыл глаза и спросил: «Что это такое? Что вы за человек? И что вам здесь понадобилось?»

«Не бойтесь и не сердитесь, мой друг, — успокаивал его Дух Твердости, — мы все чувствуем искреннее расположение к вам».

Несмотря на эти слова, старик встал, бросил быстрый взгляд вокруг себя и повторил с недоверием в голосе, что он желает знать, с кем имеет дело.

Проводник не замедлил назвать себя и прибавил: «Я проводник этих пилигримов, которые идут на поклонение в Небесную Страну».

«В таком случае извините меня, — воскликнул Честный, — я вообразил, что вы принадлежите к той шайке разбойников, которые отняли кошелек у МалOVERA, но, всматриваясь в вас внимательнее, я вижу в вас благонадежных людей».

Дух Тв.: «А что бы вы сделали, или что бы вы предприняли, если бы мы оказались такими?»

Честный: «Что бы я сделал? Я, разумеется, стал бы защищаться до последней капли крови, и надеюсь, что вы бы остались довольны тем способом, который я употребляю в таких случаях, потому что христианина победить можно только тогда, когда он сам себе изменит».

Дух Тв.: «Очень хорошо, отец Честный, я теперь вижу, что вы принадлежите к тем личностям, с которыми встреча считается счастьем, потому что вы сказали великую истину».

Честный: «И я со своей стороны замечаю, что вы понимаете всю суть пилигримства, между тем как многие составили себе странные понятия о нас, думая, что нас победить очень легко».

Дух Тв.: «Позвольте мне теперь записать ваше имя и познакомиться с той страной, где вы жили».

Честный: «Я не могу вам сказать своего имени; что же касается до моего родного города, его называют Бессмысленность, и он находится в соседстве с городом Разрушение».

Дух Тв.: «А, так вот где вы живете; я почти отгадываю, кто вы: не вас ли называют Старой Честностью?»

Тут старик покраснел и тотчас же возразил: «Нет, я вовсе не Честность, в отвлеченном смысле этого слова, меня зовут Честным, и я желал бы, чтобы все мое существо соответствовало этому имени. Но меня удивляет, — прибавил он, — как вы могли угадать, кто я, тогда как я выходец из этой жалкой страны?»

Дух Тв.: «Я услышал уже о вас от моего Господа: Ему известно все, что происходит на земле. И я часто удивляюсь, как может еще существовать что-нибудь доброе в этой стране, потому что в ней положительно хуже, чем в городе Разрушение».

Честный: «Совершенно верно, наша родина лежит далеко от солнца, потому и люди там холоднее и бессмысленнее, но всякий человек, если б даже провел всю свою жизнь на ледяной горе, лишь только солнце Правды осенило его, наверное, почувствовал бы, что холод его сердца мгновенно растаял; я знаю это по опыту».

Дух Тв.: «Я верю вам, отец Честный, и вы выразили совершенно верную мысль».

После этого старик приветствовал пилигримов лобзанием братской любви и, желая узнать их имена и путевые похождения, стал расспрашивать всех поочередно, начиная с Христианы.

Христиана: «Вы, вероятно, уже слышали о моем имени. Добрый Христианин был моим мужем, и это мои дети».

Невозможно описать удивления и радости старика, когда он узнал это. Он так обрадовался, что осыпал ее и детей благословениями.

«Я много слышал о вашем муже, — сказал он, — о его путешествиях и борьбе, которую ему не раз случалось выдерживать. Вы должны утешаться мыслью, что имя его было известно во всех странах света; вера, храбрость, терпение и верность проявлялись во всех обстоятельствах его жизни и сделали имя его знаменем».

Потом он спросил детей, как их зовут, и начал с ними такой разговор: «Матвей, желаю тебе быть похожим на Матфея мытаря, не по порокам его, но по добродетелям! (Мат. 10:3). Самуил, желаю тебе уподобиться Самуилу пророку верою и молитвою! (Пс. 98:6). Иосиф, бери пример с Иосифа, когда он был в доме Потифара, т. е. будь целомудренным и твердым в искушениях! (Быт. 39). А тебе, Яков, желаю заслужить, подобно ап. Иакову, звание праведного и быть таким, как другой Иаков, брат Господа» (Деян. 1:13–14).

Сказавши это, он спросил у Любви, каким образом она оставила свою родину и родню и присоединилась к Христиане и ее детям, и прибавил: «Твое имя Любовь, любовь тебя поддержит в несчастье и даст тебе силу переносить все неудачи, какие ты можешь встретить в жизни, до тех пор, пока ты не достигнешь того места, где, к твоему великому благополучию, ты узришь лицом к лицу Бога любви». Пока он говорил, Дух Твердости стоял перед ним и восхищался его словами. Улыбка была на устах его, а глаза устремлены на нового товарища.

Продолжая путь все вместе, в разговоре проводник спросил старика, не знал ли он Боязливого, который также покинул свою страну, чтобы сделать пилигримом.

Честный: «Да, я его очень хорошо знал. Он был человек искренний, но принадлежал к числу скучнейших пилигримов, каких я только знал».

Дух Тв.: «Вы, видно, хорошо его знали, потому что очень верно передаете его характер».

Честный: «Было время, когда я с ним был даже очень дружен, и мы с ним пошли вместе по одному пути; тогда он начал беспокоиться и тревожиться о том, что с нами станет впоследствии».

Дух Тв.: «Я был его проводником от дома моего Господа до двери Небесного Града».

Честный: «Значит, вы вполне знаете, до чего он был скучен?»

Дух Тв.: «Разумеется; но несмотря на это, я им не тяготился, потому что люди, взявшие на себя должность, подобную моей, берут на себя и большую ответственность».

Честный: «Расскажите, пожалуйста, как он вел себя под вашим руководством?»

Дух Тв.: «Вот как. Он всегда боялся не достичь той цели, к которой он стремился. Малейший говор, неблагоприятный для него, наполнял его душу

Отец Честный

страхом, и самое ничтожное противоречие, встречаемое им на пути, отнимало у него последнюю каплю энергии. Я слышал, что он как будто целый месяц валялся в Топи Уныния и не смел вылезать оттуда, хотя многие проходившие пилигримы предлагали ему свою помощь, чтобы выйти из нее. Между тем он также и не хотел возвращаться домой. „Если я до Небесного Града не дойду, то погибну безвозвратно“, — повторял он; а с этим вместе каждая соломинка, лежавшая поперек его пути, приводила его в смущение. Наконец, в один солнечный день он решился выкарабкаться из Топи и вступил на противоположный берег, сам не веря своим глазам и чувствам. Ему казалось всюду, что он видит Топь Уныния, потому что носил образ ее в сердце и мысли, что совершенно парализовало его движения и решимость. Таким образом дошел он до двери, которая стоит в начале пути (вы все знаете ее), и там, говорят, он простоял долго, не решаясь стучать. Когда же дверь ему отворили, он отошел на некоторое расстояние, пропуская сперва всех прочих и повторяя, что сам он недостойн войти в нее, и, таким образом, хотя дошел до нее гораздо прежде многих, а вошел в нее последним. И тут бедняк стоял на одном месте, весь дрожа от страха. Жалко было смотреть на него! Наконец взял он в руку висячий молоток и постучал, и тут же отпрыгнул назад. Отворивший ему дверь подошел к нему и спросил: „Эй, дрожащий, что тебе нужно?“ Вместо ответа он упал без чувств. Говоривший с ним в удивлении помог ему встать и сказал милостиво: „Мир тебе, встань, я для тебя отворил дверь, войди и будь благословен“. Он встал и, дрожа от страха, вошел; а тут стыд так им овладел, что он не смог показывать своего лица. Там он некоторое время пользовался гостеприимством (а вы знаете, каково оно), и ему приказали продолжать путь свой и даже указали ему, как и где идти. Он отправился и дошел до дома Истолкователя, где себя повел точно так же, как перед дверью. Он долго лежал на холодной земле, не смея стучать, но все-таки не желал вернуться домой и несколько ночей и дней провел в холоде и голоде от одного страха, хотя видел, что многие вошли в дом Истолкователя только из-за того, что постучали в ворота. В ту пору ночи были длинные и холодные.

Он долго стоял на холоде, вынося всякую непогоду, но не решаясь постучать в дверь. У него в пазухе лежало письмо, очень нужное, к Истолкователю, по которому его следовало немедленно принять и всячески успокоить в доме, а потом дать ему сильного надежного проводника, с которым такому слабодушному человеку было бы безопасно путешествовать. И все это он знал, а не смел стучать в дверь, находя себя недостойным быть принятым в доме и получить обещанное. Также идти назад не хотел, зная, что тогда он пойдет прямо на свою гибель. Вот он ходил взад и вперед перед домом, так что бедняк чуть было не умер с голода. Такая овладела им боязнь или, вернее сказать, нерешимость! Однако он видел тут же много других, подходящих к дому и которых впускали, как только они начинали стучать в дверь. Я как-то нечаянно выглянул из окошка и, заметивдвигающегося человека, вышел спросить, что ему надобно; но у бедняги глаза были полны слез, и я понял, в чем дело. Я вернулся

...он простоял долго, не решаясь стучать.

в дом и передал это другим, и мы доложили о том Господу. Он тотчас послал меня к нему обратно, чтобы убедить его войти, но могу вас уверить — дело было нелегкое. Наконец-то решился он перешагнуть порог и вступить в дом, и надо отдать справедливость Господу, с какой любовью Он принял его. На столе оставалось еще кое-что хорошего из пищи, и все это было поднесено ему на блюде. Тут он вынул из пазухи письмо и передал его кому следует. Истолкователь, прочитав послание, сказал: „Твое желание будет исполнено“. После некоторого времени он как будто оживился и успокоился. Господь, как вы могли в том сами убедиться, имеет чрезвычайно любящее сердце, особенно к тем, которые боязливы, и потому Он с ним так обошелся, как только нежный отец обращается с любимым сыном.

Вот когда бедняга все осмотрел, что есть в доме, и был готов отправиться в путь к Небесному Городу, Господь вручил ему, как он когда-то вручил Христианину, бутылку вина и укрепительную пищу на дорогу. Я с ним отправился и шел впереди; но он был неразговорчив и все только тяжело вздыхал.

Когда мы дошли до места, где трое повешены, он сказал, что такова будет и его участь. Но он сильно обрадовался, увидев Крест и Могилу. Тут он даже попросил меня остановиться на время, чтобы ему насладиться этим зрелищем, и мне показалось, что он стал спокойнее. Когда же мы дошли до горы Затруднения, он не обратил на нее внимания, ни на львов, ни на долину Уничтожения. Надо вам сказать, что никакие затруднения его не пугали; у него была одна боязнь: будет ли он в самом деле принят, в числе ли он званых, смеет ли он надеяться, что обещание принять грешников и его касается, и, наконец, может ли он рассчитывать, что искупительная кровь и его омыла от грехов, так как он не может представить Господу ни единого доброго дела, не запятнанного грехом, и прочее.

Я привел его в Чертог Украшенный ранее, чем он этого желал, мне кажется, и тотчас познакомил его с девицами, живущими в доме. Но он и там стыдился участвовать в их обществе, находя себя недостойным его. Он все старался уединяться, однако очень любил духовные беседы и часто садился за ширмы, чтобы оттуда прислушиваться к душеполезным разговорам. Он также охотно рассматривал древности и любил над ними мечтать. Он после признался мне, что ему было отрадно жить в этих двух домах, т. е. у Тесных Врат и у Истолкователя, но он не чувствовал в себе достаточно отважности, чтобы испросить позволение оставаться долее.

Когда мы с ним вышли из чертога и спустились в долину Уничтожения, он стал ходить по ней легче и лучше, чем все мне известные до сего времени странники. Ему было решительно нипочем унижение, лишь только бы иметь уверенность, что он достигнет в конце обещанного блаженства. Меж ним и этой долиной будто существовала какая-то связь сочувствия, и ему в ней было привольнее, чем где-либо. Бывало, он ляжет на землю и покрывает поцелуями ее и растущие на ней цветы. Утром встанет рано и с наслаждением расхаживает вдоль и поперек всей долины (Плач. 3:30).

Зато когда мы вступили с ним в долину Смертной Тени, я стал бояться, что он совсем пропадет: не то чтобы он желал вернуться, эта мысль была ему ненавистна, но он чуть было не умер со страха. „Ой, утащут меня злые духи! Ах, вот сейчас возьмут меня к себе!“ — вопил он, и я не мог никак его успокоить. Он так стонал, ревел и вскрикивал, что если бы они его слышали, то это бы внушило им достаточно отважности, чтобы напасть на обоих нас. Но я заметил и мог убедиться, что эта долина во все время, пока он по ней ходил, была спокойнее, чем когда-либо. Я из этого заключил, что враги получили от Господа особое запрещение мешать Боязливому проходить чрез нее и пугать его своим шумом и препятствиями.

Было бы слишком длинно, если бы я передал вам его путешествие во всех подробностях. Поэтому ограничусь еще двумя фактами.

Когда мы с ним дошли до Ярмарки Суеты, то я подумал, что он намерен воевать со всеми обывателями Ярмарки. Я так и ожидал, что на нас все накинутся с остервенением и исколотят до смерти: до того он был вне себя от негодования, что они продают такую пустоту. На Очарованной земле он также не почувствовал ни малейшей склонности ко сну.

Но когда он дошел до реки Смерти, где увидал, что нет моста, он опять совершенно растерялся. „Теперь уж я уверен, что здесь погибну, потому окончательно и никогда не войду в блаженство, для которого я совершил такой длинный путь“.

И здесь я снова заметил необыкновенный случай: река была мельче в этот день, чем по обыкновению, и он прошел по ней свободно, так как вода доходила ему не выше колен.

Когда я его увидал на другом берегу уже входящим в Ворота, я с ним простился и закричал ему вслед, что желаю ему получить хороший прием; и он ответил мне весело: „О да, я его получу, получу!“ Мы расстались, и никогда более я с ним не встречался».

Честный: «Видно, к концу он все-таки получил, чего желал?»

Дух Тв.: «О да, конечно. Я никогда в этом не сомневался. Он был в числе избранных, но постоянно был нищ духом и так боялся неудачи, что себя самого и других утомлял. Он был особенно чувствителен ко греху и так боялся обидеть других, что без всякой нужды отдавал себя в обиду, часто отказывался от законных удовольствий из одного страха поступить дурно».

Честный: «Но почему такой хороший человек всю жизнь свою мучается в каком-то мраке?»

Дух Тв.: «Причин тому две: первая, потому что премудрый Бог так это определил, что некоторые будут издавать веселые звуки, а другие плачевные. А наш г-н Боязливый всегда играл только на басовых струнах. Он и ему подобные употребляли духовой инструмент, который издает самые меланхолические звуки. По-моему, такое исповедание веры, которое не начинается чувством душевной скорби, не имеет прочного основания. Первая струна, на которую ударяет музыкант, чтобы настроить инструмент, всегда басовая.

Господь также ударяет прежде всего на эту струну, когда настраивает душу по своему желанию. Но слабая сторона Боязливого была та, что почти до самого конца он не мог издавать иных звуков. Я позволяю себе так аллегорически выражаться для наглядности юных читателей и потому, что в книге Откровения спасенные сравниваемы с обществом музыкантов, которые играют на арфах или трубах и поют новую песнь перед Престолом Всевышнего» (Откр. 14:3).

Честный: «Он был очень ревностным к своему призванию по вашему о нем описанию. Сатану, львов и Ярмарку Суеты он вовсе не боялся; но грех, смерть и ад ужасали его, потому что он все сомневался, принят ли он Господом в число избранных».

Дух Тв.: «Совершенно так. Вот что его смущало, и это происходило, как вы видите, от слабого его уверования в усыновление его Христом, но не от слабости духа в практическом исполнении обязанностей пилигрима. Я почти уверен, что он был способен „ходить по горячим угольям“ (по словам известной поговорки), если б таковые ему попались на пути, но его тяготило чувство боязни, отчего человек с трудом избавляется».

Христиана: «Этот рассказ о Боязливом мне был весьма полезен. Я думала, что я ни на кого не похожа, а теперь нахожу, что между мною и им много сходства. Но вот в чем мы расходимся. Его смущение было так сильно, что оно высказывалось; мое я храню в себе. Кроме того, его боязнь так им овладела, что имела действием нерешимость стучать в дверь, а моя, напротив, заставляла меня стучать громче».

Любовь: «Если могу себе позволить выразить свое мнение, то скажу, что и я нахожу в себе много сходства с ним. Я несравненно более боялась не получить места или утратить его в раю, нежели потерять что-либо в мире. Ах, думала я, только бы мне иметь уверенность, что получу там обитель. Это для меня достаточно, если бы даже для этого мне бы следовало расстаться с целым миром».

Матвей: «Боязнь заставляла меня думать, что я далеко не имею еще в себе того, что имеют спасенные. Но если этот добрый человек то же чувствовал, почему и мне не получить такой же конец, как он?»

Яков: «Без боязни и благодать не получишь. Хотя не всегда обитает благодать там, где есть страх ада, но, конечно, не может быть благодати там, где нет страха Божия».

Дух Тв.: «Хорошо объяснил ты, Яков, и ты совершенно постиг всю суть вопроса. Ибо страх Божий есть начало премудрости, а уж, конечно, когда у кого недостает начала, нельзя рассчитывать на средину или конец. Но здесь мы и покончим и простимся с нашим другом Боязливым».

Путешественники продолжали разговаривать, и Честный стал им рассказывать приключения некоего г-на Своеволие. «Он выдавал себя за пилигрима, — сказал Честный, — но я уверен, что он не проходил через Тесные Врата, которые стоят при начале пути».

Г-н Своеволье

Дух Тв.: «Тебе не случилось спросить его о том?»

Честный: «О, не раз, но он всегда и во всем был своеволен. Он не заботился о чьем-либо мнении, рассуждении или примере. Что ему приходило в голову, то он и делал, и ничего другого нельзя было его заставить исполнить».

Дух Тв.: «Но каких же правил он придерживался?»

Честный: «Он утверждал, что человек, сохраняя пороки при старании приобрести добродетели, приличные для пилигрима, будет также несомненно спасен в конце, как и другие труженики».

Дух Тв.: «Неужели? Вот если бы он сказал, что самый лучший из пилигримов может провиниться в сильных пороках, хотя в нем много добродетелей, то его нельзя было бы очень порицать, ибо, в сущности, мы не избавлены от наших пороков, но мы находимся под обязательством наблюдать над собой и бороться против них. Но, насколько я понял, он думает иначе, полагая, что пороки позволительны пилигриму».

Честный: «Точно так, и весь его образ жизни соответствовал этим убеждениям».

Дух Тв.: «Однако на чем он их основывал?»

Честный: «Он уверял, что так сказано в Писаниях».

Дух Тв.: «Прошу мне это объяснить подробнее».

Честный: «Охотно. Вот, например, он утверждал, что сожителство с женой другого было действием царя Давида, возлюбленного Господом, и поэтому оно дозволено и ему. Что иметь более одной жены было обычным действием Соломона, так почему же и ему себе в этом отказывать? Что Сарра, и библейские женщины, и Рахиль нередко или при случае говорили ложь, поэтому ложь дозволена и ему. Потом, что ученики Христовы по приказанию своего Учителя пошли отвязать чужую ослицу в пользование Христу, поэтому взять чужое и ему дозволено. Еще, что Иаков получил наследство от отца обманом и хитростью, так отчего же и ему не стараться таким образом получить земные блага».

Дух Тв.: «Экая низость! Впрочем, этот род учения не может иметь сильного действия в мире».

Честный: «Поймите меня, однако ж. Он не говорил, что следует человеку все это совершать, но что, подражая добродетелям этих людей, можно себе позволить и пороки их».

Дух Тв.: «Но ведь это совершенно ложно! Все равно что утверждать, что так как люди, известные по своим добродетелям, согрешали по слабости, то и он имеет право впасть в пороки бесстыдно и нахально, или еще потому, что слабый ребенок упал от сильного ветра или, оступясь, свалился в грязь, то он по собственной воле может пойти валяться в грязи, как свинья в навозе. Вот как человек может заблуждаться, когда он раб своих страстей! К ним относятся слова Писания: „Для неверующих Он камень претыкания и камень соблазна, о который они претыкаются, не покоряясь слову, на что они и оставлены“. Притом, если он воображает, что человек может быть христианином, живя во грехе, и в то же время имеет добродетели избранных Богом, о которых читает в Библии, то это заблуждение еще горче другого. Все равно если бы собака, которая проглатывает испражнения ребенка, вообразила себе, что с этим вместе она получает и все его хорошие качества! „Грехами народа Моего кормятся они, и к нечестию стремится душа их“, — говорит Господь, а это еще не доказывает, что с пороками в то же время усвоены и добродетели народа Божия. Кроме того, не могу поверить, чтобы человек с подобным воззрением был способен чувствовать веру и любовь к Богу. Но так как вы, вероятно, делали ему сильные возражения, скажите мне, как он отстаивал свои „мнения“».

Честный: «Он говорил, что жить во грехе по убеждению гораздо честнее, чем грешить, сознавая, что достоин порицания».

Дух Тв.: «Плохой ответ. Дать волю страстям, которые осуждаешь в себе и других, уже само по себе достаточное зло; но еще хуже предаться греху и отстаивать его, хвастаясь им. В первом случае через это вводишь в соблазн смотрящих на нас; во втором — увлекаешь их в западню».

Честный: «К несчастью, много есть людей, которые одного с этим человеком мнения, хотя не такие краснобаи, как он; поэтому пилигримство в таком неуважении во мнении мира».

Дух Тв.: «Ты сказал истину, и можно о том только скорбеть. Но боящийся Царя Небесного пройдет чрез все невредимо».

Христиана: «У иных мирян странные мнения. Я знаю некоторых, которые уверяют: достаточно раскаяться пред смертью».

Дух Тв.: «Надо признаться, что таковые люди не отличаются мудростью. Не пропал ли бы человек, которому вменено пройти двадцать миль в одну неделю, чтоб сохранить свою жизнь, а он бы отложил на последний день исполнение этого условия?»

Честный: «Совершенно так, а между тем бо́льшая часть людей, называющих себя пилигримами, так поступают. Как вы видите, я старик и путешествую по этому пути много лет, и вот что я заметил на своем веку? Мне случилось видеть людей, которые пустились было в пилигримство с такой энергией, как будто бы они намеревались погонять перед собою весь мир, а между тем после нескольких дней погибли с ним же в пустыне, не узрев никогда обетованного края. Других знавал я, которые с самого начала своего пилигримства казались плохими и слабыми, как будто бы и дня не проживут на пути, впоследствии же оказались очень хорошими тружениками. Видал я также и таких, которые чрезвычайно успешно бежали впереди всех и точно так же успешно побежали назад в скором времени. Знал я и таких, которые сперва отзывались с похвалой о пилигримстве, позднее же сильно восставали против. Еще видал я, которые при начале своего пути в Рай достоверно говорили, что такое место существует, и вдруг, когда уже почти дошли туда, повернули назад, уверяя, что ничего такого нет. Наконец, встречал я таких, которые хвастались, что сумеют противостать всяким препятствиям, но лишь наткнулись на затруднения, покинули и веру, и пилигримство, и все остальное».

Пока они шли, занятые разговором, с ними вдруг повстречался некто, который остановился и сказал: «Господа и вы, которые слабее, если вы желаете сохранить свою жизнь, будьте осторожны, ибо разбойники близко от вас».

Дух Тв.: «Это, вероятно, те трое, которые ограбили Маловерного. Хорошо, мы готовы встретить их».

И они пошли далее, оглядываясь по всем сторонам, чтобы увидеть мошенников. Но оттого ли, что присутствие Духа Твердости им было неприятно, или другая добыча привлекла их внимание, злодеи вовсе не показались пилигримам.

Христиана выразила желание остановиться в гостинице с детьми, чувствуя сильное утомление.

Честный: «Недалеко от нас стоит дом, где живет очень почтенный ученик Христов по имени Гаий».

Они решились отправиться к нему, так как о нем отзыв был очень хороший.

Гости Гаия

Когда они дошли до двери странноприимного дома, они вошли не стучась, потому что дом был к услугам всех странников. Но они позвали хозяина, и когда он к ним сошел, то они его спросили, могут ли у него переночевать.

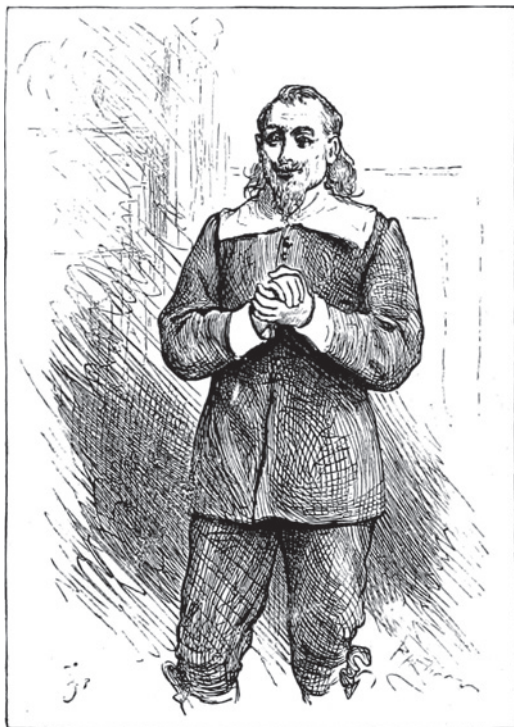
Гаий: «Конечно, господа, если вы люди надежные, ибо мой дом устроен для истинных пилигримов».

Христиана, Любовь и юноши нимало не оскорбились этим ответом и убедились с радостью, что хозяин — друг странников. Они спросили его указать им на комнаты, и он каждому из них отвел особую.

Дух Тв.: «Скажи мне, добрый Гаий, есть ли у тебя чего поужинать? Эти пилигримы много ходили сегодня и очень утомились».

Гаий: «Время позднее, и невозможно теперь купить провизию. Но все, что в доме, к вашим услугам».

Дух Тв.: «Нам будет достаточно и того, что у тебя в доме. Мне известно, что у тебя всегда найдется то, что следует».

Гаий

Хозяин отправился вниз и сказал повару, которого называли Испытай все доброе, приготовить пилигримам хороший ужин.

Потом, вернувшись наверх, он сказал: «Ну, любезные гости, добро пожаловать! Я рад, что могу принять вас в своем доме, и, пока готовят ужин, займемся приятной беседой». Все в один голос ответили: «С удовольствием».

Гайй: «Чья жена сия почтенная женщина, чья дочь сия девица?»

Дух Тв.: «Женщина эта была женой некоего Христианина, пилигрима прежних времен, а эти юноши — его сыновья. Девица — одна из их знакомых, которую она, Христиана, уговорила идти вместе с нею. Юноши все похожи на отца своего и желают идти по его стопам, и лишь только они замечают место, по которому он проходил, они радуются и стремятся следовать его пути до конца».

Гайй: «Неужели это Христиана и ее сыновья? Я хорошо был знаком с отцом вашего мужа и даже с его дедом. Многие в вашем роде были хорошими людьми. Их предки обитали сперва в Антиохии. Родона начальники Христианина (вы, вероятно, о них слышали) были достойные люди. Они себя показали более других людьми добродетельными и бесстрашными в отношении

Испытай все доброе

к Владыке пилигримов, к Его законам и к любящим имя Его. Я слышал о многих родственниках вашего мужа, что они вынесли всякие испытания ради истины. Стефан, один из древнейших его предков, был побит камнями. Иаков, из того же рода, был зарезан мечом.

Не говоря уже о Павле и Петре, также из числа предков, я назову еще Игнатия, который был брошен на растерзание львам. Роман, тело которого было кусочками содрано с костей, и Поликарп, который без страха и стона сгорел на костре. Трудно было бы перечислить всех лиц его рода, которые вынесли оскорбления и смерть из любви к пилигримству. И я радуюсь, что муж твой оставил по себе таких четырех молодцов. Надеюсь, что они с честью будут носить отцовское имя, идти по его стопам и, таким образом, удостоятся и его конца».

Дух Тв.: «Да, могу сказать, что они обещают многое и от души избрали отцовский путь».

Гайи: «Так я и думал. Вероятно, род Христианина размножится по всей вселенной и обогатит собою землю. Вот почему и должна Христиана позаботиться найти девиц, на которых они могли бы жениться, и тогда память отца их и имя семейства продолжится на земле и не будет предано забвению».

Честный: «Жаль было бы, если б подобный род исчез».

Гайи: «Исчезнуть он не может, но может убавиться числом. Пусть Христиана последует моему совету и этим устроит свое потомство. Я вижу с удовольствием, что ты, милая Христиана, так дружна с этой девицей. Мой совет, чтобы она стала тебе близкой родственницей, и если она ничего не имеет против, да будет она женой старшего твоего сына Матвея: они продолжат род ваш».

Предложение это было принято, и после некоторого времени они женились. Но об этом мы поговорим впоследствии.

Гайи: «Теперь я еще хочу сказать кое-что о женщинах, которых порицают несправедливо. Ибо если чрез женщину вошли в мир смерть и проклятие, то посредством ее явились жизнь и здравие.

В доказательство, как рожденные от первой женщины ненавидели дело, совершенное матерью их, то скажу, что жены Ветхого Завета желали выше всего иметь детей в надежде, что кто-нибудь будет матерью Спасителя мира. Еще прибавлю, что когда Спаситель сошел на землю, женщина возрадовалась этому прежде человека и ангела. Я нигде не читал, чтобы мужчина подал Христу хотя бы грош, но женщины шли за Ним и служили Ему имением своим. Женщина омыла ноги Его слезами и отерла волосами своими, а другая помазала Его драгоценным мирром. Женщины плакали над Ним, когда Его распинали на кресте, и следовали Ему с места казни до самого места Его погребения, где они сели в ожидании Его. Женщин Он встретил прежде всех по воскресении Своем, и их послал Он к ученикам Своим с радостной вестью. Итак, Господь оказал женщинам особые милости и этим доказывает нам, что они наравне с мужчинами будут причастными вечных благ».

Повар прислал сказать, что ужин готов, и служанка пришла накрывать на стол, на который разложила в порядке все нужное, также хлеб и соль.

При виде этого Матвей объявил, что эти приготовления к ужину возбудили в нем сильный аппетит.

Гай: «Да внушат тебе и Евангельские поучения все более и более желания быть принятым к Царской трапезе в Царствии Небесном. Ибо всякие проповеди, книги и обрядности на земле суть одни только блюда, соль и хлеб в сравнении с пиром, который даст нам Господь, когда мы придем к Нему».

Ужин подали. Сперва поставили на стол плечо возношения и грудь потрясения, чтоб напомнить им, что всякая трапеза должна начинаться молитвой (Лев. 10:14). Плечом возношения Давид возносил сердце свое к Господу, а грудью потрясения, в которой лежало сердце его, он играл на лире и воспевал хвалу Господу. Эти два блюда были из мирной жертвы, и все накушались досыта.

Потом подали бутылку с вином красным, как кровь. «Пейте этого вина сколько душе угодно; оно из виноградного сока и веселит сердце Бога и человека», — сказал Гай своим гостям. Они выпили вина, и сердце их возвеселилось (Втор. 32:14).

Потом подали блюдо молока с намоченным в нем хлебом. Гай сказал, обращаясь к младшим мальчикам: «Кушайте этого, чтобы вам от этого вырасти и окрепнуть» (1 Пет. 2:2).

После принесли блюдо молока с медом. «Кушайте этого досыта, ибо оно укрепит и оживит ваш разум и понимание. То была пища Эммануила в детстве. Он будет питаться молоком и медом, пока не приобретет знания отвергать злое и избирать доброе» (Ис. 7:15).

Тогда еще принесли блюдо с яблоками; то были хорошие и вкусные плоды. Но Матвей заметил: «Неужели нам дозволено есть яблоки, когда мы знаем, что этим плодом змея обольстила нашу прародительницу?»

На что Гай ему ответил: «Конечно, посредством плода она была обольщена, однако не плод оскверняет душу, а грех. Если вкушаем запрещенный плод, то мы поступаем дурно, но плод, дарованный нам Господом, действует на нас хорошо. Вкушай же, о Церковь, Его питья и плодов; ты, голубица Его».

Матвей: «Я боялся кусить яблок, потому что вспомнил, что недавно был болен от них».

Гай: «Запрещенный плод делает больным, но не плод, дозволенный Господом».

Пока они сидели еще за столом, занимаясь разговором, им подали еще одно блюдо: то были орехи. Один из пилигримов заметил: «Орехи портят нежные зубы, особенно у детей». Гай на это ответил: «Орехи — скрытые тайны; откройте их, и вы получите пищу. Они вам поданы, чтобы вы их открывали и вкушали полезное».

Все были очень веселы и долго сидели за столом, разговаривая о различных предметах. Наконец старший из пилигримов обратился к Гаю: «Добрый наш хозяин, пока мы ломаем орехи, не разгадаете ли вы нам загадку?»

«Есть некий человек (многими прозываемый безумцем), который чем более дает, тем более обогащается».

Гаий тотчас же ответил, хотя все другие задумались, стараясь отгадать, в чем суть: «Тот, кто щедро раздает свое добро бедным, получит его обратно, но вдесятеро увеличенным».

Иосиф: «Признаюсь, хозяин, не ожидал я, чтобы вы так скоро отгадали загадку».

Гаий: «Это дело мне привычно: ничто так не научает, как опытность. Господь научил меня милосердию, и я узнал по опыту, какая от этого прибыль: „Иной сыплет щедро, и ему еще прибавляется, а другой сверх меры бережлив и однако ж беднеет. Иной выдает себя за богатого, а у него ничего нет, а другой выдает себя за бедного, а у него богатства много“».

Тут Самуил шепнул на ухо матери: «Матушка, хозяин этого дома очень добрый человек. Останемся здесь подолее, чтоб Матвей мог жениться на Любви, прежде чем отправимся далее».

Гаий, расслышав сказанное, ответил: «С радостью, друг мой». Итак, они остались более месяца у странноприимца, и Матвей женился на Любви.

Матвей и Любовь

Во время их пребывания в доме Любовь, по своему обыкновению, шила разную одежду для бедных, что придало большую славу имени пилигримов. Но возвратимся к нашему рассказу.

После ужина юноши захотели идти спать, чувствуя сильное утомление от дороги. Гайй встал было с своего места, чтоб отвести их в назначенную им спальню, но Любовь вызвалась указать им, где они могут провести ночь.

Она вышла с ними, и юноши легли спать и проспали крепко всю ночь. Остальные же остались всю ночь за беседой, не желая расставаться.

После долгих рассуждений о Господе их, о себе и о путешествии старик Честный стал дремать.

«Вам уже спать хочется? — спросил его Дух Твердости. — Что это с вами? Проснитесь, отгадайте загадку».

Честный: «Ну, скажите, какую?»

Дух Тв.: «Кто хочет убить, должен сперва быть побежден. Кто хочет жить в ином краю, должен сперва умереть дома».

Честный: «Это слишком трудно, трудно объяснить и еще труднее исполнить. Но вы, наш добрый хозяин, объясните нам это. Вам я это предоставляю, а я послушаю».

Гайй: «Нет, загадка для тебя, и от тебя ожидают объяснения».

Тогда Честный ответил: «Тот, кто побежден благодатию, может убить грех; тот, кто жить хочет на небе, должен на земле умереть духовно для мира».

Гайй: «Верно отгадано. Во-первых, пока не явилась благодать в душе и не победила ее своей властью, нет в человеке силы превозмочь грех, будучи цепью, которой сатана оковывает душу, как может она противостать ему, пока не разбила своих оков? Во-вторых, всякий разумеющий значение благодати обязан знать, что человек не может служить примером силы в благодати, пока он раб своей греховности. Это приводит мне на память один замечательный случай, который хочу представить на ваше обсуждение. Два человека отправились в пилигримство: один был в юных годах, другой — в преклонных. Молодой человек должен был сильно бороться со своими греховными страстями; в старике все наклонности ко греху ослабели, потому что вся его природа много утратила прежней жизненности. Молодой человек шел ровным шагом со стариком. В котором из них сияла яснее сила благодати?»

Честный: «Конечно, в молодом. Ибо победа над сильнейшими преградами яснее указывает на силу благодати, чем там, где преграды слабее, как, например, в старости, а между тем оба шли ровным шагом. Притом я заметил, что часто старость заблуждается в следующем: она приписывает ослабление своей греховности своей победе над ней и нередко этим хвастается. Конечно, старость более способна дать добрый совет молодости, потому что опытность жизни доказала ей всю пустоту мирских удовольствий. Но когда старый и молодой идут вместе, последний яснее убежден в силе действующей в нем благодати, чем старик, в котором природные силы ослабели».

Они так беседовали до самого рассвета. Когда все остальные встали, Христиана сказала Якову прочесть главу из Св. Писания, и он прочел 53-ю главу пророка Исаии (Ис. 53). Когда он кончил, Честный спросил, почему сказано, что «Спаситель как отпрыск от корня из сухой земли, и что нет в Нем ни вида, ни величия».

Дух Тв.: «На первую мысль я отвечу, что иудейская нация во время пришествия Христа на землю уже утратила всякую жизненность и духовную силу религии. На вторую скажу, что слова, выраженные здесь Духом Святым, впоследствии были в устах неверующих, которые не всматривались в сердце Господа очами веры, а судили о Нем по одному скромному Его земному происхождению. Их можно сравнить с теми, которые не знают, что дорогие камни всегда выкопаны с густым слоем глины, и потому, найдя такой камень, они по невежеству своему кидают его прочь, как негодную вещь, не стараясь узнать ценность его».

Гаий: «Ну, господа, так как вы теперь все в сборе и я убедился, что Дух Твердости искусно владеет оружием, то предлагаю вам прежде освежиться, а потом всем отправиться в поле для испытания ваших сил в совершении доброго дела. Около мили отсюда живет некий великан по имени Бей-добро, который часто нападает и вредит проходящим по Царскому пути. Я знаю, где мы его можем встретить. Он начальник огромного числа разбойников. Было бы недурно нам от него избавиться».

Все изъявили согласие и отправились. Дух Твердости взял меч, щит и шлем, остальные же копьа и жезлы.

Когда они дошли до места, где находился великан, они его увидели держащим некоего Слабодушного, которого притащили к нему его слуги при встрече с ним на дороге. Великан только что ограбил его и намеревался его съесть, быв из рода людоедов. Лишь только они завидели общество пилигримов с оружием в руках, а Духа Твердости во главе их, как он обратился к ним с вопросом: «Что вам надо?»

Дух Тв.: «Нам надо тебя. Мы пришли отомстить тебе все обиды и убийства тех пилигримов, которых ты утащил с Царской дороги и увел в свою пещеру. Поэтому выходи к нам».

Великан взял свое оружие и выступил вперед. Он сражался отчаянно около часа времени и остановился, чтобы перевести дух.

Бей-добро: «Почему вы зашли сюда на мои владения?»

Дух Тв.: «Как я уже тебе сказал, чтобы отомстить за пролитую кровь пилигримов».

Бой снова начался. Великан заставил Духа Твердости отступить немного. Но тотчас же, опомнясь, последний напал на великана с такой силой, что один удар меча принудил его выпустить из рук оружие, потом он стал рубить его мечом по голове и по бокам, и великан свалился с ног. Тотчас же обступили его все, и Дух Твердости отрубил ему голову и понес ее торжественно в дом Гаия. Они взяли также полумертвого от страха Слабодушного и увели с собой.

...Любовь, по своему обыкновению, шила разную одежду для бедных...

Когда они пришли домой и показали остальным обитателям голову великана, они воткнули ее в высокий кол на краю дороги для назидания других разбойников.

Потом все обратились с вопросами к Слабодушному, чтобы узнать, каким образом он попал в руки великана.

Слабодушный: «Как вы видите, я человек больной, и так как ежедневно смерть стучалась ко мне в дверь, я подумал, что дома мне не выздороветь. Вот я и отправился в пилигримство и дошел сюда из города Нерешительности, где я и отец мой родились. Я человек без всякой физической силы, ни даже умственной, но очень желал, если возможно, хотя бы ползком провести земную жизнь свою на пути пилигримов. Когда я дошел до Тесных Врат, которые стоят при начале пути, владелец этой страны принял меня очень благосклонно, не упрекал меня за мою видимую слабость тела и духа, напротив того, дал мне все нужное для укрепления сил на пути и советовал мне не терять надежды до конца. Когда же я дошел до дома Истолкователя, прием мне был самый ласковый, и так как гора Затруднений показалась им слишком для меня трудною, он приказал одному из своих слуг отнести меня на руках до самой вершины. Я должен признаться, что везде на пути я получал много помощи от встреченных мною пилигримов, но ни один из них не соглашался идти медленнее, дабы я не оставался всегда один. Однако все проходящие поощряли меня добрым словом, говоря, что по воле Господа слабодушные получают должную силу в час нужды, и потом уходили от меня, не изменяя своему шагу. Вот так и дошел я до поля Нападения. Этот великан встретился со мной и приказал мне защищаться. Но увы! Где мне сопротивляться? Мне, напротив, нужна опора. И он подошел ко мне и взял в руки. Я надеялся, что он не убьет меня, и хотя принес в свою пещеру против моего желания, я все продолжал надеяться, что выйду отсюда живым, потому что я слышал когда-то, что никакой пилигрим, взятый в плен вражьей силой, не погибнет от руки врага, если сердце его останется верным Господу: таков закон Провидения.

Я видел, что я ограблен, и в самом деле он меня ограбил, но, как вы видите, я остался живым, за что благодарю моего Творца и вас, как Его орудие. Я ожидаю получить на пути немало еще невзгод, но мое решение взято, а именно: бежать, когда я в силах ходить, ходить, когда решительно не могу бежать, и ползать, когда не могу ходить. Главная моя мысль (будь и за это благословен Возлюбивший меня!) продолжать начатый путь, невзирая на преграды, а сердце мое давно стремится за реку, на которой нет моста, хотя я, как вы легко можете убедиться, слаб духом».

Честный: «Не были ли вы когда-то знакомы с одним пилигримом по имени Боязливый?»

Слаб.: «О да! Он был уроженцем из города Бессмысленность, вблизи города Разрушение и в соседстве с моей родиной. Он мне близкая родня, и мы во многом сходимся по характеру. Он был менее меня ростом, но лицом мы были похожи».

Честный: «Вижу, что вы родственники. Вы так же бледны, как и он, и у вас постоянно опущенный взор, как у него; даже в разговоре вы его напоминаете».

Слаб.: «Многие были такого мнения. Притом, когда я в него всматривался или вслушивался, то часто узнавал себя».

Гаий: «Теперь, добрый малый, ободрись. Мы тебе душевно рады, и что тебе понадобится в моем доме, откровенно спроси, и мои слуги с готовностью исполнят все, что тебе нужно».

Слаб.: «Такое милостивое обращение со мной я совсем не рассчитывал получить. Мог ли великан подумать, когда он меня схватил, что я из его рук выйду, чтоб попасть в дом Гаия? А между тем я здесь!»

Во время этого разговора кто-то очень взволнованный стал стучать в дверь. Версты полторы оттуда некто г-н Нечестивый упал мертвый на месте, где стоял, пораженный молнией.

Слаб.: «Бедный человек! Ужели он убит? Он однажды догнал меня на пути и хотел мне сопутствовать. Но когда Бей-добро схватил меня, он, не говоря худого слова, пустился бежать, но, видно, он только убежал к своей смерти, а я остался для жизни».

В это время Матвей и Любовь женились, и Гаий отдал свою дочь Фебу второму брату Якову. Пилигримы провели еще десять дней в гостеприимном доме, исполняя все установленное законами благотельного учреждения.

Когда они стали собираться в путь, Гаий пожелал дать им прощальный обед. Все были веселы за столом, ели и пили досыта. Перед уходом Дух Твердости, их верный проводник, попросил Гаия дать ему счет всех его издержек на их прокормление, на что Гаий ответил, что это не в правилах дома брать плату от пилигримов. Все издержки ежегодно записаны на имя доброго Самарянина, который обещал, что содержание пилигримов будет уплачено Им, когда Он вернется в эту страну.

Дух Тв.: «Ты верно и хорошо исполняешь свой долг в отношении странников. Они уже свидетельствовали перед торжествующей церковью о твоей любви. Ты хорошо поступаешь, напутствуя их по воле Бога» (Иоан. 1:6).

Гаий простился со всеми и особенно со Слабодушным. Он дал им на дорогу напиток для поддержания сил.

Как только они вышли за дверь, Слабодушный стал понемногу отставать от общества. Заметив это, Дух Твердости обратился к нему: «Ну, идем же, друг, не отставай от нас, я буду и твоим проводником, и тебе опасаться будет нечего, как и прочим».

Слаб.: «Увы, мне невмочь идти с вами. Вы все сильны и здоровы, а я, видите, слаб. Поэтому я предпочитаю идти позади вас от страха, что по немощам своим я буду вам в тягость. Я изнуряюсь и слабею легко и не выношу того, что выносят другие. Я не люблю смеха, ни нарядного платья, ни бесполезных вопросов. Я так слаб, что меня оскорбляет то, что другие считают правильным. Я еще не познал всей истины. Я очень несведущий христианский пилигрим. Иногда, когда слышу, что радуются в Господе, я смущаюсь, потому что не могу

сам радоваться. Как слабый между сильными, или как больной между здоровыми, или как отброшенный светильник, таков и я. „Спотыкающийся ногами, по мыслям счастливец, как презренный факел“. И я не знаю, что с собой делать» (Иов. 12:5).

Дух Тв.: «Но, брат, ведь моя обязанность поддерживать слабых и утешать страдальцев. Ты непременно должен идти с нами. Мы подождем тебя, поможем тебе, мы не станем в некоторых случаях выражать свои мнения или изменим образ действий, мы будем избегать при тебе все, чтобы не покинуть тебя одного».

Весь этот разговор происходил недалеко от двери Гаиева дома. В это время подошел к ним с помощью костылей некто Хромоногий, объявляя, что он идет в пилигримство.

Слаб.: «Как это ты сюда дошел? Я только что тосковал, что нет у меня подходящего спутника. Как я рад, как счастлив тебя встретить! Надеюсь, что мы отправимся вместе».

Хромоногий: «Я очень охотно принимаю твое предложение, друг, и даже готов уступить тебе один из моих костылей».

Слаб.: «О нет, благодарю тебя за готовность быть мне полезным, но я не намерен употреблять костыль, пока не хромаю. Впрочем, он мне, пожалуй, пригодится вместо палки, чтобы отгонять собак».

Хромоногий: «И я, и костыли мои к твоим услугам, добрый товарищ».

Так они и пошли. Впереди проводник и Честный, потом Христиана и все ее дети и, наконец, Слабодушный и Хромоногий на своих костылях.

Честный: «Прошу тебя, добрый наш Проводник, расскажи нам что-нибудь полезное, пока мы на пути».

Дух Тв.: «Охотно. Вы, вероятно, все уже знаете, как покойный Христианин схватился с Апполионом в долине Уничуждения и с каким трудом он прошел через долину Смертной Тени. И вы, верно, знаете также все приключения его друга Верного, и как он отразил нападение врага по имени Стыд».

Честный: «Да помню, из всех нападений худшее для Верного было нападение Стыда, он неустанно преследовал его».

Дух Тв.: «Да, он самый привязчивый».

Честный: «Но скажите мне, на каком месте встретили Христианин и Верный замечательного Краснобая? Вот личность известная».

Дух Тв.: «Это был самонадеянный дурак, а между тем многие верят ему и идут за ним».

Честный: «Он чуть было не надул Верного своими напыщенными речами».

Дух Тв.: «Да, но Христианин скоро его обличил».

Таким образом шли наши пилигримы до того места, где Христианин и Верный встретились с Евангелистом, который предсказал им, что с ними случится на Ярмарке Суеты.

Честный: «Я думаю, что им тяжело было слышать о тех страданиях, которые их ожидали на Ярмарке».

*«Я очень охотно принимаю твое предложение, друг,
и даже готов уступить тебе один из моих костылей».*

Дух Тв.: «Но вместе с тем они получили от него и нужные поощрения. Впрочем, их души были львиные по силе веры, оживляющей их. Помните, с какой твердостью они предстали пред судьями?»

Честный: «Да, Верный храбро погиб».

Дух Тв.: «Но я узнал достоверно, что их терпение, а также мученическая смерть Верного привлекли многих к истине, например, Уповающего. Но когда Христианин вышел из ярмарки, то он встретил хитрого искуателя — некоего Из-выгод».

Честный: «Что это был за человек?»

Дух Тв.: «Фальшивый, подлый лицемер! Он был религиозен по воззрениям мира, но так хитер, что никогда не был в убытке вследствие своих убеждений и не терял во мнении мира. Он имел на всякий случай жизни свой род религиозности, и жена его была в том же духе. Он изменял мнения, смотря по тому, с кем беседовал, и еще утверждал, что так следует поступать в жизни. Но, насколько я узнал, плохой был его конец при всех стараниях о личных выгодах, и я слышал, что меж его детьми ни один не пользовался уважением истинно верующих».

Ярмарка и дом Мнасона

Вот увидели они издали город Суеты, где происходит ярмарка Суеты. Перед тем как вступить в город они стали советоваться друг с другом, как лучше себя держать на ярмарке. Кто советовал одно, кто другое.

Дух Тв.: «Вы знаете, что я давно служу проводником пилигримов и часто бываю в этом месте и потому знаком с неким Мнасоном Кипрянином. Он давний ученик, у которого можно нам остановиться (Деян. 21:16). Если хотите, мы можем тотчас отправиться к нему».

«Согласны», — ответили все пилигримы в один голос. Было под вечер, но проводнику хорошо был известен путь к старику Мнасону, и он привел их прямо к дому старика.

Они постучали, и хозяин, узнав голос Духа Твердости, тотчас сам пришел отворить дверь. Путешественники вошли в дом. «Издали ли вы сегодня пришли?» — спросил Мнасон. «От Гаия», — был ответ.

«Порядочная даль, — возразил старик, — и неудивительно, что вы чувствуете утомление. Сядьте отдохнуть». Гости уселись.

«Ободритесь, друзья, — сказал им проводник, — я уверен, что наш хозяин вам очень рад».

Мнасон: «Конечно, рад, и прошу вас не стесняться и спрашивать все, чего бы вам ни понадобилось».

Честный: «Мы до сих пор нуждались в пристанище и в приятном обществе, а теперь, мне кажется, что все это получили разом».

Мнасон: «Что до пристанища, вы видите, каково оно; а приятное обществу будет по испытании».

Дух Тв.: «Прошу тебя, хозяин, укажи им на их ночлеги».

Мнасон: «Тотчас».

Он отвел их в разные спальни и показал им также прекрасную столовую, где они могли посидеть и поужинать до отдыха.

Когда они успокоились и стали разговорчивее, Честный спросил хозяина, можно ли встретить в городе добрых людей.

Мнасон: «Есть несколько, но мало, если сравнить с количеством другого рода людей».

Честный: «Как бы нам сойтись с ними? Для пилигрима видеть хорошего человека так же утешительно, как месяц и звезды для ночного путешественника».

Мнасон топнул ногой об пол, и вошла дочь его — Благодать. Он обратился к ней: «Поди скажи моим друзьям Сокрушенному, Безупречному, Любимым братьев, Несмейлгать и Кающемся, что ко мне прибыли дорогие гости, которые желают видеть их».

Благодать вышла передать приглашение отца. Все его знакомые вскоре пришли и сели за стол.

Мнасон: «Любезные соседи, как вы видите, вот общество чужеземцев сегодня навестило меня. Они пилигримы, пришли издалека и отправляются на гору Сион. Но как бы вы думали, кто сия личность? — продолжал он, указывая на Христиану. — Это жена того знаменитого пилигрима Христианина, который с собратом своим Верным претерпели такие гонения в нашем городе».

Вошедшие люди очень этому изумились. Один из них ответил: «Мы никак не думали, когда получили твое приглашение через дочь твою Благодать, что здесь увидим Христиану, и это для нас совершенная неожиданность».

Потом, обратясь к ней, они ее спросили, как она себя чувствует после длинного пути и кто сии юноши, не сыновья ли ее мужа. Получив от нее утвердительный ответ, они обратились к ним со словами: «Царь, которого вы возлюбили и которому служите, да поможет вам жить, как жил отец ваш, и да приведет вас туда, где он ныне в мире».

Честный спросил потом Сокрушенного, какой дух в это время преобладает в городе.

Сокрушенный: «Могу сказать, что наш город при своей нескончаемой ярмарке в постоянном волнении. Нелегко охранять сердце свое и ум от всех окружающих соблазнов. Кто живет в таком месте, как наше, и в сношении с такими людьми, как обитатели нашего города, чувствует необходимость в силе, удерживающей его и ежедневно предохраняющей от сетей лукавых».

Честный: «Но ваши соседи как живут теперь, в большом ли спокойствии?»

Сокрушенный: «Да, в настоящее время они гораздо умереннее в своих убеждениях. Вы знаете, как жестоко они поступили с Христианином и Верным. Но с тех пор (как я сейчас уже говорил) они стали гораздо умереннее.

Кровь Верного как будто тяжелым камнем легла им на душу, и они с той поры никого более не сожигали. В то время нам было опасно проходить по улице, теперь же мы можем везде показываться без опасения. Тогда имя исповедателя христианства было невыносимо; ныне, в особенности в некоторых частях города (а вы знаете, как он обширен), религиозность даже в большом почете. Но скажите мне, как вы совершили свое путешествие и в каких отношениях были вы с жителями околотка?»

Честный: «С нами бывало то, что бывает со всеми борющимися людьми: иногда путь наш ровный и чистый, иногда каменистый, то в гору, то под гору. Мы никогда не знаем, что нас ожидает, и ветер не всегда дует нам в спину и не всякий встречный обходится с нами по-приятельски. Уже немалую долю трудностей мы вынесли, а что с нами случится вперед, того не знаем. Мы пришли к тому убеждению, о котором давно твердят люди: хороший человек всегда встречает горе на своем пути — иначе и быть не может».

Сокрушенный: «А много ли вынесли вы трудностей на своем пути?»

Честный: «Спросите о том нашего проводника: он лучше меня передаст вам это».

Дух Тв.: «Раза три, четыре они отражали нападения». И он подробно рассказал все случившееся с ними и как им удалось убить Великана Бей-Добро.

Безупречный: «Отправляющиеся в пилигримство должны запастись двумя предметами: неустрашимостью и безупречной жизнью. Если они боязливы, трудно им идти по пути, а если они не хранят себя от зла, то пачкают самое имя пилигрима».

Любибратьев: «Я уверен, что к вам это не относится. Но, в самом деле, немало людей на свете, которые, желая идти по истинному пути, действуют, однако, как чуждые пилигримству, а не как странники на земле».

Несмейлгать: «Конечно, такие люди ничем не похожи на истинных пилигримов. Пути их кривы и ноги не тверды, обувь их не в порядке, один сапог с стоптанной подошвой, другой вывернут. Одевание также беспорядочно: тут прореха, там лохмотья, и все это бесчестит их Учителя».

Кающийся: «Следовало бы им, по крайней мере, раскаиваться и исправиться, ибо нельзя ожидать успеха в духовном отношении, если сперва не выпрямить того, что скривлено, и не устранить того, что служит преградой».

Таковыми беседами занимались наши пилигримы до самого ужина. Тут они сели за стол, чтоб укрепить свои телесные силы, и отправились потом на покой.

Пилигримы оставались долгое время в городе Суета и жили в доме Мнасона. Впоследствии он выдал свою дочь Благодать за Самуила, а вторую, Марфу, за Иосифа — сыновей Христианы.

Я сказал, что они долго оставались в этом месте, так как жизнь и люди там немало изменились со времен Христианина, и пилигримы познакомились со многими хорошими людьми в городе и старались быть им полезными, насколько это было возможно.

Любовь продолжала шить одежду для неимущих и была всегда готова помочь им в нужде, а они благословляли ее за получаемую пищу и одежду. Таким образом она прославляла свое имя. Остальные три невестки Христианы не уступали первой в добродетелях, и каждая исполняла свою обязанность с самоабвением.

Они все были в надежде и ожидании нового поколения из рода Христианина, а мать их со всеми друзьями радовалась мысли, что не погибнет имя ее мужа.

В это время появилось чудовище из ближайшего леса, которое истребило немало жителей в городе. Оно уносило даже детей и вскармливало их своим молоком. Никто в городе не осмеливался нападать на чудовище, но все с ужасом убегали от него, лишь только завидят его издали. Никакой земной зверь не мог с ним сравниться: он видом был дракон с семью головами и десятью рогами. Он причинял большой вред детям, хотя управляем был женщиной. Чудовище давало свои законы людям, и кто предпочитал свою жизнь спасению души, покорялся ему беспрекословно.

Путеводитель пилигримов в обществе добрых знакомых Мнасона решил напасть на чудовище, чтобы спасти жителей города от такого вредного зверя. Они отправились по направлению к его жилищу. Взяв с собой оружие, они пошли к нему, требуя от него сдаться.

Чудовище бросило им в ответ презрительный взор. Тогда они с разных сторон ринулись на него и принудили его скрыться далее от города. После того они вернулись в дом Мнасона.

Однако чудовище не прекращало своих нападений, но тщательно выбирало свое время, чтоб уносить детей из города. Но в эти часы стали являться и наши бесстрашные бойцы и отражали его каждый раз. Наконец чудовище получило столько тяжелых ран, что лишилось даже некоторых членов, и потому было не в силах вредить детям. По мнению некоторых, этот гадкий зверь должен был вскоре погибнуть вследствие полученных им ран.

Успешные нападения путеводителя и его товарищей на зверя способствовали сделать имена их известными в целом околоте. Большая часть жителей стала с этих пор уважать людей, одаренных такой силой, хотя и следует при этом заметить, что в этом городе еще невелико было число людей, умеющих ценить истинное достоинство. Пилигримов стали принимать с большим почетом. Но, однако, были еще люди, правда, очень низкого сословия, которые, вместо того чтобы ценить их неустрашимость и самоотвержение, продолжали насмехаться над ними и презирать их; но это было лишь потому, что таковые всегда слепы и бессмысленны.

Время настало для наших пилигримов снова пуститься в путь. Они стали готовиться к отъезду и, желая посоветоваться с друзьями, послали за ними. Они провели несколько часов в дружеской беседе, потом поручили один другому защите и покровительству своего князя. Многие выразили при этом свою дружбу некоторыми дарами и снабдили путешественников съестными

припасами. Всякий считал обязанностью вручить то, что следовало иметь сильному и слабому, женщинам и мужчинам. «Они снабдили их всем нужным» (Деян. 22:10). После того пилигримы пустились в путь, а друзья проводили их на довольно большое расстояние. Тут они расстались, поручая себя милости Владыки.

Так шло все общество пилигримов по прямому пути, имея во главе своего верного проводника. Младшие из них, также и женщины, были слабее и шли медленнее, но каждый подвигался по своей силе, и к последним присоединились Хромоногий с костылями и Слабодушный, который смиренно пристал к малолетним.

Они уже были далеко от города и простились со своими друзьями, когда узнали то место, на котором был сожжен Верный. Тут они остановились, чтобы воздать хвалу Тому, Кто дал своему служителю силу принять мученическую смерть ради истины.

В разговоре о двух известных пилигримах, Христианине и Верном, они незаметно прошли очень большое расстояние и дошли до горы Алчность. Тут они вспомнили, что в ней находится Серебряная Руда и что ею Демас был соvrащен с пути и отказался совсем от пилигримства. Впоследствии Из-выгод также остановился рассматривать руду и, как полагают, в ней погиб. Эти воспоминания заставили их прибавить шаг, и вскоре они увидели соляной столб, воздвигнутый в виду Содомы и его прогневших озер. И они, как и прежние пилигримы, удивлялись, что люди, одаренные умом и познанием Слова Божия, могли дойти до такого нравственного изнеможения, чтобы в этом месте свернуть с истинного пути. Но при дальнейшем размышлении они пришли к убеждению, что бедствия других не изменяют в человеке его природной наклонности ко злу, особенно если предмет, привлекающий их взор, содержит притягательную силу, вредно действующую на страсти людские.

Отрадные горы и пастыри

Потом увидал я их идущими по пути до реки, окаймляющей Отрадные Горы. По берегам реки растут чудные деревья, коих листья действуют целебно от пресыщения (Откр. 22:2). Тут были и прелестные луга, постоянно зеленые во всякое время года, где они могли безопасно отдохнуть (Пс. 22:1–2).

На этих лугах виднелись кое-где овчарни и плетни для загона овец и особый дом для вскармливания и попечения ягнят, т. е. младенцев тех женщин, которые отправляются в пилигримство. Тут находился и Тот, Кому овцы были отданы на попечение, Который знал их слабости, собирал ягнят в свои объятья, нежно прижимая их к сердцу и кротко ведя за руку матерей (Ис. 40:11). Христиана посоветовала своим снохам вручить своих младенцев этому Лицу, чтобы ни о чем более не беспокоиться. «В этой тихой поляне, —

говорила она, — дети найдут всякого рода попечения, будут вскормлены как следует и никогда не пропадут. А если б случилось, что один ягненок заблудится, Он поспешно отправится его отыскивать и, найдя его, если заметит рану, то сам обвяжет ее с нежностью и укрепит тех, которые слабы. Здесь пастбища всегда богатые, родники неистощимы и нет недостатка в одеянии; туда не доходят воры, ибо Тот, Кто Владелец и вместе Охранитель этих мест, предпочтет положить жизнь Свою, лишь бы не потерять ни одной вверенной Ему овцы. Ягнята воспитаны и научены правильно: их приучают ходить по прямым стезям, а это нелегкий путь. В этой стране воды чистые, пища отличная, самые благоухающие цветы, разные плодовые деревья, плоды которых не причиняют вреда, как те, от которых поел Матвей в саду Вельзевула. Здешние плоды сочны и живительны, они укрепляют здоровье и исцеляют немощи».

Все молодые женщины согласились вручить Ему своих младенцев тем охотнее, что всякий расход на них был на счет самого Царя. Они душевно возрадовались найти на своем пути такой чудный приют для детей и сирот.

Они шли вперед, и когда дошли по луку до окольной тропинки у изгороди, через которую перелезли когда-то Христианин с Уповающим и были взяты в плен великаном Отчаяние и заперты в Замок Сомнения, то пилигримы решились сесть на луку и сперва обсудить, какое им взять решение, а именно: так как они были в немалом числе, имея мощного проводника, не лучше ли было бы им вместо того, чтоб продолжать путь, направиться прямо на замок, разрушить его, напасть на самого Великана и, обезоружив его, выпустить на свободу пленных, могущих находиться в заточении.

Один высказал одно мнение, другой — другое. Кто находил, что не следует ступать на неосвященную почву, а кто утверждал, что можно, лишь бы цель оправдывала действие. На это проводник возразил: «Хотя это последнее служение далеко не всегда верно, однако я получил приказание бороться со злом и победить его, сражаться силой веры, а против кого же мне сражаться, ежели не против великана Отчаяние? Поэтому я намереваюсь убить его и разрушить замок Сомнение. Кто из вас хочет идти со мной?» — «Я охотно с вами пойду», — отвечал Честный. «И мы также», — воскликнули в один голос все четыре сына Христианы, которые были сильные и здоровые молодые люди.

Они решились оставить женщин на пути с Слабодушным и Хромоногим с костылями. Они знали, что им не угрожала никакая опасность, хотя по соседству жил великан Отчаяние, только бы они оставались на пути — тогда и малое дитя поведет их.

Наши храбрые воины двинулись по направлению к Замку Сомнение. Когда они дошли до ворот, они постучали в калитку с особенным шумом. Великан Отчаяние с женою своею Недоверчивостью явились на стук. «Кто этот дерзновенный, — спросил он, — который осмеливается так беспокоить великана Отчаяние?» — «Это я, Дух Твердости, — отвечал проводник, — я один из вождей, которого Царь Небесной Страны посылает с пилигримами для

охраны их до цели их путешествия. Приказываю тебе отворить нам ворота и готовиться к бою. Я с тем пришел сюда, чтобы снести твою голову с плеч и разрушить замок Сомнение».

Великан воображал, что невозможно победить его, потому что он великан, и вспоминая притом, что он одержал когда-то победу над некоторыми ангелами, он счел путеводителя за безумного наглеца. Вооружившись сполна, он вышел на бой. На голове его был чугунный шлем, на груди огненные латы, обувь была железная, а в руках он держал огромную дубину. Его разом окружили со всех сторон наши шесть бойцов. Тогда жена великана, Недоверчивость, заметя опасное положение мужа, побежала к нему на помощь, но Честный одним ударом повалил ее мертвой наземь. Тут бой начался на жизнь или смерть, и после упорной борьбы великан Отчаяние свалился с ног, но агония его была продолжительная. Путеводитель нанес ему смертельный удар. Великан долго боролся со смертью, трудно ему было умирать, и в нем как будто бы тлелись несколько источников жизни, которые испарялись из него один за другим. Дух Твердости не отходил от него и только тогда решился удалиться, когда снял с него голову.

После того наши бойцы ринулись на Замок Сомнение и употребили семь дней на разрушение его. Среди развалин они нашли еле живых двух пилигримов, Уныние и дочь его Испуг, которым объявили полное избавление. Но увы! Какую груду человеческих костей увидели они на дворе замка и в высоком тереме! То были бедные пилигримы, которые впали под власть великана Отчаяние и не могли выйти из плена, потому что не запаслись ни ключом Обетованный Божиих, ни таким проводником, как Дух Твердости.

Когда все убедились, что никого в живых не оставалось среди развалин, то, взяв Уныние и дочь его с собой (так как это были люди хорошие, хотя в плену у Отчаяния), они сперва похоронили великана и жену его под грудой камней и с торжеством понесли голову великана к оставшимся на пути друзьям. Узнав подробности этого подвига, все громко возрадовались: Слабодушный и Хромоногий неустанно разглядывали голову великана, чье имя так страшило их. Веселие их выразилось наконец музыкой, пением и пляской. Христиана заиграла на гуслях, а Любовь на цитре; веселые звуки обоих инструментов внушили некоторым желание плясать и скакать. Хромоногий взял за руку дочь Уныния — Испуг, и оба пустились плясать на пути. Ему необходим был один костыль, однако он скакал в такт, а девица Испуг, забыв все случившееся, летала под музыку вокруг него с особенной грацией.

Что же касается до ее отца, Уныния, ему было не до пляски: он еле переводил дух от долговременного голода, которым морил его великан во время заточения. Христиана дала ему проглотить вина из своей бутылки и потом легкую пищу, чтобы вдруг не утомить его желудка. Вскоре старик пришел в себя и стал разделять с прочими общее веселие.

Проводник же, взяв голову великана Отчаяние, укрепил ее на длинный шест, который он утвердил на самом краю пути возле столба, воздвигнутого

Уныние

Христианином для предостережения пилигримов от избрания спокойной боковой тропинки, ведущей в Замок Сомнение. На мраморном камне он написал следующее: «Вот голова того, чье имя приводило в трепет пилигримов. Замок его разрушен, и жена его Недоверчивость убита. Дух Твердости освободил от оков Уныние и дочь его. Кто в этом сомневается, пусть взглянет с открытыми глазами на эту голову, вид которой заставляет плясать от радости даже хромоногих».

После этого замечательного подвига пилигримы снова пустились в путь и дошли до Отрадных гор, где Христианин и Уповающий нашли много душевного наслаждения. Они были приняты радушно пастырями этой страны.

Когда пастыри увидели путеводителя, которого знали хорошо, то спросили его: «Любезный друг, ты пришел сюда в обществе многочисленной компании. Где ты их набрал?» На это он ответил:

«Первая идет Христиана, а при ней ее четыре сына с женами. Одна цель и одна мысль заставила всех начать пилигримство. Мир царствует в их душах, и от греховного состояния перешли они к благодати: их не покидает Бог. За ними идут старик Честный и Хромоногий на костылях, люди твердые

Испуг

и искренние, таков и Слабодушный, который не захотел отстать от прочих. Вот и старец Уныние за ними плетется; при нем дочь его Испуг, кроткие, смирные люди. Можем ли мы надеяться быть принятыми здесь или идти нам далее? Решите нашу участь».

«Очень приятное общество, — возразили пастыри. — Милости просим к нам. Чем богаты, тем и рады: у нас найдется все нужное, как для сильного, так и для слабого. Наш Князь заботится о всем, что необходимо каждому из малых Его. Поэтому немощи не могут быть помехой для нашего гостеприимства». С этими словами они подошли к приближающимся пилигримам и, указывая на двери дома своего, прибавили: «Войдите, войдите все, ты, Слабодушный, и ты, Хромоногий, и вы, Уныние с дочерью Испуг. Что же касается до этих, — продолжали они, указывая путеводителю на семейство Христианы, — вы все сильные, упрашивать вас не нужно, вы войдете спокойно, как следует; но слабым нам надо было называть по имени, иначе они бы не решились войти, а, пожалуй, ушли бы прочь отсюда».

«Вижу, — ответил проводник, — что милость сияет на ваших лицах и что вы истинные пастыри моего Господа, ибо вы слабым не толкаете ни в бок,

ни в плечо и не отгоняете от себя, а, напротив, усеяли путь их цветами, как то следует исполнить» (Иез. 36:37).

И слабые, и сильные вошли в дом, сопровождаемые путеводителем. Когда все уселись по местам, пастыри занялись сперва угощением тех, коих организм был слабее. Они стали их расспрашивать об их наклонностях, чтобы узнать вернее, что им всего полезнее. «Ибо, — говорили они, — здесь все должно быть так устроено, чтобы слабые нашли поддержку, беззаконные же — предостережение». Поэтому им была изготовлена легкая пища приятного вкуса, которая их укрепила, после чего они отправились на отдых, всякий на приготовленное ему место.

На другое утро, подкрепившись снова пищею, они стали готовиться к обозрению страны. Горы были очень высоки, и день ясный, а пастыри, по древнему обычаю, вызвались показать им и объяснить все достопримечательности этого места. Первое, что изумило их, была гора Чудес. Рассматривая ее в подробности, они вдаль заметили человека, которого слово заставляло горы сдвинуться с места и броситься в море. Всякий из присутствовавших недоумевал, что значит это видение. Они вопросительно обратились к пастырям, которые тотчас ответили им так: «Этот человек — сын называемого Великая Благодать, о котором говорится в первой части наших летописей в путешествии пилигрима. Его показывают вам, чтобы доказать, как верою можно уравнивать путь свой и уничтожить все встречаемые преграды». «Я его знаю, — прибавил проводник, — он из числа немногих». Потом пастыри повели их на другую гору по имени гора Невинности. И здесь увидали они одного человека в белом одеянии, и подле него две другие osoby по имени Предубеждение и Злоделательство, которые беспрестанно кидали в него грязью. Но эта грязь, которой они старались его запачкать, тотчас почему-то испарялась, так что одеяние человека все-таки оставалось чистым. «Что это обозначает?» — спросили пилигримы.

Паст.: «Этот человек в белом называется Праведный, и белое его одеяние означает чистоту его жизни. Кидающие в него грязью этим доказывают, что они ненавидят добрые дела. Но, как вы можете сами убедиться, грязь их пристать к нему не может. Но всякий, избравший в мире безупречный образ жизни, должен ожидать себе того же. Те же, которые будут его осмеивать, могут быть уверены, что труд их напрасен, ибо Бог в скором времени даст невинности заблестать, как свет солнца, а праведности, как свет полдня».

Оттуда отправились они на гору Благотворительности, где пастыри указали им на человека со свертком сукна в руке. Этот человек отрезал достаточно сукна, чтобы одеть бедных, собранных вокруг него, а между тем одинаковое количество сукна осталось у него, и то, что он отрезал, как бы ни велико было, не сбавляло меры сукна. Как это понимать? Пастыри объяснили это так: «Из этого научитесь, что тот, кто трудится для бедных, никогда сам ни в чем нуждаться не будет. Орошающий сам будет орошен. Опреснок, данный вдовицей пророку, не уменьшил количества муки, которое она имела в своем

Предубеждение

кувшине». После этого Пастыри повели их к месту, где они увидели Безумного вместе с Бессмысленным, которые старались смыть с Ефиоплянина черный цвет его кожи, но чем более они его мыли и терли, тем чернее казался его цвет. Пастыри объяснили это так: «В этом состоянии всякий человек, очернивший себя пороком, какие бы средства ни употреблял он к своему оправданию, они только способствуют к большему его обвинению. Доказательством этого может служить история фарисеев, и так будет всегда со всеми лицемерами».

В эту минуту Любовь выразила своей свекрови желание осмотреть подземное обиталище горы или, как его называли обыкновенно, Околицу, ведущую в ад. Христиана передала Пастырям желание своей снохи, и они повели их к двери, находящейся на склоне горы. Здесь они сказали ей вслушаться в слова, долетающие оттуда. Она прислушалась, и вот что услышала: «Да будет проклят мой отец, — ревел один голос, — что удерживал меня от пути мира и жизни». Другой взывал: «О, если б мог я ныне вернуться назад, как я бы остерегался, чтоб не попасть в это место мучения!» Третий вопил: «Увы! Зачем не дал я себя изрезать на куски скорее, чем потерять душу свою для сохранения жизни!» Молодой женщине показалось, что земля стонала

Злоделательство

и дрожала под ней: такой страх ею овладел. Она вся побледнела и дрожащим голосом сказала, удаляясь оттуда: «Блаженны тот и та, которые избегнут это ужасное место вечного страдания!»

Когда Пастыри дали им время рассмотреть все, что было замечательного, то отвели их назад в дом, где предложили им все, что было лучшего. Тут Любовь возымела непреодолимое желание получить один предмет, который уже давно привлекал ее взоры, но по своей молодости и скромности она стыдилась просить о том самих Пастырей. Свекровь, заметя ее смущение, подумала, что ей нездоровится, и спросила ее, что с ней.

«Проходя через столовую, — ответила она, — я увидела зеркало, которое не могу изгладить из памяти, и если я его не получу, мне кажется, я буду больна».

Христиана: «Я передам твое желание Пастырям, и я почти уверена, что ты отказа не получишь».

Любовь: «Но мне стыдно дать им знать о своем желании».

Христиана: «Нет, милая, не стыдно, а похвально желать такой предмет».

Любовь: «Так спросите о том Пастырей, матушка, и узнайте, за какую цену они желают мне продать эту вещь».

Неудивительно, что Любовь так сильно желала получить это зеркало. Оно было единственное в своем роде. В известном наклонении оно показывало человека во всей истине, с природными ему чертами; а если дать зеркалу другое наклонение, можно было видеть в нем ясное изображение Князя пилигримов. Могу сказать, что я рассуждал о том с верными людьми, и они мне рассказывали, что они в этом зеркале видели своего Князя, с терновым венцом на голове, с окровавленными руками и ногами от гвоздей, с пронзенным боком. Такова отличительная черта этого зеркала, что каждый, глядя в него, может узнать своего Господа и видеть Его живым или мертвым, на небе или на земле, в унижении или во славе, нисходящим на страдание или на царствование.

Христиана отправилась к Пастырям, и, отозвав в сторону четырех по имени Познание, Опытность, Бдительность, Искренность, она им сказала: «Одна из моих снох, которая на пути благоденствия, возымела непреодолимое желание получить нечто, что она видела в вашем доме, и она даже страшится несчастного исхода для себя в случае, что вы откажете исполнить ее желание».

Опытность: «Позови ее, пусть она придет сюда. И, конечно, она получит все то, что мы в силах дать ей». Когда Любовь к ним подошла, то они спросили ее, какое ее желание. В смущении она покраснела и указала на желанный предмет, и, когда Искренность узнала, что ей хочется получить большое зеркало, он тотчас взял его и вручил ей при полном согласии всех других Пастырей. Тогда Любовь благодарила их: «По сему вижу, что я в милости у вас».

Пастыри подарили и другим молодым женщинам то, что им более всего нравилось, а мужей они похвалили, что они помогли путеводителю своему убить великана Отчаяние и разрушить замок Сомнение.

Христиана получила от Пастырей золотую цепь, которую они надели ей на шею в виде украшения, такие же цепи получили ее четыре снохи. В уши дали им вдеть красивые серьги, а лоб украсили дорогими камнями.

Пилигримы стали собираться в путь. Пастыри отпустили их с миром, не считая нужным дать им те предостережения и советы, которыми они когда-то напутствовали Христианина. Причиной тому было, что с ними был проводник Дух Твердости, который имел настолько познаний, чтобы предостеречь и защитить их при виде какой-либо опасности. Притом мы знаем, что их предостережения Христианину и Уповающему не достигли своей цели, так как они позабыли их именно в то время, в которое им следовало о них вспомнить. Вот преимущество, которым наши пилигримы пользовались перед теми.

Они вышли из дома Пастырей и запели единодушно песнь: «Под оком Господа мы продолжаем путь наш. Он часто утешал нас встречей добрых душ, всегда внимает Он молитве пилигрима. Наш Бог и Царь при нас. Он дух наш укрепляет в опасностях, в бою. Он с нами, Он за нас, и зреть дает Он нам цель трудного пути — то жизнь вечная, в блаженстве и при Нем. Мы в мире — странники, но вера нас живет; ни бури, ни ветры, ни голод, ничто нас не страшит. Господь Творец вселенной у пристани нас ждет».

Воин истины

Вскоре они дошли до места, где Христианин встретил Отпавшего, который был родом из города Отступничество.

— Этот Отпавший не желал внимать ничьим добрым советам, и ничто не могло удержать его. Когда он повернул назад и дошел до Креста и могилы, он встретил там человека, который попросил его внимательнее взглянуть на этот Крест. Но Отпавший объявил грозно, что уже принял окончательное решение вернуться на родину. До Тесных врат он еще раз встретил Евангелиста, попытавшегося остановить его силой рук своих и вновь наставить на путь истинный, но и тут он вырвался, перелез через стену и пошел по пути погибели, — рассказал проводник историю Отпавшего.

Они продолжали свой путь. На том самом месте, где был ограблен Маловерный, стоял человек с обнаженным мечом, все лицо которого было в крови. Проводник спросил его, кто он.

— Я сражающийся за истину, воин-пилигрим, идущий в Небесный Град. По дороге на меня напали три злодея и предложили сделать выбор: либо я становлюсь таким, как они, т. е. примыкаю к их шайке, либо я погибаю на месте. Я ответил, что всегда был верен своим убеждениям и потому не вижу теперь причины изменять им. В своей родной стране я не нашел мира душевного, покинул ее по собственному желанию и не намерен возвращаться туда, где ждет меня верная погибель. Моя жизнь мне так дорога, что я не желаю дешево уступать ее никому. Но если они хотят сразиться со мной — пусть попробуют. Тогда эти трое — Необузданный, Виновность и Назойливый — ринулись на меня. Мы сражались целых три часа. Как видите, они нанесли мне немало ран, но, заслышав ваши шаги, немедленно ретировались, понимая, что у них нет шансов победить превосходящего их числом противника, — ответил храбрый пилигрим по имени Доблестный.

— Однако бой был и так неравный: один против троих, — заметил Дух Мужества¹.

— Да. Но что значит число противников для того, на чьей стороне истина? Псалмопевец Давид сказал: «Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь — крепость жизни моей: кого мне страшиться? Если ополчится на меня полк, не убоится сердце мое; если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться». Я читал, что один человек боролся против целой армии. Вспомните, скольких Самсон убил ослиной челюстью!

— Почему же, однако, ты никого не позвал на помощь? — спросил проводник.

— Я воззвал к Царю моему; я знал, что Он услышит меня и пришлет мне невидимую помощь, и этого мне было достаточно.

¹ Ранее в тексте — Дух Твердости.

Необузданный

— Твое поведение достойно похвалы. Покажи-ка мне меч твой, — попросил Дух Мужества.

Он взял меч, внимательно рассмотрел его и сказал:

— Этот меч сделан в Иерусалиме.

— Да, он оттуда. Такой меч да твердая рука, чтобы владеть им, плюс умение действовать им, и могу вас уверить, что человек может без страха идти на битву. Ему нечего беспокоиться, если он умеет владеть таким мечом. Лезвие его никогда не притупляется, даже рассекая помышления сердечные.

— Но ты, однако, долго боролся. Удивляюсь, что не чувствуешь утомления.

— Мой меч словно врос мне в руку, будто стал ее естественным продолжением, а когда кровь потекла по моим пальцам, я стал биться с еще большей отвагой.

— Ты поступил верно, сражаясь с грехом до последнего. Теперь присоединяйся к нам. Пойдем вместе, отныне ты нам товарищ.

Они омыли ему раны, накормили и продолжили путь вместе. Проводник, как правило, шел вместе со слабыми пилигримами, занимая их бодрящими и нравоучительными рассказами. Потом он разговорился с Доблестным,

*...встретил Евангелиста, попытавшегося остановить его
силой рук своих и вновь наставить на путь истинный...*

общество которого было ему особенно приятно (он уважал людей с таким характером). Начал он с того, что спросил нового своего товарища о его родине.

— Я родом из города Потемнение, там вырос, а родители мои все еще живут там.

— Так ты из Потемнения? Это не по соседству ли с городом Гибель?¹

— Да. Что меня заставило пуститься в путешествие? Однажды прибыл к нам некто по имени Устаистины и рассказал про приключения Христианина из города Гибель. Христианин вынужден был покинуть жену и детей, чтобы стать пилигримом. Он уверял даже, что Христианин однажды убил змея, мешавшего ему идти вперед, и что, несмотря на все препятствия, он и в самом деле дошел до того места, куда стремился. У Небесных врат его встретили победными торжественными звуками труб, и теперь он — желанный гость во всех Царских обителях. Его приход приветствовали благовестом, он награжден чудесными одеяниями и другими подарками... Словом, слушая его, я почувствовал, что и во мне загорелось желание идти туда же, и ни отец, ни мать, никакая земная власть не смогли удержать меня. И вот, как видите, я здесь.

— Ведь ты прошел через Тесные врата? — спросил Дух Мужества.

— Да, конечно. Устаистины предупредил меня, если не пройти через Тесные врата, все путешествие будет напрасно.

Тогда проводник обратился к Христиане:

— Видишь, — сказал он, — какое значение имеет путешествие твоего мужа не только для его близких, но и незнакомых людей?

— Неужели это жена Христианина? — удивленно спросил Доблестный.

— Да, а это его четыре сына.

— И все — пилигримы?

— Как видишь, они последовали за отцом.

— От души рад! Представляю, как этот добрый человек возрадуется, когда увидит своих близких, которые вначале не захотели отправиться с ним, но со временем все же решили идти в Небесный Град.

— Без сомнения, для него будет большая радость свидеться с близкими своими в месте блаженства.

— Кстати, мы затронули вопрос, разрешить который не берусь и по которому желал бы услышать ваше мнение. Некоторые утверждают, что мы там друг друга не узнаем.

— Это не так, — ответил Дух Мужества. — Почему они могут не узнать своих друзей и близких, которые — часть нашего бытия? Хотя узы родства там будут иного рода, однако у нас нет причины думать, что мы не возрадуемся их присутствию, потому что не узнаем их.

Доблестный согласился с этим утверждением Духа Мужества.

— Вероятно, родители твои очень тебя отговаривали от путешествия? — продолжал Дух Мужества.

¹ Ранее в тексте — Разрушение.

Устаистины

— Конечно, они делали все, чтобы уговорить меня остаться.

— Чем они мотивировали свои действия?

— Они говорили, что такое путешествие ничто иное, как тунеядство, и если б по природе своей я не был склонен к лени, эта мысль никогда не пришла бы мне в голову.

— А еще чем?

— А тем, что я добровольно подвергаю себя всяким опасностям. Они беспрестанно повторяли мне, что ничего нет опаснее в мире, чем быть пилигримом.

— О каком роде опасностей они говорили?

— Они говорили мне о топи Уныния, где так легко утонуть, о стрелках замка Весельзевула, пускающих огненные стрелы в тех, которые хотят войти в Тесные врата. Еще рассказали они о горе Затруднение, о львах и злых великанах. Потом описали мне долину Уничуждения, где Христианин чуть было не погиб в борьбе с Аполлионом. Пугали меня долиной Смертной Тени, где постоянная тьма, слезы, стон и где живут злые духи. Еще рассказали они о великане Отчаяние, от руки которого столько пилигримов погибло в его замке Сомнение. Поведали об Очарованной стране, где можно заснуть сном смерти, и, наконец, о реке без моста, которую надо переходить вброд и которая отделяет странника от Небесного Града.

— Это все?

— О нет! Они пугали, что на этом пути много мошенников и соблазнитель, совращающих пилигримов с пути истинного. Они говорили еще, что мне на пути может встретиться Мирской Мудрец, который старается всех обмануть, что можно встретить Формалиста и Лицемера. Из-выгод, Краснойбай и Демас обязательно поймут меня в свои сети, а Соблазнитель — в свои, и, наконец, я вместе с Невеждой, думая, что вхожу в Тесные врата, на самом деле войду в низкую дверь в склоне холма, которая ведет в преддверие ада. И многих других называли они мне: Упрямого, Сговорчивого, Недоверчивого, Робкого, Отпавшего и старика Атеиста, которые, по их словам, уже ушли было далеко, но снова вернулись на родину.

— И долго они тебя отговаривали?

— Да. Они рассказывали мне, будто бы Христианин после всех своих трудов погиб в реке Смерти, через которую нет моста, и так и не смог дойти до Небесного Града, куда он так сильно стремился.

— И все это тебя не испугало?

— О нет! Все это пустяки.

— Но почему?

— Я уверовал в слова, сказанные Устами истины, и эта уверенность помогла мне стать выше этих рассказов.

— Так ты одержал победу одной верой?

— Да. Я уверовал, все покинул и отправился в путь. Я преодолел все встретившиеся мне на дороге препятствия и вот дошел до сего места.

Очарованная страна

Вот дошли они наконец и до Очарованной земли, где воздух производит отяжеление в голове и склоняет ко сну. Там росли репейник, шиповник и колючие травы в таком изобилии, что нельзя было присесть нигде, как только в так называемой Очарованной беседке, и то с опасностью для жизни: кто решался входить в нее для отдыха, никогда более не выходил из нее. Итак, пилигримы осторожно обошли рощу, имея во главе проводника, а позади Доблестного за Истину, в случае если бы вздумалось врагу напасть на них сзади. Оба защитника шли с обнаженным мечом в руке, зная, в каком они опасном месте. Дух Твердости приказал Боязливому идти возле него, а Доблестный взял около себя Унылого.

Недолго они шли, как вдруг тяжелый, густой туман и темнота окружили их так, что они друг друга не могли разглядеть и только знали о присутствии один другого по голосу.

Самые отважные из них пришли в некоторое смущение, но каково было положение женщин и детей, коих природная слабость делала менее способными выносить такие невзгоды! Но поддерживаемые поощрительными речами своих покровителей, они из всех сил старались не отставать от других, хотя густой хворостник и глубокая грязь делали путь еще более утомительным. Нигде не видно было ни гостиницы, ни постоялого двора, где бы можно было достать пищи для подкрепления сил. Тяжелые шаги, вздохи, жалобы на утомление и плачевные возгласы детей раздавались среди глубокой тьмы и удушливого воздуха. То один из малых терял обувь, завязшую в глиняной почве, восклицая: «О упал, помогите!» Другой, отстав от общества, кричал: «Где вы, подождите!» Третий путался среди густого тростника, взывая: «Я запутался в колючем тростнике и не могу выйти из него». Но вот дошли они до беседки, которая так заманчиво представляла усталым взорам путешественников удобные сидения, заросшие мягкой, пушистой травой. Сама беседка была вся из густой зелени, и красивые диваны расставлены были вокруг. Велико было искушение для бедных, измученных пилигримов, но они бросили на все это лишь один взор сожаления; они так искренно верили мудрым советам своих проводников, что даже движения не сделали в направлении к беседке. Напротив того, они стали друг друга поощрять прибавить шаг и не впадать в уныние. Беседка носила название Друг Лентяя и стояла тут с целью соблазнять утомленных пилигримов войти в нее для отдыха.

Вот вижу я, что они дошли до одного места, где легко было ошибиться в избрании дороги. Хотя днем проводник мог безошибочно различать истинный путь, но ночью, при густом тумане, он пришел в некоторое замешательство

и остановился. С ним остановилось и все общество. Он вынул из кармана карту, зажег свечу (ибо он никогда не путешествовал, не запасаясь светом) и, внимательно рассматривая карту, он тотчас понял, что с этого места следует повернуть направо. Если б он поленился посмотреть на карту земли, он бы мог завести общество в ближнюю топь, так как поблизости находился большой овраг, который враги наполняли грязью доверху, чтоб заманить в него пилигримов и погубить безвозвратно. И я во сне подумал: кто хочет идти в пилигримство, непременно должен запастись указателем и светом.

И вот шли они далее по безлюдной Очарованной земле и дошли до другой беседки, которая стояла на краю большой дороги. В ней лежали два человека, по имени Беспечный и Дерзкий. Они оба зашли далеко в своем пилигримстве, но, чувствуя сильное утомление, вошли в беседку отдохнуть и крепко заснули. Пилигримы остановились и покачали головами, зная, какое безвыходное их состояние. Потом, посоветовавшись между собой: идти ли им далее или подойти к ним и разбудить их — они решились на последнее. Так и поступили, но с большой осторожностью, чтобы самим не искутиться отдыхом и не погибнуть в чудной беседке.

Они подошли к спящим, громко называя их по имени (так как проводник знал, кто они). Никакого ответа не последовало. Тогда проводник стал их трясти и употребил все средства, чтобы разбудить их. Напрасно. Один из них произнес во сне: «Я тебе заплачу, когда получу свои деньги». На это проводник грустно покачал головою. «Я буду бороться, насколько в силах держать меч», — сказал другой. При этом один из юных общества засмеялся.

Христиана спросила проводника, что все это значит. Он ей ответил: «Они разговаривают во сне. И их колоти или тряси, все равно: они не способны говорить иначе и могут только повторять бессвязные слова. Ты знаешь, что речи, произносимые во сне, не управляемы ни верой, ни волей, ни рассудком. И вот эти люди теперь доказывают своими речами столько же бессмыслия, сколько поведением своим доказали свою непоследовательность. Вот какое несчастье быть беспечным во время пилигримства. Один из двадцати не попадает в этот порок. Заметьте, что враг пилигримов рассчитывает на Очарованную землю, как на последнюю ловушку. Вот почему эта страна лежит чуть ли не на пределах нашего путешествия и потому еще более опасна. Вот как рассуждает враг:

«Этим безумцам более всего захочется отдохнуть, когда устанут от длинного, томительного пути». Вот почему Очарованная Страна в соседстве с прекрасной страной Благоволение Мое, в конце нашего пути. И вот почему пилигримы должны здесь быть особенно осторожными, чтоб с ними не случилось, как с этими спящими, которых разбудить нет возможности (Ис. 62:4).

Тогда пилигримы в сильном страхе стали просить проводника продолжать путь, умоляя его освещать их зажженным фонарем. Он достал себе света, и они могли, таким образом, разглядеть дорогу и видеть друг друга и пошли далее (2 Пет. 1:19).

Однако дети так утомились, что стали с плачем взывать к Тому, Кто любит пилигримов и может облегчить их трудности в пути. Вскоре поднялся ветер и разогнал туман, и воздух стал легче и яснее. Это случилось, когда они еще не совсем вышли из Очарованной земли, а между тем они уже могли узнать один другого и следовать без опасения по указанному пути.

Пилигримы были уже в конце Очарованной Страны, как страшный шум долетел до их ушей, как будто звуки тоскующей души. Они стали смотреть во все стороны и заметили человека, стоявшего на коленях со сложенными руками и взором к Небу. Он имел вид просящего чего-то у своего начальника. Но они никак не могли расслышать, о чем он просил, все же сочли нужным идти без шума, чтобы не мешать ему своим присутствием. Когда он кончил свою молитву, то пустился бежать к Небесному Граду.

Тогда проводник, обратясь к незнакомцу, громко закричал ему вслед: «Эй, друг, если ты, как мне сдается, направляешься к Небесному Граду, позволь нам идти с тобой вместе». При этих словах человек остановился, и все к нему подошли.

Вдруг Честный, который в нем узнал своего старого знакомого, воскликнул: «Я знаю этого человека. Он из моего околотка, и зовут его Стой-твердо. Он, без сомнения, истинный и хороший пилигрим, на которого можно рассчитывать».

Честный представил своего земляка всему обществу, и Стой-твердо обратился к нему: «Ужели это ты, старик Честный?» — «Я сам, как видишь».

«Как я счастлив встретиться с тобой», — отвечал Стой-твердо.

Честный: «И я также, видя тебя на коленях в молитве». Тут новый пилигрим покраснел и изумился: «Ужели ты видел?»

Честный: «Да, и мне это было весьма приятно».

Стой-твердо: «Что же ты подумал?»

Честный: «Что? Я себе сказал: „Вот в самом деле человек, в котором нет лукавства“, и я решил, что мы должны совершить путь вместе».

Стой-твердо: «Если ты рассудил верно, я очень счастлив, но если ты ошибся, я один от этого пострадаю».

Честный: «Так, но твоя осторожность, которая мне заметна, утверждает меня в моем убеждении, и я уверен, что между Князем пилигримов и тобой нет ни единой преграды, ибо Он сам сказал: „Блажен человек, который всегда осторожен“».

Доблестный: «Ну-ка, брат, не скажешь ли ты нам теперь причину, заставившую тебя преклонить колена? Исполнил ли ты долг благодарности за полученные милости или была тому иная причина?»

Стой-твердо: «Мы, как тебе известно, в Очарованной земле. Ходя по пути, я размышлял так об окружающих меня опасностях; сколько было людей, которые пошли со мной вместе в пилигримство, и они уже свернули с истинного пути и погибли безвозвратно. Я вспомнил о горькой участи многих моих ближних в этой опасной стране, погибающих добровольно, ибо они не умирают

насильственной смертью. Кончина их не причиняет им страданий; они засыпают сном смерти и отходят с приятным чувством самообольщения, охотно отдавая себя во власть одолевающего врага».

Честный: «Заметил ли ты в беседе двух спящих людей?»

Стой-твердо: «Увы! Беспечный и Дерзкий заснули в ней оба, и, наверное, не проснутся никогда более. Пока я был в таких размышлениях, личность немолодая, очень разряженная, предстала предо мной и предложила три вещи: саму себя, деньги и постель.

Признаться, я в эту минуту чувствовал себя утомленным и сонным. Притом я беден и всегда в бедности, что, вероятно, было небезызвестно этой колдунье. Вот я раза два отвернулся от нее, пренебрегая ее предложениями, но она только улыбнулась на мой отказ. Тут я рассердился, но и на это она не обратила внимания, а снова начала предлагать всякого рода наслаждения в жизни, прибавляя при этом, что если я буду согласен отдаться в ее власть, она меня сделает счастливым и богатым. Тогда я спросил, как ее зовут. Она мне ответила: „Пустое Тщеславие“. Это имя меня еще более от нее отдалило. Но чувствуя, что я слабею, я стал на колени, подняв руки к небу, и со слезами молил ниспослать мне силу и помощь. В это время ваше общество стало приближаться, и эта личность скрылась от меня, а я продолжал приносить благодарение за мое освобождение. Я уверен, что она решилась во что бы то ни стало преградить мне путь».

Честный: «Нет сомнения, что она имела дурные намерения на твой счет. Но теперь припоминаю, что я либо читал нечто о ней, или встречал ее».

Стой-твердо: «Быть может, и то, и другое».

Честный: «Пустое Тщеславие! Не правда ли, эта госпожа высокого роста, величественной наружности и смуглого цвета лица?»

Стой-твердо: «Совершенно так».

Честный: «И не правда ли, ее речи всегда сладки и улыбка озаряет ее лицо после каждого слова?»

Стой-твердо: «И это точно так».

Честный: «Не висит ли у нее на поясе большой кошелек, и часто рукой своей не шевелит ли она в нем деньгами, так, чтобы звук монет был явственно слышен?»

Стой-твердо: «Нельзя представить ее вернее. Мне кажется, что я и теперь вижу ее самодовольную улыбку».

Дух Тв.: «Эта личность — колдунья, и ее колдовством страна эта напита-на. Кто пожелает отдохнуть на ее плече, так же безумен, как тот, который добровольно подставил бы свою голову под секиру палача, и кто соблазняется ее красотой и блеском, становится врагом Бога. Она доставляет пышность и наружную славу врагам пилигримов. Увы! Она удержала немалое число от продолжения пути, и притом она страшная сплетница. Она постоянно то одна, то со своими дочерьми гонится за пилигримами, рассуждая с ними и представляя им все выгоды мирских благ. Она бесстыдна и дерзка и никого не оставит

*Она постоянно то одна, то со своими дочерьми гонится за пилигримами,
рассуждая с ними и представляя им все выгоды мирских благ.*

в покое. Она насмехается над нищетой пилигримов и превозносит богатых. Если кто искусно приобрел себе большое состояние, она его хвалит и восхваляет неустанно из дома в дом. Она любит празднества и вкусные столы, и всегда бывает там, где пышные обеды. В некоторых местах она выдает себя за богиню, и ее там боготворят. Она имеет свои места и свое время для обольщения людей, и уверяет всех, что никто кроме нее не может доставлять столько благ земных. Она обещает своим приверженцам не покидать ни их, ни следующее их поколение, если они станут верно служить ей. В некоторых местах и некоторым людям она кидает золото, как пыль. Она любит, чтобы ее искали, с похвалой о ней отзывались, словом, любит овладевать сердцами людей. Она неустанно восхваляет свои блага и предпочитает тех людей, которые умеют ценить ее. Она обещает короны и государства тем, которые примут ее советы, а между тем многих привела к виселице, а тысячу других в ад».

Стой-твердо: «Какое счастье тому, кто ей противостоит! Страшно подумать, куда бы она могла меня довести!»

Дух Тв.: «Никто этого не знает, кроме единого Бога. Но, конечно, она бы тебя втянула во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу (1 Тим. 6:9). Это она, которая восстановила Авессалома против отца и Иеровоама против своего начальника. Она внушила Иуде мысль предать Христа и заставила Демаса покинуть истинный путь, чтобы поступить на ее службу. Нельзя себе представить, какой от нее бывает страшный вред. Она сеет раздор между начальствующими и подчиненными, родителями и детьми, мужем и женой, между соседями и, наконец, между духом и плотью. Итак, добрый товарищ, будь таким, каково имя твое: Стой-твердо, дабы ты мог противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф. 6:13).

Это объяснение произвело на пилигримов радость и испуг. Но, воздав благодарение Богу за его помощь, они воспели вместе: «О, сколь опасен путь для пилигрима, сколько у него врагов и как много путей ведут ко греху! Сколько из них были им обольщены и нашли горький конец за позднее раскаяние!»

В Отчизне

Потом увидел я, что пилигримы шли, не останавливаясь, до страны Сочетания или, как называли ее другие, Благоволение Мое. Там днем и ночью царствует свет. Они остановились, чтобы собраться с силами после стольких трудностей во время пути. Этот край был им не чужд; там росли виноградники и разные плодовые деревья, принадлежащие Царю Небесного Града, и они имели право пользоваться всем. Недолго отдыхали странники, потому что звон колоколов и беспрестанный звук труб отнимали у них всякую склонность ко сну. Этот шум, однако, не был им неприятен; напротив того,

он оживлял их духовно чудной надеждой скорого прибытия на место покоя. Из Небесного Града долетали голоса некоторых из обитателей в виде гармонической мелодии; один из них говорил или пел: «Вот еще пилигримы к нам прибывают». Другой голос отвечал: «Большое число таковых перешли сегодня реку». Третий продолжал: «Вот целый легион лучезарных влетели к нам в город. Это доказывает, что на пути еще много пилигримов, и они пришли служить им и утешать во всякой скорби». Наши пилигримы поднялись со своих мест и стали прохаживаться взад и вперед. Взоры их всюду встречали небесные видения. В этой стране они не могли ни слышать, ни видеть, ни вкушать, ни вдыхать неприятного или вредного; но когда они попробовали выпить речной воды, она им показалась горькой в устах, а сладкой в желудке.

Здесь вели реестр имен всех пилигримов с самых древних времен и с описанием их подвигов. Также находилось здесь место, где путешественники собирались для обсуждения перехода через реку. Говорят, что для некоторых течение было благоприятно, а для других напротив: их отбрасывало назад на берег. Иные перешли реку почти посуху, другие же в такое полноводье, что вода разливалась по берегам.

В этой стране дети ходят в Царские сады, срывают душистые цветы и свивают из них букеты, которые подносят пилигримам со словами приветствия. Там растут нарד, шафран и корица со всякими благовонными деревьями, с миррою и алоем и всякими отличными ароматами. Пилигримы окуривали ими свои жилища и помазывали тело свое, дабы приготовить его к переходу через реку, когда настанет тому время.

Вот пока они проводили дни свои в блаженном спокойствии, ожидая счастливого часа, слух пронесся, что посланный из Небесного Града прибыл и привез с собой важное известие, касающееся Христианы, жены Христианина пилигрима. Кто-то отправился предупредить ее об этом, и посланный, узнав место ее жительства, вручил ей письмо следующего содержания: «Приветствую тебя, ублажаемая жена. Я ныне объявляю тебе, что Царь зовет тебя к Себе и ожидает твоего явления пред Лицем Своим в одежде бессмертия по истечении десяти дней».

Когда он прочел ей письмо, он ей дал доказательство, что он в самом деле посланный Царя, чтобы предупредить ее быть готовой на зов. Он вручил ей стрелу, заостренную любовью, которая легко входила в сердце и постепенно производила на нее то действие, что она узнала час, в который ей следовало отправиться.

Когда Христиана убедилась, что настало ей время явиться на зов и что она первая из общества перейдет реку, она позвала к себе Духа Твердости и объявила ему о том. Он ей ответил, что искренно за нее радуется и желал бы, чтобы посланный пришел и за ним. Она просила у него совета, что и как приготовить к отходу. Он сказал ей свое мнение и прибавил, что все члены ее семейства и друзья проводят ее до реки. Тогда она созвала всех детей своих, благословила их и сказала, что она с радостью заметила знак, дарованный им на челе,

и что она счастлива видеть, что все они сохранили чистоту своих одеяний. Она просила раздать неимущим то малое, что останется после нее, и быть всем наготове явиться на зов Царя, когда угодно Ему будет призвать их через посланного.

Когда она простилась с добрым путеводителем и членами семьи, она позвала к себе Доблестного за Истину и сказала ему: «Вы во всех случаях действовали верно и искренно; будьте же и впредь верны моему и вашему Царю до своей смерти. Прошу вас также наблюдать иногда за моими детьми и если, быть может, случится им упасть духом или ослабеть в вере, поддержите их добрым словом. Мои дочери, жены сыновей моих, всегда были верны и в конце получают исполнение обетований свыше».

Она дала Стой-твердо кольцо, символ вечности. После призвала она старика Честного и сказала ему: «Вот воистину Израильтянин, в котором нет лукавства». Он ей ответил: «Желаю тебе счастливого пути и ясного дня, чтобы подыматься на гору Сион, и я возрадуюсь, если ты посуху перейдешь реку». Но она ему возразила: «По воде ли, посуху ли я жажду отправиться, какова бы ни была погода во время моего пути, у меня достаточно будет времени там, куда иду, отдохнуть и обсохнуть».

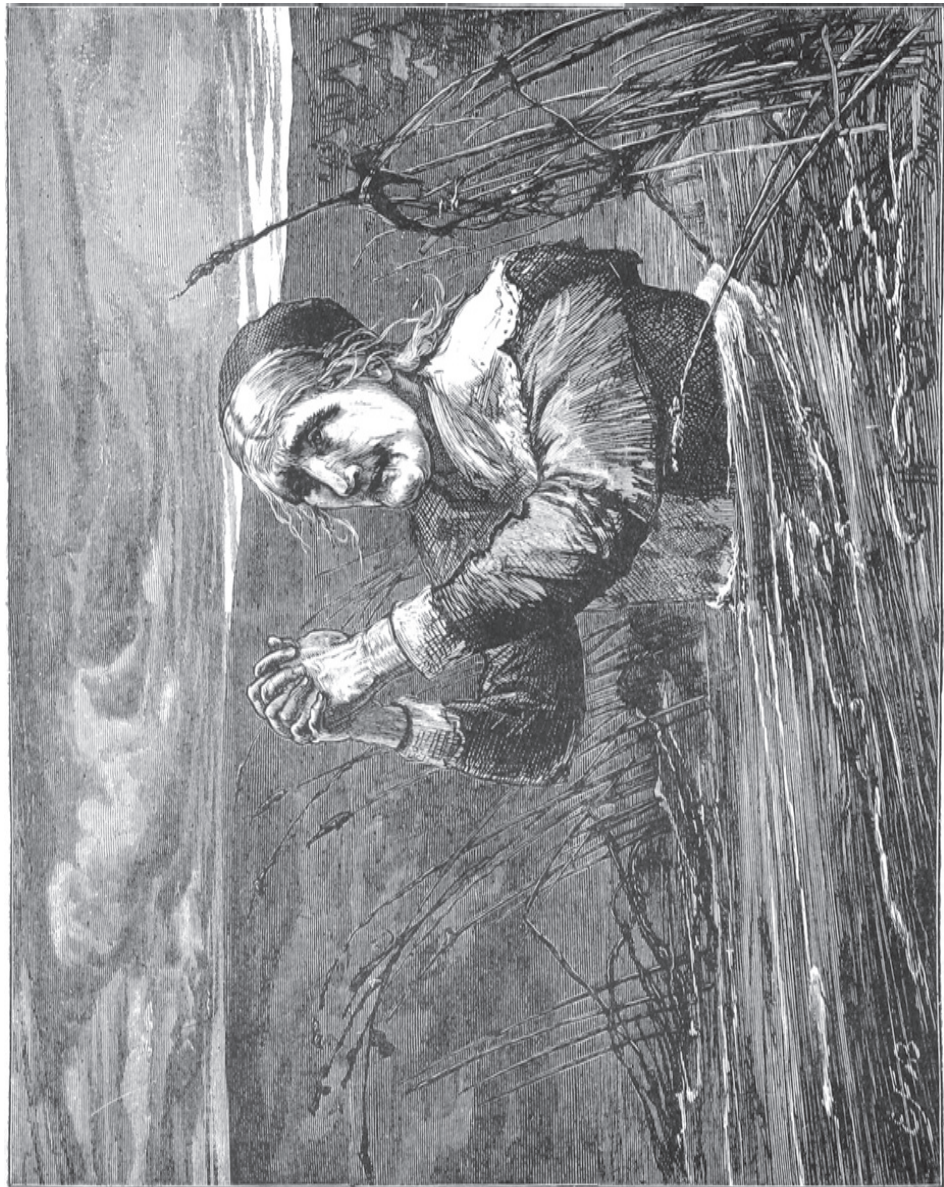
Тогда подошел к ней добряк Хромоногий. Ему она сказала: «Твой удел был тяжел, зато покой твой будет тебе слаще. Но бодрствуй и будь готов, ибо в час, в который ты не ожидаешь, придет за тобой посланный».

После него подошли старик Уныние с дочерью Испуг. Им она сказала: «Вы должны всегда вспоминать с благодарностью о вашем избавлении от великана Отчаяние из замка Сомнения. Следствием сей милости небесной к вам то, что вы теперь здесь в безопасности. Бодрствуйте и забудьте всякий страх; будьте трезвы в жизни и надейтесь до конца».

Тогда она обратилась к Боязливому: «Ты был избавлен от власти великана Бей-Добро для того, чтобы тебя озарил свет бессмертных и ты бы мог узреть с радостью Царя. Но я советую тебе, покайся и обратись от твоей склонности бояться и сомневаться в Его благости, прежде чем Он пришлет за тобой, дабы не случилось, чтобы, являсь перед Ним, ты покраснел от стыда, потому что мог усомниться».

Вот настал день, когда Христиана должна была перейти на тот берег реки, и множество народа собралось смотреть, как она пройдет через воды. Но вдруг явилось на противоположном берегу большое число колесниц с бойкими конями, которые спустились с Неба, чтобы принять ее и отвезти в Небесный Град. Она подошла к реке и вошла без страха в воду, сделав головой прощальный знак всем провожающим. Ее последние слова были: «Се я, Господи, иду быть с Тобой и вечно благославлять Тебя».

Ее дети и друзья, увидев, как ожидавшие колесницы увезли ее на Небо, вернулись на свои места. Она же отправилась и вошла чрез Врата, где, по обыкновению того края, она постучала и вступила в Небесный Град при тех же восклицаниях восторга и радости, с какими был принят ее муж.

Она подошла к реке и вошла без страха в воду, сделав головой прощальный знак всем провожающим.

Однако дети ее, потеряв ее из виду, залились слезами. Но Дух Твердости и Доблестный за Истину, взяв арфу и кимвал, заиграли музыку радости, и все успокоились и вернулись к себе.

В скором времени явился посланный в город и объявил, что имеет дело до Хромононого. Его вызвали, и он услышал от самого посланного следующее: «Я пришел к тебе от имени Того, Которого ты любил и Которому следовал, хотя хромая и на костылях, и я получил приказание от Него объявить тебе, что Он тебя ожидает к Себе вечером в Его Царстве на другой день после Пасхи. Поэтому будь готов отправиться на зов». Он и ему дал доказательство, что он истинный посланный Царя, сказав: «Порвалась серебряная цепочка, разорвалась золотая повязка» (Еккл. 12:6).

Хромоногий собрал своих товарищей и объявил, что за ним приходил посланный и чтобы они также готовились: «Ибо, — прибавил он, — вероятно, Господь и вас скоро посетит». Он упросил Доблестного написать для него завещание, и так как он не имел никакого состояния для передачи оставшимся, как только костыли, то он выразился так: «Сии костыли мои передаю тому из сыновей, который пойдет по моим следам, и к ним прилагаю наилучшие мои желания, чтобы он показал себя достойнее моего». Потом, обратясь к проводнику, он благодарил его за все его добрые попечения и ласки и приготовился идти. Когда он подошел к реке, то сказал: «Теперь не нуждаюсь более в этих костылях, ибо я вижу на том берегу ожидающую меня колесницу». Последнее его слово, долетевшее до ушей его товарищей, было: «Привет тебе, о жизнь вечная!» После того он исчез из глаз присутствующих.

Наконец пришла очередь и Боязливого. Посланный затрубил в трубу у двери его комнаты. Его впустили, и он объявил так: «Я прислан сказать тебе, что Господь имеет в тебе нужду и что в скором времени ты узришь Лик Его. Прими сие как доказательство верности моих слов: „померкнут смотрящие в окно“» (Еккл. 12:3).

Боязливый передал своим друзьям полученное им известие и доказательство истины послания, прибавив: «Так как у меня ничего нет, что бы я мог оставить после себя, не к чему мне писать завещание. Боязливый дух свой хочу покинуть. Он мне теперь не нужен, особенно там, куда иду, и не стоит он быть переданным другому бедному пилигриму, и потому прошу тебя, Доблестный за Истину, когда отойду, то зарой его в навозную кучу». После того, когда настал день отдыха, он вошел в реку, как другие. Последние его слова были: «Поддержите меня, о вера и терпение!» И он также укатил в колеснице.

Много дней прошло после того, и посланный затрубил для старика Уныние и сказал: «Трепещущий человек! Я пришел объявить тебе быть наготове явиться к Царю в следующий день Господень с возгласами радости за избавление от всех твоих сомнений. И вот доказательство истины моих слов: он вручил ему кузнечика, который отяжелел (Еккл. 12:5). Дочь Уныния — Испуг, узнав об этом известии, решила идти с отцом. Тогда старик обратился

к своим друзьям со словами: «Вы знаете, что я и дочь моя, мы часто были в тягость вашему обществу. Мое и дочери моей последнее желание, чтобы наше уныние и рабский страх никому не достались в удел во веки веков, ибо я знаю, что после нашего отхода эти чувства себя предложат и другим. Скажу вам откровенно, что это были гости, которых мы помещали в себе с самого начала нашего пилигримства и никогда не могли от них избавиться. И впредь они будут скитаться, ища войти в других пилигримов, но в память нашу притворите на них двери душ ваших» (Еккл. 12:5). Когда настал роковой день, отец и дочь поднялись на насыпь у реки. Последние слова старика были: «Прощай, о мрак! Приветствую тебя, свет вечный!» Дочь его прошла по реке с песней, но никто не мог понять слов ее.

Несколько времени спустя явился снова посланный и вызвал старика Честного. Он вошел к нему в дом со словами: «Тебе приказано быть готовым в седьмую ночь от нынешней, дабы предстать пред твоим Господом в дом Отца его. И вот доказательство того, что говорю: „Замолкнут дщери пения“». Честный собрал друзей и сказал им: «Я умираю, но не пишу завещание. Честность моя пойдет со мной. Да будет это известно тому, кто последует за мной». Когда настала назначенная ночь, он отправился к реке. В это время было такое половодье, что вода заливала берега. Но Честный еще при жизни уговорился с неким Чистая Совесть прийти к нему навстречу в водах. Тот исполнил свое обещание, протянул ему руку помощи и помог ему спокойно перейти реку. Последние слова старика Честного были: «Да здравствует благодать!» И он покинул мир.

После того прошел слух в городе, что посланный пришел к Доблестному за Истину. Он дал ему в доказательство, что появление его верно, сказав: «Его кувшин разбился у источника» (Еккл. 12:6).

И он собрал всех своих друзей вокруг себя и сказал: «Я иду к Отцу моему, и хотя с великим трудом дошел сюда, не сожалею, что вынес столько горя, дабы быть там, куда иду. Меч мой отдам тому, кто мне последует в моем звании, а умение владеть им тому, кто этого добьется сам. Шрамы и знаки боевые беру с собой в свидетельство того, что я сражался за Него, Который отныне желает быть моей наградой». В день его отхода многие проводили его до берега реки, в которую он вошел со словами: «Смерть, где твоё жало?» — и, войдя глубже в воду, он еще воскликнул: «Ад! где твоё победа?» Так перешел он реку, и громкий трубный звук раздался на том берегу реки, когда он вышел из воды, чтобы укатить на небесной колеснице.

Спустя несколько времени явился посланный за пилигримом Стой-твёрдо. Послание письменное было вложено ему в руку с следующим содержанием: «Ты должен приготовиться к изменению в жизни, ибо твой Господь не желает, чтобы ты долее оставался так далеко от Него. Не сомневайтесь в истине сего послания, — сказал посланный, — вот и доказательство: „Твоё колесо обрушилось над колодезем“» (Еккл. 12:6). Он призвал к себе проводника Духа Твёрдости и сказал ему: «Мне суждено было наслаждаться долгое время

вашим обществом во время моего пилигримства, но с тех пор, как я вас узнал, вы мне были очень полезны. Когда я покинул свою родину, я в ней оставил жену и пятерых маленьких детей. Умоляю вас, когда вы вернетесь (ибо я знаю, что вы возвращаетесь в дом Господа с надеждою служить снова проводником многим святым пилигримам), пойдите к моему семейству и дайте им знать о всем случившемся и о том, что мне предстоит. Скажите им, что я счастливо дошел до Небесного Града и что я ныне в блаженном состоянии. Расскажите им также о Христианине и Христиане, жене его, и как она с детьми последовала мужу своему. Передайте им, какой был у нее чудный конец и где она ныне. Я почти что ничего не имею передать моему семейству, кроме молитв и слез моих о них. Если вы им их передадите, быть может, это на них подействует с пользой».

Когда Стой-твердо выразил все свои последние желания, он заметил, что ему следует спешить, и потому скорым шагом направился к реке. В этот день вода была совершенно спокойна.

Дойдя до середины реки, Стой-твердо остановился и обратился в последний раз к стоявшим на берегу друзьям своим: «Эта река, — воскликнул он, — служила для многих предметом ужаса. Что я о ней воображал — нередко смущало и меня. Теперь, как мне кажется, я стою спокойно: ноги мои утверждены на том, на чем стояли ноги левитов, носивших Ковчег Завета, когда Израильтяне перешли Иордан. Конечно, воды эти горьки для уст и холодны для плоти, зато мысль о том, куда я иду и что меня ожидает, согревает сердце мое как горячий уголь. Теперь, окончив путь свой, я вижу ясно, что кончены также и трудовые дни мои. Я иду узреть Главу, венчанную тернием, и Лик, оплеченный ради меня. Прежде я жил понаслышке и по вере. Ныне иду туда, где буду жить видением и буду с Ним, в обществе Которого моя радость. Я любил слушать, когда говорили о Господе моем, и там, где я встречал следы ног Его на земле, я жаждал поставить на них и мои. Имя Его было для меня как благоуханный ящик и слаще даже всяких благоуханий. Голос Его был для меня отраден, и я жаждал видеть Его более, чем многие, которые вздыхают, ожидая свет солнца. Я собирал Его слова, и они служили мне дневной пищей и оживлением в припадках слабости. Он подкреплял меня и удерживал от зла, и он утвердил стези мои на его пути».

Пока он держал эту речь, вся его личность изменилась, сильная природа его в нем сломилась, и он воскликнул: «Прими меня, ибо я иду к Тебе!» И друзья более не видали его. Но чудное было зрелище, когда вся поверхность Небесная покрылась крылатыми конями, запряженными в колесницах, при звуках трубных и флейтах, с певцами и музыкантами на разных инструментах. Все Небесное воинство вышло встречать пилигримов, которые с ними подымались и один за другим входили в Светлые Ворота Небесного града.

Я не оставался до того времени, когда сыновья Христианы с своими женами и детьми перешли реку, и даже слышал, что они еще в живых. Да будет так для умножения Церкви в том месте, где они обитают.

Если бы мне случилось еще раз посетить эти места, я бы мог передать желающим меня слушать кое-что, о чем теперь умолкаю. Пока прошу моих друзей принять мой привет.

Оканчивая книгу, позвольте мне, друзья, обратиться к вам с вопросом: что вы думаете о жизни и о смерти пилигрима? Жизнь его начинается познанием Христа, а кончается смертью в Нем и вечным наслаждением Его присутствия. И в течение всей своей жизни пилигрим помышляет об одном — жить по воле и учению Христа, уповать на Его обетование, благословлять Его за Искупление.

На каком пути стоите вы, друзья? Христос есть ли жизнь ваша? Слава души вашей? Если так, вы можете рассчитывать на Его спасение, и вы почувствуете ненависть ко греху, который ненавистен Ему. И если вы веруете, что вы освобождены и искуплены от всякого осуждения за грех кровию нашего Спасителя, вы познаете также, что вы себе и миру более не принадлежите, потому что куплены для Бога дорогой ценой. И никто хвалиться не может, что содействовал своему спасению добрыми делами. Мы спасены благодатью, и если сердцем уверуете в сию благодать, то не станете вести жизнь бесплодную, а тем менее порочную, но будете жить в Нем и Им, т. е. действовать в Его духе, Его силой. Так ли уверовали вы? Если да, то блаженны вы, ибо вы родились свыше, и Господь будет с вами.

Аминь.

Юлия Засецкая

Биография Джона Беньяна

Место рождения его и воспитание

Джон Беньян¹ родился в 1628 году в Эльстоу, в Бедфордшейре — небольшом селе среди весьма некрасивой местности. Не только о предках его, но и о родителях его мало известно. Они принадлежали к самому бедному сословию, и отец его содержал семейство трудами рук своих: он был котельником.

Однако отец Беньян пожелал дать своему сыну некоторое образование и записал его в Бедфордскую школу, устроенную для бедного класса. Мальчик выучился грамоте, но вскоре был взят обратно домой, чтобы помогать отцу в работе. В школе не обращали внимания на нравственную сторону детей, и Джон Беньян, подобно многим из своих товарищей, вышел оттуда без всякого понятия о благочестии. По возвращении своем в Эльстоу он стал зачинщиком многих дурных шалостей, ложь и божьба не стесняли его нимало, и, исключая преступления против седьмой заповеди, от которой он (как сам удостоверяет в своих писаниях) всегда остерегался, не было для него удержу в разгульной жизни.

На 18-м году своей жизни Джон Беньян поступил в армию солдатом и принял участие в междоусобных войнах своего отечества, между парламентом и королем. Он был, однако, за короля. При осаде Лейстера его почему-то заменили другим человеком, чтобы идти на штурм, и назначенный на место его был убит при самом начале штурма. Это обстоятельство и много подобных, где жизнь его находилась на волоске от смерти, нередко заставляли его задумываться.

Смутно пробуждалось в нем сознание, что он почему-то храним промыслом Божиим. Но вместо того чтобы углубиться в такие размышления, он отгонял их от себя, потому что они тревожили его природную беспечность. Между тем он часто страдал то от бессонницы, то от ужасающих снов и даже

¹ В оригинальном тексте Ю. Д. Засецкой — «Буньян» (Bunyan).

Иллюстрации воспроизводятся по изданию:

The Complete Works of John Bunyan. — Philadelphia : Bradley, Garretson & C°, 1874.

галлюцинаций. Он представлял себя отвергнутым Богом, осужденным на вечный ад и подчас завидовал скотине в том, что она могла существовать, не заботясь о душе. Тогда он еще более искал общества разгульных друзей для развлечения себя от докучливых дум и старался насколько мог реже вспоминать о Боге. Иногда совсем покидал работу, хотя это было единственное его средство к существованию, и случалось ему по нескольку дней не иметь возможности купить кусок хлеба. Некоторые добрые люди, принимавшие в нем участие, стали советовать ему жениться, в надежде, что добрая жена благотворно на него повлияет. Он послушался совета и женился на скромной девице, дочери набожного человека. Состояния у нее не было никакого, и она принесла в приданое мужу лишь две книги — «Практическое Благочестие» и «Путь человека к Царствию Небесному». Ее кротость и любовь к нему имели первым действием то, что в угоду жене он стал снова учиться читать и писать, так как успел перезабыть все выученное им в детстве. В нем явилось также желание посещать богослужение по воскресным дням: он стал ходить туда с женой и вдался в другую крайность — страстно полюбил обрядность, одеяние пасторское и самих пасторов без разбора.

В то время религия в Англии была далеко не в цветущем состоянии. Воскресные дни в Эльстоу представляли странное смешение богопочитания с светскими удовольствиями. По церковному уставу, хотя и были соблюдаемы в храме два богослужения, утреннее и вечернее, однако между этими часами молитвы устроены были разные публичные увеселения, игры и даже пляски, и одни и те же колокола звонили для призыва к молению и для сборища к забавам, в которых Джон Беньян был одним из самых ревностных участников. Между тем он также любил страстно звонить в церковные колокола, и однажды, отзвонив насколько следовало, он вошел в храм на молитву и по обыкновению своему сел возле жены слушать пастырское слово. Случилось, что в этот день добросовестный пастырь исполнял служение и с особенной энергией нападал на несоблюдение дня Господня. Этой одной речи было достаточно для Беньяна, чтоб внушить ему решение отказаться от всяких удовольствий в воскресные дни.

Такое доброе побуждение скоро, однако, в нем изгладилось: он, как сам выражался, стряхнул с души проповедь и часа два спустя отправился на веселое сборище. Но в минуту самого разгара веселья и безумной игры он вдруг вообразил себе, что слышит голос свыше: «Хочешь ли расстаться с грехом и получить вечное блаженство или жить в грехе и быть ввергнутым в ад?» Он остановился как вкопанный, задумался, ему почудилось, что сам Христос, распятый, упрекает его; страх обуял его. Но вдруг, как бы в ответ на слышанное, он начал вспоминать, сколько уже грехов совершил в жизни, за которые достоин вечного осуждения, поэтому лучше уже доживать век свой весело... и тут же он еще громче и азартнее предался шумным удовольствиям. Никто из товарищей его не заметил даже, что в душе его произошел такой резкий переход от добра ко злу и обратно.

В другое время он шел не в трезвом виде по улице, произнося возмутительные речи; одна женщина, известная по распутству жизни, в эту минуту проходила мимо и воскликнула с негодованием: «Экий безбожник, какие скверные слова произносит, нет ему здесь подобного, он развращает всю нашу молодежь». Эти слова от такой личности сильно подействовали на него. Ему стало стыдно, он решился бросить худые речи и предался чтению Св. Писания. В Эльстоу многие были поражены его неожиданным исправлением и стали хвалить его, и эти одобрения внушили ему такое чувство самодовольства, что он вообразил себе, что во всей Англии нет человека столь удобного Богу, как он. Мало-помалу он кинул все прежние удовольствия, игры, пляску, попойки и даже не стал звонить в колокола, находя, что, раз взяв крест, следует нести его с мужеством. Но исправление его было только наружное, и хотя жена его душевно этому радовалась, сам он в своих писаниях сознает, что в то время (сердце его еще не было обновленным) и он вовсе не был возрожден духовно. Как ни достойна похвалы такая сила воли над пороком, но Христос сказал: «Надо вам родиться свыше», и наша кажущаяся праведность не может даровать нам ни спасения к жизни вечной, ни прощения соделанных грехов. Смутно сознавал нечто из этого сам Беньян, и, несмотря на все свои усилия вести безупречную жизнь, он не находил себя готовым предстать перед праведным судом; он стал ужасаться при мысли о смерти, и хотя считал себя чуть ли не самым совершенным человеком в Эльстоу, но часто страдал от неотвязчивого сомнения и сознания, что ему чего-то недостает, чего он сам определить не мог.

Духовное возрождение Беньяна

Однажды понадобилось ему идти в Бедфорд по торговым делам. Проходя мимо одного дома, у крыльца которого сидели три бедно одетые женщины, ему почему-то вздумалось остановиться, и, положив на землю свою ношу, он стал прислушиваться к их разговору. Их речи сильно его изумили. Ни одна из слышанных им проповедей не внушила ему дотоле сознания необходимости в духовном возрождении, в получении Духа Святого и в спасении через веру в крестную смерть Сына Божия. Он был сильно взволнован услышанным и решился убедиться в справедливости их слов. Вскоре он познакомился с этими женщинами, которые с готовностью передали ему все, что составляло радость и надежду их в будущем, указывая ему на тексты св. Писания, подтверждающие их слова. Но недолго длилась его радость. Он скоро после того познакомился с людьми, которые обращали эту уверенность как средство к необузданной жизни. При этом стали мучить его новые сомнения: какое право имеет он рассчитывать, что он в числе избранных? Быть может, он уж слишком поздно стал заботиться о душе и все труды его напрасны? Потом он

вздумал испытать свою веру через совершение чуда, но в то время, когда он стал молиться о даровании ему чудодейственной силы, он вдруг понял, что не следует этого просить. Он долгое время хранил в себе мучительные сомнения и душевное волнение; наконец решился открыть душу свою этим женщинам, но они признали себя неспособными отвечать на все его вопросы и посоветовали ему обратиться к пастору Гиффорду, с которым они его познакомили. Пастор Гиффорд имел частые беседы со своими прихожанами и дал совет Беньяну участвовать в них. Мало-помалу многие из его воззрений были исправлены, и он понял, что должно с покорностью принимать Слово Божие, не исследуя причин решений Господних.

Но чтение Библии все более и более приводило его в ужас. Каждая строка убеждала его, что он непростительный грешник, и чем более он углублялся в смысл изречений, тем более приходил в отчаяние. Его взволнованное воображение отравляло всякую надежду на достижение мира душевного. Ему чудилось, что он так удалился от Бога, что вернуться к Нему невозможно. Он уверился, что им овладел сатана, с которым бороться он не в силах. Скорбь его была мучительна, и дорого бы он дал за то, чтобы излить ее в слезах, но и плакать не мог.

Однако он не переставал из глубины своего отчаяния взывать к Господу — молитва и чтение Слова совершенно поглощали его время. Однажды, сидя у своего соседа в гостях, он грустно молчал и вдруг как будто бы услышал слова: «Если Бог за нас, кто против нас?» В другой раз, проходя через поле, он услышал: «Он совершил примирение Своею Кровью на кресте». Таким образом, среди печалей, гнетущих сердце его, он изредка получал подобные утешения, которые называл чудными посещениями Св. Духа.

Эти сладкие мгновения быстро улетучивались, но зато он мог убедиться, читая в Библии подобные утешительные изречения, что не воображение его или духовная возбужденность обманывают его ложными обетованиями, но что залогом упования на крестную смерть Христа служат сами божественные уверения в Слове, писанном по вдохновению Св. Духа.

Кроме Библии, Беньян читал еще одну старую книгу, добытую им случайно: комментарий Лютера на послание к Галатам. Это сочинение доставляло ему много успокоительных размышлений.

Но долго длилась в нем борьба между добром и злом, верой и сомнением. Нередко казалось ему, что он, подобно Иуде Искариоту, продал и предал Христа посредством своей прежней порочной жизни, и что все его стремления к святости напрасны. Ему чудился иногда голос самого сатаны, доказывавший ему, что его душа стала давно принадлежностью и добычей ада, и в такие минуты он падал духом окончательно. Не должно, конечно, принимать эти своеобразные душевные противоречия Беньяна как пример, которому хорошо следовать, однако нелишне каждому из нас тщательно остерегаться от таких наущений врага Бога и человека. В минуту сильнейшего ужаса он, бывало, вдруг услышит нежный, кроткий голос, точно веяние легкого ветерка,

с следующим вопросом: «Отказывался ли ты когда-либо от оправдания, предлагаемого тебе Христом?» Нет, отвечал он. «Смотри же, не пренебрегай говорящим с тобой». И тотчас утихала в его душе буря сомнения, и он на время успокаивался.

Однажды нечто вроде видения избавило его окончательно от этого тяжелого настроения духа. Проходя через поле, он услышал как бы духовным слухом слова: «Твоя праведность на Небе». Он поднял глаза вверх и увидел Христа одесную Бога, как олицетворение праведности человека. Ему стало вдруг ясно, что Спаситель представитель праведности для уверовавших в Него, что Он Святостью Своей покрывает греховность нашу, что пролитая кровь Его за наш грех омывает нас и избавляет от всякого осуждения, что через воплощение Свое Он, как глава одного тела с верующими, соделал их чадами Божиими. Это поле, по которому он проходил, послужило ему вратами Неба и освободило его навсегда от рабства греху и сомнению.

Он красноречиво и откровенно описал свое нравственное состояние до духовного своего возрождения, приписывая это мучительное колебание души своему маловерию даже во время молитвы, беспечности среди побуждения ко греху и гордости ума; он сознавал, однако, что эти душевные страдания послужили ему в пользу и что он, подобно Иову, перенес горечь сомнений и впоследствии получил во сто крат более милостей от Бога.

Уверовав вполне, Беньян убедился, что, согласно Слову Божию, его обязанность отныне исповедовать веру свою пред людьми. Он присоединился к церкви баптистов, получил крещение по их обряду и причащение Св. Тайн в кругу верующих; утешительно звучали для него слова Христа: «Творите сие в мое воспоминание». Тогда же начал он помогать пастору в проповедовании Слова, посещая больных и живущих в пороке, и вскоре приобрел такое уважение, что был причислен к числу распорядителей богослужения, которых и по сие время называют диаконами. От постоянных трудов он тяжело заболел и чуть было не умер вследствие воспаления легких, но Господу было угодно возвратить ему здоровье и даже более сил, чем когда-либо. Недолго радовалась его жена перерождению, она скончалась, но подробности ее последних дней никому не известны.

Преодолевая врожденное чувство робости, Беньян никогда не отказывался от проповедования Слова Божия, и вскоре слава его распространилась по всему околотку. Он убеждал самых равнодушных и порочных людей, и наконец по настоятельной просьбе своих слушателей был признан достойным рукоположения. С благоговейной молитвой он принялся за новый труд и весь посвятил себя ему, повторяя: «Горе мне, если не стану проповедовать Евангелие».

Тяжелое испытание его веры

В это время английское правительство воспрещало проповедовать всякому не получившему официального звания пастора англиканской церкви. Беньян, не признавая за правительством такого права, нимало не стеснялся в своих действиях. На него сделан был донос, и он получил письменное запрещение на проповедование Евангелия. Многие из его братьев по вере заступились за него, и на некоторое время его не стали тревожить.

Но с возвращением дома Стюартов свобода совести подверглась сильной опасности и даже угнетению, и Беньян с трудом мог продолжать свое дело. Сначала он решился переодеваться в различные костюмы для свободного перехода из одного места в другое, но вскоре ему стало стыдно своей робости и страха к людям, и он решился действовать открыто, какие бы ни вышли от того последствия.

Однажды его пригласили в Сомель, небольшое село, где жители искренно желали послушать объяснение Слова Божия. Он явился на зов, и в то время, когда он увещевал народ, полицейские чиновники с констеблем подошли к нему и показали ему письменное приказание с казенной печатью арестовать его; ничего другого не оставалось Беньяну, как повиноваться власти. Друзья его немало остерегали его, объясняя угрожающие ему опасности, но он пренебрегал их увещеваниями; с некоторой робостью, однако, начал он в этот день проповедь на текст: «Веруешь ли ты в Сына Божия?» По просьбе множества людей его на эту ночь отпустили на поруки, но рано утром Беньян отправился с констеблем в суд. Там ему объявили, что котельник не имеет права проповедовать и что он немедленно будет отпущен на свободу, если даст подписку, засвидетельствованную несколькими из его друзей, в том, что впредь проповедовать не будет. Бумага для подписи уже была на столе. «Как, мне дать обещание более не проповедовать Слова Божия, — воскликнул Беньян; — никогда, пока жив, и как только получу свободу, стану исполнять возложенную на меня Богом обязанность». Полицейскому было приказано приготовить, что следует, чтобы отвести Беньяна в тюрьму, и, к стыду Англии, 1 ноября 1660 года его посадили в острог в Бедфорте.

Между тем многие, совершенно не разделявшие его воззрений, и даже представители правительственной церкви немало хлопотали о его освобождении. Некто по имени Форбс, пастор англиканской церкви, с кротостью уговаривал его отказаться от проповедования, стараясь доказать ему, что он на то не имеет законного права. Упорный отказ был ответом Беньяна. Другой советовал ему начать тяжбу против обвинений, за которые он посажен в тюрьму, и публично заявить, что он готов подчиниться воле короля, следуя церковным обрядам правительственной церкви. И на это он не согласился, сказав, что всегда будет отдавать Кесарю — Кесарево, но что воля Царя Царей стоит выше всякой другой, а Его воля та, чтобы каждый употреблял для славы Господней дар, полученный от Него.

Беньян был посажен в один из худших острогов королевства. Две небольшие комнаты или, вернее, келии и маленький двор в уровень с окаймляющей речкой были переполнены народом: на ночь их запирали до 60 человек в двух келиях, и большей частью эти люди были арестованы за убийство или мошенничество.

Тяжело было Беньяну такое заключение: 32 лет от роду, привыкший к воздуху и постоянной деятельности, он иногда падал духом, но сознавал необходимость оставаться верным своим убеждениям ради славы имени Господня. Кобб, судейский секретарь, напрасно умолял его принять условие для освобождения, но Беньян грустно благодарил его за участие и отклонял все его предложения.

Настало время коронации. Карл II по установленному обычаю издал манифест помилования всем арестованным, исключая самых преступных. Беньян оказался в числе последних и продолжал сидеть в тюрьме. Его вторая жена, на которой он женился за год до своего заключения, отправилась подавать прошение в Лондон. Судьи собрались для решения: кого из преступников следует простить. Горячо молила она главного из них включить имя мужа своего в число прощенных, но хотя ее выслушали с некоторым вниманием, однако ничего от этого не последовало, и Беньян остался в остроге. Справедливо назвал он место своего заточения вертепом; в этом вертепе он трудился над изготовлением башмачных шнурков, которые были тогда в употреблении, и этим зарабатывал деньги на содержание жены и детей от первого брака.

На следующем заседании уголовного суда некоторые из его друзей снова начали хлопотать о его освобождении. Вопрос тот же был им предложен: «Откажется ли он от проповедования?» Они знали, что на это не будет согласия Беньяна, и шесть лет сряду он ни разу не выходил из острога. Сильно тосковал он по своему семейству, беспокоился о слепой дочери своей, представляя себе все их лишения и горе, но с упованием предал их на попечение милосердного Бога.

Всего провел он в остроге двенадцать лет. Некоторые из тюремщиков были к нему благосклонны, другие нестерпимо суровы. Иные так искренно жалели его, что позволяли ему отлучаться на один час или два для посещения братьев по вере, взяв от него честное слово возвратиться в назначенный срок. Наконец настало время его избавления. Король издал указ дозволить всем нонконформистам, исключая одних папистов, свободно собираться на свои богослужения, избирать себе пасторов из своей среды. Квакеры, из которых также большое число находилось в заточении, стали действовать к освобождению своих и прочих нонконформистов.

Вот причина этого неожиданного указа: один квакер, по имени Ричард Карвер, однажды представился королю Карлу II и напомнил ему, что, когда он, король, инкогнито направлялся к Франции, сознавая опасность оставаться в Англии, и подъезжал к берегу, то один человек на плечах своих донес его до земли французской, зная, кого он на себе несет; что человек этот он — Карвер, и теперь за эту услугу просит короля помочь в беде братьям его по вере,

Жена Бенъяна Элизабет ходатайствует об освобождении мужа из тюрьмы

как он, Карвер, помог королю в беде его. Карл вспомнил этот факт и 13 сентября 1672 года издал указ, возвративший свободу всем страдальцам из-за религиозных убеждений, в том числе и Беньяну.

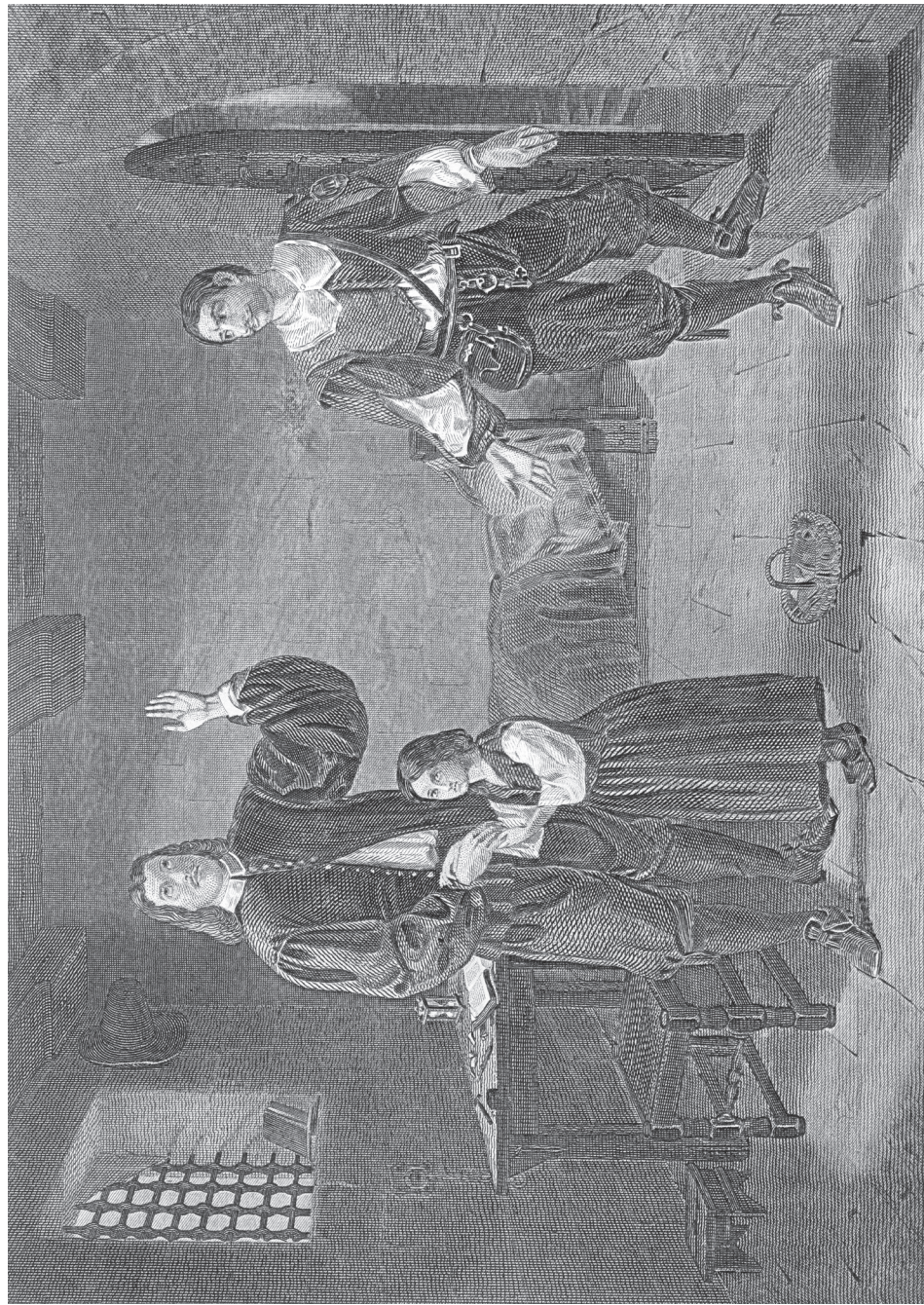
Он вернулся к своим, где нашел полное разорение и нищету, и с энергией принялся за работу для поддержания своего семейства. Но в это время паства находилась без руководителя. Гиффорд скончался до освобождения Беньяна, и все единодушно предложили ему занять его место. Он дал свое согласие, сознавая, что может принести несомненную пользу верующим, а неверующих — привлечь ко Христу силой Слова.

Деятельность Беньяна как пастора

Беньян был убежден, что сам Господь предназначил его к проповедованию Благой Вести. В нем кипело желание всем и неустанно провозглашать великую любовь Божию к падшему человечеству. Он говорил о Христе своим товарищам арестантам во время заключения; всякому из них было известно, что он страдал из-за веры своей в Искупителя, Которому желал служить всеми силами своими, без примеси человеческих наружных обрядностей, но в духе и истине. Там он в течение 12 лет глубоко изучил Священное Писание, что немало способствовало к утверждению его в служении к Богу, искренно отбросив всякий формализм, и вот теперь он явился пред паствой очищенный огнем испытания и совершенно готовый научать и других, как жить и страдать для Страдавшего за всех. Его речь отличалась простотой и ясностью и была доступна для каждого: выражения, употребляемые им, хотя и были просты, но без всякой вульгарности и сильны без грубой оскорбительности; люди безграмотные и люди интеллигентные внимали ему с наслаждением.

Кроме того, он был одарен живым воображением, наблюдательностью, меткостью в выражениях и чрезвычайно приятной дикцией. Можно утвердительно сказать о Беньяне, что во всех отношениях он был достойным служителем Христа. Неудивительно поэтому, что там, где он проповедовал, собиралось такое множество народа, что многие стояли вне здания. Впрочем, он нередко в летнее время говорил и на открытом воздухе, и даже предпочитал вид природы душевной комнатной атмосфере.

В определенные дни он посещал и соседние села, в которых основал небольшие церкви, существующие и доныне. Изредка навещал он столицу, многолюдный Лондон, где был одинаково популярен. Достаточно было ему известить за день о своем намерении проповедовать, поздно ли вечером или рано утром, тысячами собирались в назначенное место: так что нередко случалось, что он еле мог добраться до кафедры. Этот успех и известность не внушали ему гордости, он смирялся перед Господом, отдавая всю славу Ему Единому, от Которого получил силу убеждать людей.

Беньян встречается в тюрьме со своей слепой дочерью

Между тем его трудовой и ничем не запятанный образ жизни не спас его от клеветы. Случилось, что дочь одного помещика, часто посещавшая собрания Беньяна, была за это изгнана отцом из родительского дома, так как отец ее крепко стоял за свою англиканскую церковь. Позднее он простил ее под условием, что она никогда более не будет слушать Беньяна. Вернувшись в дом, девица стала так убедительно просить отца о дозволении ей снова посещать собрания, что отец отменил свое настойчивое требование, но в эту же ночь старик скоропостижно умер. Разнесся слух, что он был отравлен дочерью, которая будто бы была в любовной связи с Беньяном. Нарядили следствие. Однако ясно было доказано, что все это лишь злая клевета, и популярность Беньяна возросла еще более. Много получил он предложений оставить Бедфорд и принять под надзор более многочисленную паству при увеличенном окладе. Но он остался непоколебим. Он находил, что Бедфорд и его окрестности — сфера его, где он обязан оставаться, но может временно отлучаться, если представится случай оказать духовную помощь жителям других графств.

Доброе семя пало на добрую почву. Множество из слушателей Слова стали и исполнителями его. Ежедневно были новые обращения, и церковь видимо возростала. Несмотря на то, что все называли Беньяна «епископом», он считал себя смиренным тружеником и отличал между обращенными твердых слуг Христовых, которым тотчас поручал занятия, равные своим, дабы жатва не страдала от недостаточного числа жнецов. Он требовал строгого исполнения установленных Христом двух таинств: крещения и причащения, как видимые свидетельства веры и покорности Его Слову. Сам же неустанно навещал больных. Несогласия во мнениях между братьями он кротко и скоро устранял. Тревожных душ умел успокоить и наставить на истину. С отлучившимися в отдаленные места он вел постоянную переписку, разрешая им присоединяться к другим церквям, лишь бы руководством их было одно Слово Божие. Согрешающих он научал и увещевал сперва сам, с глаза и на глаз; в случае непокорности призывал на помощь братьев, утвержденных в вере, и, наконец, в случае неудачи отлучал на время от сообщества с церковью, не переставая при этом о них молиться со всеми верующими, но лишь только согрешивший изъяснял раскаяние и сожаление о своем проступке, он с радостью и братской нежностью снова водворял его в лоно церкви. Таким образом, всякий член церкви получал свое назначение: старшие обращенные наставляли новообращенных, доколе они достигали полной твердости в вере; в свою очередь, эти трудились над слабыми.

Дух Святой видимо руководил Беньяном. Он питал паству хлебом жизни, наставлял на дела веры, внушал благочестие, сам давая пример самоотвержения и любви к ближнему, приучал ревностно и неустанно трудиться для славы Христа, приводя к нему уснувшие во грехе душе чрез благовествование, не допускал несогласий и раздоров между братьями, что могло бы послужить соблазном для мира, и, хотя именовался пастырем многочисленной паствы, в сущности не переставал до конца жизни быть слугой всех.

Авторство Беньяна

Джон Беньян легко владел пером. Однако трудно было передать печатанию первые его литературные произведения; мысль его неслась быстрее пера, и оттого много было пропущенных слов. Первое его сочинение было полемическое, под заглавием: «Несколько Евангелических истин, объясненных по Св. Писанию». Цель книги была противодействовать заблуждениям некоторых квакеров относительно искупительной жертвы Агнца Божия. Ответ противников истины явился немедленно, на который он резко возразил. Но в это время его арестовали. Заключение в тюрьме не помешало ему продолжать свои письменные работы, напротив того, необходимость заставляла его неустанно писать, так как продажей книг своих он доставлял пропитание своему семейству и даже самому себе, хотя и был арестантом. Он стал с помощью своих приверженцев и друзей издавать небольшие брошюры, которые так успешно продавались на улицах, что мелкие торгаши стали наклеивать его портрет на свои сочинения, выдавая их за его. Между его небольшими писаниями замечательно в особенности одно: «Благодать всеобильная для главного из грешных». Здесь достойна внимания следующая его мысль: «Господь не для шутки убеждал меня, сатана не в шутку искушал меня, меня не в шутку терзал ужас вечной геенны, и потому не ради шутки передаю теперь все мною пережитое, а представляю вам это повествование в простоте сердца и истины для вашей душевной пользы».

Кроме того, Беньян написал много глубокомысленных трактатов насчет оправдания чрез веру, воскресения мертвых и прочее, что особенно изумительно при полном отсутствии в нем научного образования. Зато в полемике он вовсе не умел сдерживаться, ни возражать с умеренностью, когда изложенная идея не соответствовала духу Писания, и в некоторых его опровержениях; например, пастору Форбсу (резко выражавшемуся против воззрений Беньяна) он в ответ написал брошюру «свирепую», как передает нам Маккулей.

Нелишне упомянуть об одной его брошюре: «Мое исповедание веры и причины моих убеждений в Богопочитании». В ней он отстаивал допущение к причастию всякого верующего христианина, хотя бы он не подчинялся обряду крещения по обычаю баптистов. Сам глубоко был убежден в обязательном исполнении установленного самим Господом таинства; но при этом допускал также, что неисполнение сего обряда при христианском образе жизни не может и не должно служить преградой к допущению верующего участвовать в преломлении хлеба с прочими братьями во Христе. За такое мнение общество баптистов восстало против него, утверждая, что он не верен своему призванию. Но ничто не было в силах поколебать в нем глубоко обдуманную идею.

Наконец, как бы промеж дела, Беньян начал еще в тюрьме свое знаменитое сочинение: «Путешествие Пилигрима в Небесную страну». Ни до него, ни после не являлось на свет никакого писания, в чем-либо сходного с этим. Эта аллегория неподражаема; глубина мысли, истина и наглядность в характерах и действиях описываемых им лиц, верность взгляда, знание и понимание библейских истин, — все в этой книге дает ей несомненное право стать на ряду первоклассных сочинений, явившихся во второй половине XVII века в Англии. Рассказывают, что по окончании книги он предложил своим товарищам по тюрьме прочесть им ее содержание, желая услышать их мнения, стоит ли она быть напечатанной или нет. Кто советовал издать, кто нет. Но один из них, по имени Марсон, настоял на безотлагательном печатании. Однако трудностей к исполнению этого намерения встретилось немало, и книга появилась в печати лишь в 1678 году. Успех ее был громадный и немедленный. В течении десяти лет двенадцать изданий последовало одно за другим, еще

Титульный лист издания 1679 г.

при жизни Беньяна 100 000 экземпляров были проданы. Известность книги стала такова, какой весьма редко пользовались другие сочинения. Ныне она переведена более чем на 75 языков. Многие художники трудились передать в картинах живописные сцены этой аллегии.

После «Путешествия Пилигрима» он написал «Жизнь дурного человека», в 1682 году издал «Духовную войну». Полагают, что автор представлял самого себя в описании «души», падшей во власть Дьявола и потом избавленной Эммануилом. Рассказ вполне воинственный вследствие приобретенной опытности в военной службе, в которой Беньян состоял во время междоусобной войны. Первое нападение дьявола на человека, полное отдаление души от Бога, избавление ее через воплощение Сына Божия и неустанные попытки злого духа снова отдалять ее от Творца замечательно живо описаны. Эта глубоко философская идея достойна пера гения, так наглядно представившего все ее выполнение. Мистицизм, поэзия и христианство украшают в равной степени рассказ, не противореча одно другому.

На следующий год Беньян издал вторую часть своего «Путешествия Пилигрима», в котором описывает странствование жены Христианина и их детей. Автор намеревался издать и третью книгу о судьбе оставшихся юношей после кончины обоих родителей, но надо полагать, что это сочинение либо вовсе не было им написано, либо затерялось, так как появившаяся после него книга под заглавием «Путешествие сыновей Христианина» хотя и приписана была Беньяну, но оказалась явным подлогом.

До шестидесяти книг появились одна за другой истинного сочинения Беньяна, некоторые из них немалого объема. Многие были богословские полемик, другие — объяснения проповеди, сказанные им в различных случаях. Но все им написанное внушено неутомимым желанием оживить мертвенность веры, полный индифферентизм не только своих современников, но и будущих его поколений. Задача трудная, почва неблагодарная, но Беньян, взирая на Господа, уповая на Его Силу, боролся неустанно, изучив на себе тяжесть сомнения, греха и слабость человека перед искушением.

Из небольших общедоступных его писаний можно назвать «Книгу для юношей и девиц», а из глубокомысленных — «Закон и благодать изложенные», которая убеждала самых ярых противников его учения.

Рассматривая все его сочинения, нельзя не прийти к сознанию, что во всех цель его ясна, слог общепонятен, суждения светлы и логичны, сравнения метки и верны, искренность несомненна, побуждение братолюбивое, образ речи достойный Воанаргеса: то строгий или чувствительный, то угрожающий или утешительный, смотря по надобности, с целью разбудить душу и привлечь людей в братство по вере во Христа.

Приведем для примера отрывок из его речи к душам медлительным и уснувшим на пути к вечности. «Ленивец, ты все еще спишь? (Прит. 6:9). Ужели ты решился на сон смерти? Ужели же ни вести с неба, ни из ада не в силах пробудить тебя? Ужели ты все будешь отвечать: дайте еще немного уснуть

и полежать, сложа руки. О, если б я умел красноречиво соболезновать о тебе и отдать мое сердце всецело тебе! Как я бы горевал над тобой, как бы я тебя оплакивал, бедная, обреченная, погибающая душа! Почему мое сердце так жестоко к тебе, что не умею скорбеть о тебе! Если б ты лишился одного члена твоего тела, или члена семейства, или близкого друга, это было не так важно, но, бедняк, ты губишь душу, и если б она шла в ад на день или на два, даже на год, увы, хотя бы на десятки тысяч лет, сравнительно было бы ничего. Но ведь она будет ввергнута на веки веков! О, как ужасно это слово — вечность! Каково будет услышать эти раздирающие слова: „Идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволам и ангелам его“».

Когда Беньян обращался к унывающим и тревожным сомнениями или страхом, он высказывал свою пронизательность следующим образом: «Почти что всякому случалось в жизни сомневаться в благодати Божией: явление нередкое, но чувство самое невыносимое для того, кто искренно сознает себя грешным. Преступление закона уже достаточно предосудительно; но сомнение в полноте благодати Божией, могущей оправдать нас и избавить от осуждения — преступнее, так сказать, самого греха. Поэтому послушай меня, унывающая, робкая душа, тебе я говорю: запрети сомнению, стряхни робкий страх и выбрось твои прегрешения за ограду благодати; поверь, что ты на то получил полное право, ибо пред твоим взором протекает река; эта река воды жизни, ее струи, благодать и милость. Не смущайся мыслью, что в тебе такой большой недостаток благочестия и добрых дел. И когда случится тебе видеть людей, которые ради телесного здоровья стараются поселиться вблизи целебных вод, вспомни, что одно твое стремление должно быть насколько можно приблизиться к воде жизни, так как для исцеления твоего от недугов духовных, от страха и сомнения тебе только следует черпать этой живой струи и жить вовек».

К верующему, радующемуся во Христе, он обращал иную речь: «Господу угодно и желательно видеть на земле каждого христианина остающимся на определенном ему свыше положении, звании и обязанности, исполняя все согласно полученному от Бога призванию. Они тогда как цветы в саду Божию. Куда какой цветок посадил садовник, там он и произрастает, и, начиная от ползущего по стене иссопа до кедра Ливанского, их плоды составляют его славу. А так как общий корень жизни, из которого они вырастают — наиплодотворнейший, а жизненная струя, исходящая из корня, также самая плодотворная, а сам садовник, устроивший весь цветник, самый премудрый домостроитель, то какое было бы противоречие природе и ожиданиям, если б мы не были богаты добрыми делами. И потому берегитесь, чтоб не оказаться вам картинным пламенем без жара, или картинными цветами без запаха, или же картинными деревьями без плодов».

Кончина Беньяна

Почти до конца своей жизни Беньян должен был претерпевать разные невзгоды из-за своих убеждений. Правительство, видя его непреклонное сопротивление к установленной религии в королевстве, с трудом его выносило и старалось всячески досадить ему. Несколько раз под разными предлогами его лишали всего имущества, даже запечатали молитвенный лом, в котором он проповедовал, так что одно время он не мог иметь собрание иначе как под открытым небом. Поэтому он решился перевести на имя жены все, что имел, не исключая могущих оказаться долгов, которых, впрочем, у него не было.

Устроив таким образом семью, он мог свободно и без опасения предаться вполне труду для славы имени Христова. Репутация его возрастала ежечасно. Случаев быть полезным трудно было перечисть. Он тоже много увеличил свои познания чтением книг, и постоянное столкновение с разными слоями общества благотворно действовало на его мировоззрения и речи. Но он безразлично старался убеждать в Евангельской истине и личностей, встречаемых им в доме лорда мэра, у которого он одно время был капелланом, как и простых людей в любой мызе, где он иногда завтракал перед часом проповеди.

В начале 1688 он стал страдать от припадков слабости, угрожавших ему скорой смертью. Немного оправившись от болезни, он снова принялся за труд, насколько позволяли его ослабевшие силы, но увы! конец быстро приближался, и он скончался один, вдали от семьи, не имея возможности доехать домой и проститься с близкими сердцу.

Причина, ускорившая его смерть, было действие самоотвержения. Сын одного помещика просил Беньяна испросить ему прощение от разгневанного отца, который лишил его наследства; исполнить эту просьбу нельзя было иначе, как увидевшись лично с отцом. Беньян проехал верхом 50 миль, и беседа его со стариком увенчалась полным успехом. Он желал проехать оттуда в Лондон, чтобы самому объявить о том молодому сыну, но во время дороги лил проливной дождь, он весь измок и остановился у приятеля своего на пути, господина Шаддока, где заболел сильной горячкой. Десять дней спустя он скончался, но в какой день, верно не знают, — между 12 и 31 августа 1688 года.

Смерть Беньяна — достойное довершение его жизни. Он не покидал горящего светильника и был постоянно опоясан верой. «Не плачьте обо мне, — говорил он окружающим, — живите свято. Я иду прежде вас в место, уготованное Спасителем всем искупленным Им грешникам. Там мы свидимся и воспоем новую песнь в блаженной вечности».

Тело его было погребено в Бунхиль-Фильдс в сопровождении целой толпы, оплакивающей уважаемого и всеми любимого пастыря. Особенно в Бедфорте велика была скорбь в его пастве. В заключение можно сказать, что жизненное поприще Беньяна соответствовало чудному описанию сновидения, оно началось в топи уныния и кончилось торжественным вступлением в вечное Царство славы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ КНИГ БИБЛИИ

- 1 Иоан. — Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова
1 Кор. — Первое послание к Коринфянам
1 Пет. — Первое соборное послание святого апостола Петра
1 Тим. — Первое послание к Тимофею
1 Фес. — Первое послание к Фессалоникийцам (Солунянам)
1 Цар. — Первая книга Царств
2 Кор. — Второе послание к Коринфянам
2 Пет. — Второе соборное послание святого апостола Петра
2 Тим. — Второе послание к Тимофею
4 Цар. — Четвертая книга Царств
Амос. — Книга пророка Амоса
Быт. — Книга Бытия
Втор. — Второзаконие
Гал. — Послание к Галатам
Дан. — Книга пророка Даниила
Деян. — Деяния святых апостолов
Евр. — Послание к Евреям
Еккл. — Книга Екклесиаста, или Проповедника
Еф. — Послание к Ефессянам
Зах. — Книга пророка Захарии
Иак. — Соборное послание святого апостола Иакова
Иез. — Книга пророка Иезекииля
Иер. — Книга пророка Иеремии
Иоан. — От Иоанна святое благовествование
Иов. — Книга Иова
Ион. — Книга пророка Ионы
Ис. — Книга пророка Исаии
Исх. — Книга Исход
Лев. — Книга Левит
Лук. — От Луки святое благовествование
Малах. — Книга пророка Малахии
Мар. — От Марка святое благовествование
Мат. — От Матфея святое благовествование
Мих. — Книга пророка Михея
Ос. — Книга пророка Осии
Откр. — Откровение святого Иоанна Богослова
Песн. — Песнь песней Соломона
Плач. — Книга Плач Иеремии
Прит. — Книга Притчей Соломоновых
Пс. — Псалтирь
Рим. — Послание к Римлянам
Суд. — Книга Судей Израилевых
Тит. — Послание к Титу
Чис. — Книга Числа

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПИЛИГРИМА В НЕБЕСНУЮ СТРАНУ

А. С. Пушкин. Странник	6
------------------------------	---

Часть I. Христианин

Вертеп и сновидец	9
Топь уныния	18
Мирской Муарец	22
Тесные врата	27
Дом Истокователя	30
Крест	36
Гора Затруднения	42
Украшенный чертог	48
Аполлион	57
Долина тени смерти	60
Христианин и Верный	66
Краснобай	73
Ярмарка Суеты	81
Христианин и Уповающий	94
Замок Сомнения	104
Отрадные горы	113
Очарованная страна	115
Неведующий	132
Страна Сочетания	139
Страшная река	141
Отчизна	144
Послесловие	148

Часть II. Христиана и ее дети

Христиана и ее дети	149
Тесные врата	160
Дом Истокователя	172
Крест и действие его	182
Украшенный чертог	190
Долина Уничужения	205
Честный и Боязливый	214
Гости Гаия	226
Ярмарка и дом Мнасона	238
Отрадные горы и пастыри	242
Воин истины	251
Очарованная страна	257
В Отчизне	262

Приложение

Юлия Засецкая. Биография Джона Беньяна	270
--	-----

Джон Беньян
ПУТЕШЕСТВИЕ ПИЛИГРИМА
В НЕБЕСНУЮ СТРАНУ

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций
В. Шабловского

Дизайн обложки,
подготовка к печати
А. Яскевича

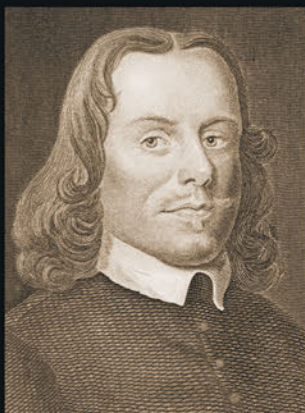
Сдано в печать 09.03.2023
Объем 9 печ. листов
Тираж 3100 экз.
Заказ № 1292/23

Бумага сыктывкарская пухлая книжная кремовая офсетная 60 г/м²

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А, www.pareto-print.ru

Джон Беньян (1628–1688) — классик английской религиозной литературы, протестантский проповедник, ныне почитаемый церквями Англиканского сообщества, автор около шестидесяти произведений, многие из которых являются расширенными проповедями. Самое известное его произведение — большой роман-аллегория о поиске человеком Бога «Путь пилигрима из этого мира в грядущий» («The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come»), на русском языке традиционно именуемый «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну». Роман был впервые опубликован в 1678 году (первая часть) и в 1688 году (вторая часть); уже при жизни автора первая часть выдержала одиннадцать переизданий общим тиражом более ста тысяч экземпляров.

С тех пор популярность романа не ослабевала: это одна из самых широко известных аллегорий, когда-либо написанных; текст переведен на многие языки, протестантские миссионеры часто переводили эту книгу как вторую после Библии.

Роман Беньяна оказал заметное влияние на развитие не только религиозной, но и светской литературы; отсылки к нему можно обнаружить в произведениях Чарльза Диккенса, Уильяма Теккерея, Марка Твена, Луизы Мэй Олкотт, Александра Сергеевича Пушкина, Николая Семеновича Лескова и многих других авторов.

Первый перевод «Путешествия Пилигрима» на русский язык появился в печати в 1878 году в издательстве Н. И. Новикова; впрочем, он был сильно урезан и к тому же выполнен не с английского оригинала, а с немецкого перевода. В 1835 году А. С. Пушкин создал стихотворение «Странник», представляющее собой рифмованное изложение первой главы романа; с тех пор это стихотворение традиционно используется перед основным текстом в русских изданиях аллегии.

В данной книге роман публикуется в переводе Ю. Д. З. — это псевдоним Юлии Денисовны Засецкой (1835–1882), известной русской протестантки, дочери героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Это первый полный перевод аллегии Беньяна на русский язык, выполненный с большой тщательностью и вниманием к тексту оригинала, к тому же снабженный жизнеописанием автора.

Разумеется, столь заметное произведение не могли обойти вниманием и талантливые книжные иллюстраторы. Данную книгу украшают гравюры, впервые опубликованные в книгах филадельфийских издательств Брэдли, Гарретсона и К° (1874) и Генри Альтемуса (1890); их создали английские художники Фредерик Барнард (1846–1896), сэр Джеймс Дромгоул Линтон (1840–1916), Уильям Смолл (1843–1931) и другие; гравировку по дереву выполнила лондонская фирма «Братья Далзил».

